

клер моуэт

**ЛЮДИ
С ДАЛЁКОГО
БЕРЕГА**

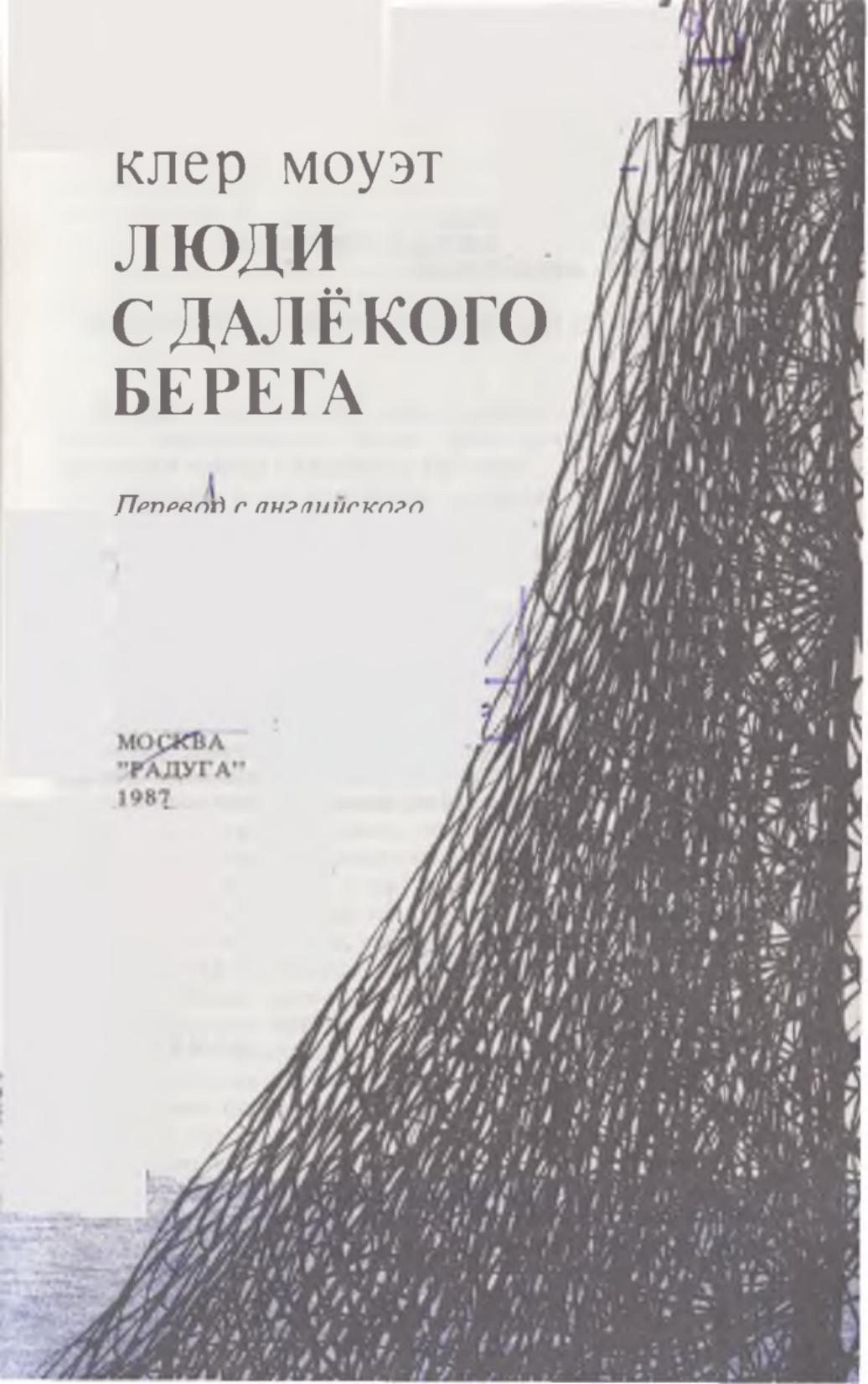

claire mowat

THE OUTPORT PEOPLE

TORONTO, 1984

клер моуэт
ЛЮДИ
С ДАЛЁКОГО
БЕРЕГА

Перевод с английского

МОСКВА
"РАДУГА"
1987

ББК 84 (7 Кан)

М 74

Предисловие Ю. РЫТХЭУ

Перевод О. КИРИЧЕНКО и А. ТИМОФЕЕВА

Редактор М. ФИНОГЕНОВА

Моуэт К.

М 74 Люди с далекого берега: Повесть. Пер. с англ./
Предисл. Ю. Рытхэу. — М.: Радуга, 1987. — 304 с.

Документальная повесть прогрессивной канадской писательницы рассказывает о жизни простых людей в далеком островном поселке, об острых социальных проблемах. Несмотря на то, что маленький рыбацкий поселок изолирован от большого мира, сюда доносятся отголоски развернувшейся в стране борьбы против наступления частных предпринимателей на права трудящихся.

М $\frac{4703000000-279}{030(01)-87}$ 59-87

ББК 84 (7 Кан)

© Claire Mowat

© Предисловие и перевод на русский язык издательство
"Радуга", 1987

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Поздней осенью 1966 года у причалов ленинградского пассажирского порта пришвартовался трансокеанский лайнер "Александр Пушкин".

Холодный ветер с дождем заставлял встречающих прятаться под зонтами, под навесами морского вокзала. Я встречал известного канадского писателя Фарли Моуэта с женой. Мы не были знакомы лично, узнали друг друга лишь по переписке, когда мне предложили написать предисловие к его книге "Люди оленьего края". Книга произвела на меня ошеломляющее впечатление. До этого известия о бедственном положении аборигенов Арктики на канадском Севере доходили до меня случайно, отрывочно, но в книге Фарли Моуэта приводились такие впечатляющие подробности намеренного искоренения с лица Земли целого народа со своей историей, культурой, песнями, танцами, легендами, что трудно было читать эту книгу без волнения.

Я написал Фарли, и у нас завязалась переписка. Дополняя содержание своей книги, он приводил в письмах сведения о том, какое жалкое существование влечат наши собратья по Северу.

Книга "Люди оленьего края" — это крик о помощи, это беспощадная правда о северных народах, которые оказались беспомощными в капиталистическом мире. Книга разошлась широко не только на родине Моуэта, но и в нашей стране, и правительству Канады пришлось принимать срочные меры, чтобы хотя бы создать видимость помощи ихальмеутам: ведь подлинные хозяева Канады предстали перед всем человечеством до крайности обездоленными, забытыми и заброшенными в своих пустынных и бесплодных землях. В одной из бо-

гательших и процветающих стран мира, где испокон веков проживали индейские и эскимосские племена, коренной человек Севера, житель бескрайних лесов и тундры, оказался ненужным, а порой даже и мешающим тем, кто наживался на эксплуатации их исконных земель, на грабеже природных богатств.

Фарли Моуэт показался из-за пелены дождя в бежевом плаще, в шотландском берете с помпончиком. Его веселое лицо, обрамленное густой рыжей бородой, отнюдь не выглядело усталым после долгого путешествия через Атлантику и Балтийское море.

Мы сердечно поздоровались, обнялись, и Фарли представил мне свою жену.

— Клер, — назвала себя хрупкая молодая женщина.

По плану нам предстояло большое путешествие по северным районам нашей страны — в Иркутск, на Байкал, в Якутию, в низовье Колымы, и при виде хрупкой Клер Моуэт я забеспокоился, но вслух ничего не сказал.

Правда, через несколько дней пребывания в Ленинграде, заполненных визитами в научные учреждения, учебные заведения, музеи, встречами с писателями, учеными и просто с читателями, я стал с уважением поглядывать на эту молчаливую, со сдержанной, едва уловимой улыбкой женщину.

Она старалась всегда держаться как бы в тени своего знаменитого мужа, редко включалась в общий разговор, особенно если разговор этот серьезный.

Лишь вечерами, в ресторане за поздним ужином или у себя в номере, она несколько оттаивала, но опять же оставалась как бы в стороне, отдавая первенство Фарли.

Честно говоря, она мне начинала нравиться. Я даже признался Фарли, что, на мой взгляд, Клер — идеальная писательская жена.

— О, она для меня куда больше, чем просто писательская жена...

Справедливость этого утверждения доказали все мои дальнейшие встречи с Клер.

После Москвы мы полетели в Иркутск, побывали на Байкале, встречались с сибирскими писателями.

Я разговаривал с Клер, понемногу знакомясь с ее биографией, с ее литературными вкусами и пристрастиями. Она хорошо знала классическую и современную

литературу и особенно интересовалась изобразительным искусством. Она могла без усталы бродить по картинным галереям, часами рассматривать фрески в сибирских храмах.

В Якутске ее особенно интересовали предметы национального прикладного искусства.

Как призналась мне сама Клер, она типичная городская жительница. Она родилась в Торонто, в провинции Онтарио, детство и школьные годы провела в городе. По образованию Клер график. С Фарли она познакомилась, когда тот уже был известным писателем, и в начале шестидесятых годов вышла за него замуж.

Ее точные и верные суждения о людях, явлениях, проблемах, житейских обстоятельствах обнаруживали живой и пытливый ум, но вместе с тем она оставалась обыкновенной женщиной, которая по вечерам занималась нашим бытом, приводила в порядок дневниковые записи мужа.

Из Иркутска мы полетели в Якутск.

Начало ноября в этих краях — уже настоящая зима. Помню, как морозным ноябрьским утром мы оказались на центральной площади Якутска в день Октябрьской годовщины. По такому случаю надел свою шотландскую юбочку Фарли Моуэт, чем крайне смутил закутаных в меха и теплые одежды якутян. Мимо трибун шли школьники, геологи, оленеводы, таежные охотники, добытчики алмазов, строители, летчики, водители тяжелых грузовиков, золотоискатели... Шли не только исконные жители Якутии, но и русские, украинцы, грузины, армяне, юкагиры, эвенки, чукчи...

Стоявшая рядом со мной Клер расспрашивала меня о местных людях, об их профессиях. Вечером она сказала:

— Меня поразила не красочность шествия, хотя все это было замечательно, а то, что шли уверенные в себе, довольные жизнью, счастливые люди.

Из Якутска мы направились дальше на Север, в устье реки Колымы, где находится северный Нижне-Колымский район. Здесь мы встретились с юкагирским писателем Семеном Куриловым, который повез нас в глубинную тундру на вертолете. Это было незабываемое путешествие! Семен показал нам, как запрягают оленей, и даже покатал Клер на упряжке, показал, как ловят

животных арканом, подробно рассказал о жизни оленеводов. На обратном пути мы заглянули в небольшое селение, где живут родичи Курилова. Здесь, к великому удивлению наших гостей, выяснилось, что общее число юкагиров не превышает шести сотен.

— Еще лет двадцать назад нас было лишь около четырехсот, — весело сказал Курилов. — Так что мы растем.

Клер уважительно сказала:

— Впервые вижу писателя, который знает весь свой народ в лицо!

Вторая моя встреча с Клер Моуэт произошла у нее дома, в небольшом городке Порт-Хоуп, на берегу озера Онтарио.

Случилось так, что мы разминулись. Клер поехала меня встречать в Монреаль, и я ввалился в дом, удивив своим неожиданным появлением Фарли и его давнего друга, фотографа Джона Девиссера.

Клер позвонила по телефону и, выяснив, что со мной все в порядке, осталась ночевать в Торонто у матери, предоставив нам возможность одним хозяйничать в доме.

Прожив довольно долго в доме Моуэтов, я обнаружил, что Клер оказывает существенную помощь мужу в оформлении его книг. Как раз тогда, осенью шестидесят седьмого года, Фарли Моуэт и Джон Девиссер готовили большую книгу-фотоальбом о рыбаках Ньюфаундленда. Иногда Клер, освободившись от домашних дел, садилась за просторный рабочий стол, на котором были разложены фотографии, перебирала их и рассказывала мне о людях, которые были на них изображены, называла имена, прозвища, подробно рассказывала историю их жизни. Это было удивительно! Она превосходно знала всех этих людей трудной и необычной судьбы. И при этом в ее рассказах сквозило чувство искреннего уважения и любви к рыбакам, рабочим, морякам — ко всем обитателям этой отдаленной части Канады.

— Ньюфаундленд совершенно непохож на остальную Канаду, — говорила она мне. — Это особый, иной мир, и не только потому, что его отделяет от другой части страны весьма значительное расстояние — в конце концов, расстояние в наше время большой роли не играет. Здесь другое, здесь чувствуется расстояние во

времени. Нет, я не хочу сказать, что эти люди отстали. Нет. Многие из них по своему развитию, и даже по своей образованности и эрудиции, намного выше тех обывателей, которые населяют Монреаль, Торонто или же наш Порт-Хоуп. Время жизни тех и других проходит где-то параллельно, но не пересекается. А если и пересекается, то чаще всего это не кончается добром.

Кстати, в то время я еще не знал, что Клер ведет довольно подробный дневник.

Мне казалось, она вспоминает Ньюфаундленд с такой любовью главным образом потому, что они с Фарли провели там лучшие годы своей совместной жизни: ведь они уехали туда сразу же, как только поженились, и прожили на этом острове почти безвыездно пять лет.

На мой вопрос, что она делала там, Клер скромно отвечала:

– Обеспечивала Фарли условия для его творчества, оформляла его книги...

Но вот перед нами книга самой Клер Моуэт, ее повесть "Люди с далекого берега", сразу же ставшая бестселлером и поразившая канадского читателя беспощадной правдой в описании жизни простых людей, заброшенных судьбой в отдаленный рыбацкий поселок на северном побережье Атлантического океана. Внешне бесхитростный рассказ отличается глубоким проникновением в жизнь, в семейные тайны, в тончайшие коллизии, раскрывает радости и горести, надежды и крушения жителей далекого поселка.

И сквозь неторопливый рассказ, заполненный зорко подмеченными деталями, вдруг начинает проступать удивительная, яркая картина жизни, которая захватывает нас внутренним драматизмом. Причем этот драматизм на поверку оказывается следствием самой системы, которая не знает жалости к слабым, к тем, кому не повезло в жестокой погоне за успехом. Капиталистическая действительность разрушает не только чудом сохранившийся патриархальный образ жизни, но и человеческие отношения. В этом плане книга Клер Моуэт соприкасается с основной темой книг ее мужа, посвященных обездоленным аборигенам Арктики, для которых смертельное дыхание капитализма оказалось куда губительнее северной стужи.

Мы оказываемся как бы в стенах домика Моуэтов, на просторной кухне, где часто сходятся тревоги и беды жителей деревушки. Мы поднимаемся с рыбаками на палубу маленького суденышка, чтобы отправиться в бурное, часто полное опасностей море.

Портреты людей, написанные талантливым пером Клер Моуэт, очень выразительны, и зрительный их облик без труда может быть воссоздан читателем, обладающим хотя бы малой толикой воображения. Возможно, это объясняется художническим талантом самого автора, но жизненность персонажей Клер Моуэт просто поразительна.

Надо признать, что написание и публикация книги была для ее автора довольно смелым шагом. Дело в том, что не только среди канадцев, но и за пределами этой страны сложился облик Канады как сравнительно благополучной в капиталистическом мире страны — страны с высоким уровнем жизни, с ухоженными загородными домами, с бескрайними полями, где земледелец трудится в свое удовольствие на своей ферме.

Так же, как Фарли, бросивший в лицо сытых и благополучных жестокую правду о людях, оттесненных на самый край ледяной пустыни, за последнюю черту жизни, Клер Моуэт открывает завесу над жизнью обитателей отдаленных прибрежных рыбацких деревушек — жизнью, весьма далекой от идиллии. Вот почему многие критики, отдавая дань писательскому мастерству Клер Моуэт, отмечали, что это произведение показывает совершенно новую сторону бытия канадского общества.

Я уверен, что советский читатель с интересом прочтет эту книгу.

Однажды, когда мы беседовали с Клер в ее доме в Порт-Хоупе, я высказал мнение о том, что быть женой писателя нелегко. Клер улыбнулась и ответила:

— Когда любишь, не так уж трудно... Впрочем, согласна: чтобы быть женой писателя, для этого нужно известное мужество.

Да, быть женой писателя нелегко, но чтобы при этом еще и самой писать — для этого действительно нужно настоящее мужество.

Юрий Рытхэу

Фарли, моему вдохновителю...

От автора

Поселка Балина вы не отыщете ни на одной карте. Но сколько их, суровых и прекрасных человеческих обителей, где людям приходится, отстаивая свое существование, сражаться с океаном, отвоевывать у отступающих по весне ледников клочки пахотной земли.

Я прожила среди таких людей несколько лет, в память об этих годах пишу свою повесть. Подлинных имен я не назову. В этой книге все имена вымышленные, исключение составляем мы с Фарли да кое-кто из государственных деятелей того времени. Любое совпадение с реальным лицом случайно и может возникнуть только потому, что просто я прибегла к фамилиям, распространенным на Ньюфаундленде.

1

Карта влечет к себе. Не я первая попалась на эту соблазнительную приманку. Карта висела на стенке в глубине комнаты без окон — проектного отдела компании универсальных магазинов "Симпсон-Сирс", где я служила. Один из наших проектировщиков притащил эту карту с собой из Сент-Джонса, административного центра острова Ньюфаундленд, куда был командирован на три месяца — проследить за строительством универмага нашей фирмы. Коллега частенько рассказывал массу любопытного про этот экзотический край: про то, какой странный выговор у местных строителей, какой там лютый холод, как скверно кормят в общественных местах, как то и дело чего-то не хватает. Когда он поведал нам, что пришлось даже звонить в Торонто, чтоб прислали отделочных гвоздей, потому что нигде в городе их достать невозможно, ему попросту не поверили. Тем не менее нужных гвоздей в городе не нашлось, а ближайший крупный город — Галифакс, и это уже Новая Шотландия, дотуда чуть ли не тысяча миль. Пришлось открыть магазин на две недели позже назначенного срока — вот сколько потребовалось времени, чтобы, несмотря на февральские бураны и нерасторопность приемщиков груза, доставить наконец гвозди из Торонто в Сент-Джонс.

Начальству было не до смеха. Меня же эти

рассказы позабавили. Я работала в "Симпсон-Сирс" уже четыре года, за это время фирма отстроила множество универмагов по всей стране, но ни один из рассказов моих коллег, кого судьба забрасывала то в Бэрнаби, то в Руэн, то в Голт, не захватил меня так, как тот, про Ньюфаундленд. Когда я, надышавшись дымом и гарью Дандэс-стрит, изнуренная полуденной июльской жарой, возвращалась с обеда в свой отдел, то подходила к карте Ньюфаундленда и стояла как замороженная, не в силах оторвать глаз от магических очертаний этого далекого острова среди сини Атлантического океана — там прохлада, там дуют ветры. Скоро я даже с закрытыми глазами видела эту карту. Я чувствовала, как солеными брызгами обдает нос и щеки, слышала дальний звук сирены — сигнал судам в тумане — и перезвон церковных колоколов, какой бывает ранним утром в воскресенье. Что же это за край такой, где Отрада Сердца, или Дурацкая Бухта, или Ручища Джо Батта — не прозвища, а названия поселков? Что это за люди, которым наплевать на отделочные гвозди и которым чужды амбиции большого города Торонто? Как, впрочем, и заботы всего государства канадского; ведь не весь Ньюфаундленд, а всего половина населения проголосовала за присоединение, и было это лет десять назад. Ясно только одно: там совсем все по-другому, не так, как у нас в Торонто.

Я еще не задумывалась над тем, как туда попаду, но твердо знала: когда-нибудь я там непременно побываю.

Оловянно-серое небо над Порт-о-Баском. Вот уже три года, как Ньюфаундленд владеет моими помыслами. Конец октября, середина дня. Ветер гонит нас вверх по трапу на "Баккальё" — отстроенный в Глазго паролод-крепыш, который

курсирует вдоль побережья того самого острова, где гуляют ветры, острова моей мечты. Это судно и еще три таких же — "Бургео", "Бар Хейвен" и "Бонависта" — раз в неделю обходят десятка четыре оторванных друг от друга прибрежных поселений Ньюфаундленда, связывая их с остальным миром. Каждую субботу один пароход выходит восточным, другой западным курсом, огибая скалистый берег острова, где нет ни шоссе, ни железных дорог, ни аэропорта.

Протяжный гудок возвещает, что вот-вот отчалим. Фарли обвивает меня рукой, мы стоим, дрожа на ветру, у поручней, смотрим, как медленно отплывает от нас безобразный портовый городишко. Где-то впереди, в неизвестном поселке Балина нас ждет новый дом.

Мой муж писатель; ему ничего не стоит — машинку под мышку и рвануть куда глаза глядят, была бы почта поблизости. Это подарок судьбы. Это тот случай, когда поверишь в провидение: муж, как и я, загорелся страстью к этому суровому, скалистому берегу. И мы очертя голову, лихорадочно стали собираться в дорогу. Для отъезда, конечно, существовали и вполне рациональные доводы. Жизнь на отдаленном берегу обойдется значительно дешевле: дома в Онтарио вдвое дороже. Глушь, дорог нет, значит, не нужно обзаводиться машиной. И так хотелось вдоволь поесть свежей рыбы, лесных ягод! Я решила сама печь хлеб, шить себе одежду. Мы мечтали скрыться подальше от городской, приевшейся жизни. Убедительных причин можно было отыскать сколько угодно, но все же не потому мы сорвались с места. Весь секрет заключался в том, что нас обоих неудержимо влекло именно в те края. Мы все равно отправились бы туда, каких бы трудностей, каких бы средств это нам ни стоило. В ту морозную субботу нас весь день качало от

Порт-о-Баска до Балины, но мы даже не заметили качки. Наш пароходик, пробивавшийся на восток сквозь темень безлунной ночи, с силой кидало вниз и болтало на волнах. Мы же, уютно пристроившись под одеялами на койках, грезили о радужном завтрашнем дне.

”Баккальё” подошел к причалу воскресным утром; народу на пристани почти не оказалось. Человек пять мужчин в теплых куртках и картузах примостились, прячась от ветра, под навесом багажного отделения. Какое-то семейство с чемоданами неуклюже спешило по булыжной дороге к причалу. Стайка ребятишек с любопытством глазела, как с палубы на пристань забрасывают швартовы. Двое мужчин на пристани подхватили канаты, чтоб обвязать вокруг тумб, и это стоило им немалых трудов — яростный восточный ветер относил наше судно от причала.

У пристани стояли два допотопных грузовичка. Один вообще развалюха. Другой был поновее, но у двух колес недоставало крыльев. Эти грузовички и составляли весь здешний транспорт. Тогда, в шестьдесят втором году, всюду бегали ”корветы”, ”ферлейны” и ”гран при”, здесь же на сотни миль в округе не встретишь ни единого легкового автомобиля. И улиц здесь не мостили.

Поселок Балина состоял из разбросанных по всему побережью симпатичных домиков, оплетенных дорожками и ухабистыми проселками. Там, где валуны и скалы расступались, домики сбивались в кучи. Пейзаж дополняли изгибы штакетных заборчиков и редкие чахлые ели. Деревья тут не вырастали выше человеческого роста. Лишь два шпиля англиканской да унитаринской церквушек возвышались над крышами домов и нагромождениями камней. Здесь, в этом краю, куда еще не докатились техниче-

29266

ские забавы нашего века, обитало около тысячи человек. Легковую машину многие из них видели только в кино. Передвигались пешком или на лодке. Мне предстоит здесь жить. Я стремилась отыскать райский уголок, где нет машин, и я его нашла — даже самой не верилось.

— Так вы с парохода этого будете?

К Фарли подошел коренастый мужичок с истребиным носом.

— Ваш багаж вон, в последней лодке. Еще с ним почту и товар грузили. Вы со своей хозяйкой ко мне в лодку пожалуйста, до бухты. — И добавил, как бы спохватившись: — Звать меня Дэн Куэйл. Вернее, Дэн Куэйл-младший, а то и папашу моего так же зовут. Во-он она, лодочка моя.

Стало быть, мы с Дэном Куэйлом-младшим соседи. Он оказался владельцем магазина, и потому нам пришлось ждать, покуда Дэн перегрузит в свою лодку мешки и ящики с парохода, а под конец и наш багаж. Осторожно спустившись с мостков, мы с трудом отыскивали место в заваленной тюками лодке. За нами в лодку прыгнул Дэн и внезапно откуда-то вынырнувший мальчуган лет восьми, его сынишка. Он долго и пристально нас разглядывал, но молчал.

— Это Джеки. Он у меня стеснительный, — сказал Дэн.

Рванул трос; одноцилиндровый моторчик, чихнув, затарахтел. Мы медленно, с монотонным стрекотом двинулись на осевшей по самый планшир лодке вдоль берега мимо бухточек и заливчиков, мимо россыпей лодчонок, мирно застывших на привязи возле спящих домов. Небо предвещало непогоду, и людей почти не было видно, изредка только попадались собаки. Дэн уверенно вел лодку сквозь вереницу лысых необитаемых островков, то и дело огибая полузадопленные

скалы, с виду зловещие, но служившие нам заслоном от океанской волны. Позже Дэн признавался, что не упомнит всех мест, где есть подводные скалы, знает только, где можно проплыть.

Официально считалось, что Балина, крохотная точка на карте, — одно селение; но в этом месте их оказалось пять. На самой западной окраине, куда и пролегал наш путь, находилась Собачья Бухта; там мы будем жить. Суда заходили в Круглую Гавань. Между нею и Собачьей Бухтой, вокруг деревянной готической церквушки раскинулся поселок Грязюка. К северу от него, прямо у рыбозавода, тянулся поселок Кишка. А на восточной окраине выпирал Хэнн-остров. Поведавший нам обо всем этом Дэн и сам толком не знал, где именно Балина.

— Может, там, где почта? — размышлял он вслух.

Тут имелось всего одно почтовое отделение, единственное общедоступное государственное заведение.

Мы обогнули гранитный серый островок с клоком бурой, пожелтой травы на верхушке, и вот перед нами, точно одинокий маяк, возник домик, который мы не устояли и купили, нагнав в Балину этим летом на пару дней. Обдумывая содеянное, я не раз спрашивала себя: ну не безумие ли это, купить дом в глуши, где нет ни знакомых, ни друзей, где все непривычно и неизвестно, что нас ждет? Не запрошусь ли я, что вполне естественно, туда, где потеплее, как только грянет суровая зима? Поживем — увидим...

Наш новый приют стоял на отшибе; все другие дома разноцветные — бирюзовые, желтые, зеленые, а наш выкрашен в чисто-белый цвет. За домом крутой скалистый обрыв, потом болотце, а дальше — холодный, штормистый океан, и ничего больше. У мостков десяток ребятишек

да пара стариков встречали лодку Дэна Куэйла. Один из мальчишек привязал лодку к столбику, и мы выбрались на мостки.

— Здравствуйте! — рискнула я обратиться к встречающим.

Дети уставились на меня, не проронив ни слова, старики молча кивнули. Между тем все без исключения принялись помогать нам вытаскивать вещи из лодки. Только когда все выгрузили, один из стариков решил представиться.

— Дэн Куэйл! — назвался он, обращаясь к Фарли, несмело, но дружелюбно. — Вернее, Дэн Куэйл-старший, а то и сынка моего звать так же. За все время, как мы здесь живем, в Собачьей Бухте, вы со своей хозяйшкой первые нежданные будете, — завершил он, косясь на меня.

— Надеюсь, мы у вас недолго в нежданных проходим! — бодро сказал Фарли.

Дэн-старший промолчал. Тут возникла небольшая заминка: ребята заспорили, кому тащить багаж до самого нашего дома. Тем, кому не выпал жребий, пришлось, как всегда, подтаскивать ящики и тюки к дому Дэна Куэйла. Магазиновой вывески я не увидела. И все же магазинчик был, в самой глубине дома, за ничем не приметной двойной деревянной дверью. Нигде ни таблички, ни объявления — ведь любой из местных знал, где находится магазин.

В сопровождении вереницы ребятишек мы направились к нашему скромному домику. Дверь черного хода была распахнута; я без особого удовольствия переступила порог, не зная, как это понимать. Но меня встретила натопленная, прибранная кухня. Дэн-младший еще накануне протопил плиту. Дети, тащившие чемоданы, сумки, одежду, пишущие машинки, без малейших колебаний двинулись следом за нами. Чуть-чуть потолкались туда-сюда и по-

бежали с горки вниз, к лодке, помогать выгружать товар для магазина. В доме с нами остались только Дэн Куэйл-старший да девчушка лет семи, его младшая дочка. Она протянула нам какой-то сверток в коричневой бумаге.

— Вот, хозяйка моя вам послала, — сказал Дэн.

Это оказался домашний каравай, дар куда более ценный в эту минуту, чем целая охапка роз: ведь мы прибыли в воскресенье, магазины не работают, ресторанов нет, а в нашем новом доме ни крошки съестного.

— А вон и мой дом! — Дэн показал в окно на крышу метрах в двухстах от нас. — Заходите, когда надумаете. Вам, нездешним, скучно будет небось. Я вечерами дома, кроме понедельника. А в понедельник у нас совет поселка заседает.

Мы решили, что нам повезло вдвойне, раз оба ближайших соседа, отец и сын, проявили к нам такое радушие.

Пока мы стояли и беседовали с Дэном-старшим, я все оглядывала этот первый собственный в моей семейной жизни дом. Мебель, которую мы заказали по каталогам и покупка которой по тем временам казалась нам расточительством, уже была доставлена. Холодильник, стол с четырьмя стульями, коврик, кушетка, кровать и комод с ящиками. Но для пяти комнат этой мебели явно недостаточно. И на каждом шагу бросалось в глаза, как много еще нужно подправить, переделать.

Это построенное лет шесть назад жилище, по сути, не было завершено. Самая большая комната в доме — кухня, остальные расходились от нее, как от центра. Небольшая зала, предназначенная для таких событий, как свадьба, похороны или визит священника. Обе спальни малюсенькие, двери пока не навешены. Имелась еще крохотная комнатка, по-видимому отведенная под

ванную, хотя воду туда не провели и сантехника отсутствовала. Шахматный пол в кухне выложен сососево-розовыми и бирюзовыми линолеумными плитками в рубчик. Однако в остальных комнатах пол поверх черного еще не настелили. Придется как следует поработать, чтобы привести по жилище в порядок, и к тому же надо оборудовать для Фарли рабочий кабинет.

— Скажите, мистер Куэйл, — спросила я, — вы, часом, не плотничаете?

— Нет, хозяйка, я на заводе работаю! — не без гордости ответил Дэн-старший. — Бригадиром в ушаковочном. Над женщинами поставлен, их у меня двадцать шесть. Сейчас как раз самая рыба. Работы по горло. Мистер Дрейк, значит, еще в пятьдесят втором меня нанял. С тех пор и служу. Но плотника я вам все же подошлю, коли нужда. Тут один недели две назад ходил, спрашивал, не надо ли подсобить. А у нас кому надо! Плотник тот к востоку от вас живет, в Гавани Уилфреда.

— Скажите, чтоб зашел, — попросил Фарли. — Нам он очень нужен.

На другой день чуть свет явился Фрэнк Оксфорд. Выполняя заказ жены местного доктора, он строил конюшню. Работать под открытым небом с каждым днем становилось все холоднее, и он был рад случаю поработать у нас пару недель, да еще в тепле. Фрэнк бродил по нашему побережью в поисках заработка. Из Гавани Уилфреда, глухого поселка милях в тридцати от нас к востоку, на заработки подавались многие. Иные — на Великие Озера, нанимались там на суда с апреля по декабрь. Фрэнку такое, как он сказал, не подходит, потому что его единственный пятилетний сынишка — незрячий от рождения и душа не позволяет бросать такого надолго. Он собирался отдать сына в специальную школу в Новой Шотландии.

Невысокий, шуплый Фрэнк говорил тихо, и глаза у него были карие, добрые. Здесь, в Балине, он оборудовал себе жилье прямо на носу своей просторной лодки, втиснул туда узкую койку и маленькую печурку. Узнав, что есть ему, кроме как в своем тесном убежище, негде и что он уже давно ничем, кроме рыбных консервов, не питается, мы настояли, чтоб он столовался у нас.

Думаю, Фрэнк так и не понял, что стал подопытным кроликом для моих кухонных экспериментов. Ходить на службу теперь не надо, наконец-то я заимела собственную кухню; и мне захотелось поскорей использовать те кулинарные рецепты, которые я заранее запасла. Покончено с едой на скорую руку, с супами-концентратами, с яичницей и беконом, чем я пробавлялась в девичестве. Теперь, когда любая рыба под рукой, я решила овладеть всевозможными видами ее приготовления. И занялась опытами, используя Фарли с Фрэнком в качестве дегустаторов. И хоть на Ньюфаундленде рыба — пища привычная, именно я открыла Фрэнку, что существуют такие блюда, как камбала "Дуврская красавица", или "буйабэсс"¹, или устрицы "Сен-Жак". Он принимался за все эти яства не без легкого содрогания, но съедал все без остатка. Даже первые мои плачевные опыты по части хлебопечения — караваи с провалившейся, похожей на лунный кратер серединой — съедались из вежливости до крошки.

После обеда мы беседовали за чашкой кофе; мало-помалу Фрэнк, преодолевая застенчивость, вступал в разговор. Его тревожило будущее Гавани Уилфреда. Остались одни старики, детишек рождается мало. Кто тут в недалеком будущем

¹ Густой суп из разных сортов рыбы и устриц. — Здесь и далее примечания переводчиков.

останется жить, работать? Многие из тех, кто отправился на Великие Озера, не вернулись назад. А если кто и возвращается, то ненадолго. Мы с Фарли тоже вступали в обсуждение, но чем мы, пездешние, могли его утешить?

Приводили дом в порядок втроем. Я красила стены и стенные шкафы, а Фрэнк с Фарли стучали молотками, навешивали двери, настилали полы, прибивали плинтус. Они установили сантехнику в ванной, наладили водопровод — вырыли в заболоченной почве за домом неглубокий колодец, проложили трубы. Колодец был метра два глубиной, но постоянно наполнялся дождевой водой. Вода цвета бледного чая оказалась чистой, а на цвет мы довольно скоро перестали обращать внимание. Кроме этого, мужчины прорыли канализационный сток, проложили трубу, выведя в океан за сотню метров от дома. Ни с точки зрения санитарии, ни с точки зрения охраны окружающей среды никто здесь против такой примитивной канализации не возражал. Из-за того, что почва и болотистая, и каменистая, канализационный резервуар не выроешь, и местные жители издавна привыкли каждое утро опорожнять ночные горшки прямо в океан.

С каждым днем наш дом принимал все более жилой вид. Фрэнк обшил досками прежде голый на радость ветрам фундамент пристройки и соорудил просторную светлую рабочую комнату для Фарли с двумя окнами — на восток, к океану, и на север, откуда открывался вид на гигантский, поросший лишайником валун. Однако до весны все завершить не удалось — у нас кончались деньги, а у Фрэнка — время. Погода все чаще портилась, то и дело на поселок обрушивались ливни и штормовые ветры. Отправляться в путь в небольшой лодке с каждым днем становилось все опасней.

Лишь только участились шквальные ветры, Фрэнк стал поджидать "приличного" денька, чтобы отправиться домой. Наконец ветер утих, море присмирело под бледным ноябрьским солнцем, и Фрэнк, точно птица перелетная, снялся с места. Мы распростились с ним до будущей весны.

2

Вскоре после отъезда Фрэнка, войдя как-то днем в кухню, я с изумлением увидела на кушетке трех девчонок. Печатаая на машинке, я не слышала, как они вошли.

— Здрасьте! — сказала я бодро.

Одна изобразила робкую улыбку, остальные и бровью не повели. Я посокрушалась вслух насчет плохой погоды, но отклика не последовало — только глазенки впились в меня. Пытаясь завязать знакомство, я полюбопытствовала, как кого зовут. Девочки глядели в пол, в потолок, друг на дружку, но ни слова. Я поняла, что они стесняются, очень-очень сильно. Снова попыталась вытянуть их из раковин. Спросила, где живут, ходят ли в школу, есть ли у них братья, сестры. Еле слышно хихикнули, но по-прежнему ни гу-гу. Их молчание поставило меня в тупик, я не знала, что делать.

Раз уж пришла в кухню, надо приготовить чай. Выложила на тарелку булочки угостить девчонок. Младшая осторожно взяла одну, остальные помотали головами, отказались. Значит, не за угощением пришли! Зачем же, недоумевала я, зачем они ко мне явились? Прихлебывая чай из чашки, я продолжала что-то без толку молоть, выдавливая из себя улыбку. Это тянулось минут пятнадцать, вдруг они встали и исчезли без еди-

ного слова, даже не извинившись за вторжение и оставив меня в полном недоумении.

С тех пор и другие дети стали то и дело навещать к нам, не только малыши, но и школьники; эти являлись после занятий, в субботу или в воскресенье. Но хоть уже не маленькие, все равно вели себя, как дошколята. Ничего не говорят и на вопросы мои не отвечают. Просто сидят и молча следят за каждым моим движением, будто они в зоопарке, а я какой-то диковинный зверь. Но вот, окончательно сбита с толку, я оставила бесплодные попытки их растормошить, и, когда заявлялись мои маленькие посетители, я коротко здоровалась, бросала пару фраз насчет погоды и возвращалась к своим делам.

Мне пришлось поломать голову, прежде чем я сообразила, что именно так и надо себя с ними вести! Дети, как впрочем и многие взрослые, приходили просто так, побыть у нас. Не для того, чтобы сделать что-то, сказать что-то; да и от меня не ждали, чтоб из-за них я бросила свои дела. Когда я изводила их назойливыми расспросами и нелепыми замечаниями, дети чувствовали себя неловко, смущались, как смутилась бы и я, если б, скажем, какой-нибудь незнакомец в автобусе принялся вдруг расспрашивать меня, как я живу.

Со временем до меня дошло, что наша кухня, как и кухня всякого дома в любом глухом местечке, предназначена для посиделок. В любое время с раннего утра до поздней ночи любой незваный гость может запросто войти к соседям и присесть на кухне. Спohватившись, мы с Фарли приучили себя не показываться там в неглиже. Посетителями нашими почти неизменно были мужчины или дети. Соседки ни поодиночке, ни группками не спешили навеститься к нам.

Мне, выросшей в городских условиях, когда дверные замки и звонки ограждают от вмешательства в частную жизнь, потребовалось время, чтобы привыкнуть к новым нравам. Даже стало нравиться вторжение молчаливой детворы: не я им, а они мне служили аудиторией. Мало-помалу гости стали что-то произносить, но тихо-тихо, словно боялись нарушить тишину божьего храма. Однако стоило им выйти за дверь, как дети принимались носиться, орать, куролесить, гоняться друг за дружкой что есть мочи. Но, переступив порог нашей, как, впрочем, и чьей угодно, кухни, стихали, точно в рот воды набрав. Никакого крика, никаких уловок, чтобы привлечь к себе внимание, никаких шалостей. Прямо слезка какая-то: глядят за каждым твоим шагом, ловят каждое слово — оно вроде бы и лестно, но мне, не привыкшей к такому, как-то не по себе.

Из девчонок к нам чаще всего наведывались двое, словно выделили меня по какому-то своему принципу, — одиннадцатилетняя Дороти и двенадцатилетняя Рут. Типичные для своего возраста закадычные подружки. Обе из семейства Куэйлов, обе темноволосые, кареглазые; но не сестры. Рут — дочка Дэна Куэйла-старшего, Дороти — младшего. Стало быть, тетка с племянницей. У Рут, которая была старше племянники на год, мордочка круглая, с ямочками, но не улыбочивая. У Дороти остренькое личико, носик красивый, тонкий, и как только заговорит, так и пляшет на губах у нее смешинка.

Со временем, познакомившись с другими детьми, мы выяснили, что у очень многих в округе фамилия Куэйл — так, кстати, зовется одна птичка¹, которая как раз в здешних местах и не водится. Кроме семейства Дэна Куэйла-старшего,

¹Разновидность перепела.

здесь жили семьи его сыновей — Дэна-младшего, Клэренса и Чарли Куэйлов. Нам терпеливо втолковывали: "Этот — Чарли мальчонка" или "Эта вот Дэна-старшего дочка". Нескоро научилась я во всем этом разбираться, отличать родных сестер и братьев от двоюродных и от теток с дядьями.

Все представители фамилии Куэйл в нашей Собачьей Бухте происходили от Джона и Этты Куйэл. Патриархи — обоим за восемьдесят — жили в уютном домике, в местечке, которое именовалось "глубью" Собачьей Бухты, — в поросшей травой низине, подальше от океана. Из девяти детей, что Джон с Эттой произвели на свет полвека назад, лишь один прижился в этих местах. Остальные либо умерли в младенчестве, либо, едва выростали, отправлялись работать в "бостонские штаты", так здесь именовали восток США, да там и оседали навсегда. Их единственным сыном, застрявшим в Балине, и оказался Дэниел Куэйл-старший, наш радужный сосед, которому уже стукнуло пятьдесят восемь. Жену его звали Лиззи, и было у них шестнадцать детей. Восемь из них сами уже обзавелись семьями и обосновались в здешних местах.

Джону с Эттой не пришлось на старости лет сетовать на одиночество. В ближайшей округе жило более трех десятков их потомков. Еще десятков шесть затерялось где-то в штате Массачусетс, но те дорогу в родные края забыли.

Не успела я как следует разобраться с семейством Куэйл, как еще чьи-то дети, на сей раз числом поменьше, стали наведываться к нам. Фамилия их была Пойнтинг — следовательно, это совсем другой род. Детишки Пойнтингов, бледные, нечесаные, резко отличались от ясноглазых, шустрых Куэйлов. Одежка на новых посетите-

лях потрепанная, а порой и грязная, в холода они ходили без галош, без варежек и шапок. Держались независимо, с другими детьми не играли. В отличие от детворы Куэйлов, которая, как правило, отказывалась от моих угощений, Пойнтинги с жадностью набрасывались на все, что я им предлагала. Не успевали появиться, принимались кланчить — то карандашик, то старое тряпье, то книжки, то апельсиновый сок для какого-нибудь больного брата, и так до бесконечности. С удовольствием растаскивали старые номера журналов "Шатлэн", "Стар уикли", и я по наивности своей надеялась, что их мамаша почерпнет оттуда дельный совет по ведению хозяйства или же какой-нибудь новый кулинарный рецепт.

Дом Пойнтингов оказался выдавшей вида, облезлой хибарой-полуразвалюхой. Она одиноко, по-отшельничьи ютилась в самом конце дороги, уныло маяча издалека. Не в пример женщинам Куэйл, известным домоседкам, Розы Пойнтинг на месте никак не сиделось. Я частенько видела, как, сопя, взбирается на горку эта миловидная толстуха. По виду ей никак не дашь больше тридцати, а она уже мать шестерых ребят, и седьмой на подходе.

Раз как-то, целый день угробив на приготовление нового торта, я всучила образец своего творчества, лимонный бисквит, Эдит и Мейзи Пойнтингам, чтоб отнесли домой к ужину. Я искренне считала свое творение, украшенное взбитым белком и приправленное лимонным соком, шедевром кулинарии и жаждала общественного признания. Девочек попросила только, чтоб принесли тарелку обратно.

Через час они вернулись с тарелкой и запиской от матери:

"Миссис Моут у меня именины во вторник пожалуста спеките такой пирог как Эдит дали

только с шоколадом я вам пошлю пакетики с концентратами а деньги заплачу жду ответа остаюсь мисис Гарлэнд Пойнтинг”.

Я дважды перечитала послание. Это что же, она приняла торт не как подарок, а как рекламу услуг? Меня слегка покорибило, что в записке никакого тебе ”спасибо”, но совсем dokonало то, что Роза считает, будто я пользовалась концентратом!

— Очень жаль, Эдит, — сказала я, еще раз пробежав глазами записку, — но передай маме, что во вторник мне нужно печатать, да и вряд ли я вообще буду печь на той неделе.

Эдит, и глазом не моргнув, приняла мой отказ. В свои двенадцать она уже привыкла ко всему.

— Пойнтинги? Да ну их, — презрительно сказал Дэн Куэйл-младший, когда я попыталась осторожно позондировать почву. — Ветрогоны они, вот кто! Гарлэнд этот, к примеру, шныряет где ему вздумается, охотничает. Дичью при случае приторговывает. Так, разживается по мелочам. Ни на что другое не гожа. А жена-то его! Гляньте, ни минуты дома не посидит! Чтоб детишкам чего сготовить, так нет. Конфетами пичкает да сушеной картошкой!

Дэн укоризненно покачал головой.

Я рассказала про то, как дала девчонкам пирог, и про записку от Розы. Он криво усмехнулся.

— Да плюньте вы! Именины небось у нее через полгода, не раньше. Таким ничего давать нельзя. Оглянуться не успеешь, все по ветру пустят. Дал им как-то старое пальто Сузи, почти неношеное, мало ей стало. На прошлой неделе гляжу — оно в луже, все пуговицы оторваны, и дырка здоровая светится. Никчемные они! Нечего вам о них и думать, хозяйка!

Выслушивая его, я все же не могла равнодушно смотреть, до чего заброшены дети Пойнтингов. И несмотря на советы Дэна, я продолжала им совать — когда шарф, когда перчатки — все, что попадало под руку, что могло бы им пригодиться хотя бы на время, хоть на чуть-чуть.

Регулярно школу посещали лишь самые младшие Пойнтинги. Редко случалось мне в толпе детей, бредущих по дороге в школу, заметить старших — Эдит, Гэрольда или Мейзи. В обязанности Эдит и Мейзи входили стирка и уборка. Одиннадцатилетний Гэрольд бродил с отцом по горам — охотился. А как стемнеет, крадучись шнырял от дома к дому, сбывал браконьерский товар — лосятину, оленину, куропаток, морских уток, зайчатину. Деньги от контрабандной торговли пополняли семейный бюджет, состоявший в основном из детских пособий Семейного фонда и пенсии, причитавшейся матери Гарлэнда, которая жила вместе с ними.

Если дети просили есть, Роза выдавала им деньги, и те бежали в магазинчик Дэна Куэйла и тратили их там по своему усмотрению, которое, конечно, вовсе не совпадало с предписанием диетологов. Когда деньги кончались, что случалось частенько, Роза принималась обегать самые зажиточные в Балине дома. Ее знали все. Для Пойнтингов повсюду откладывалось старье.

Неудивительно, что это нерадивое семейство вызывало презрение клана Куэйлов, где женщины ежедневно пекли хлеб, кормили детей домашним обедом, каждую субботу проводили в доме генеральную уборку, а во дворе на веревках постоянно трепетало и билось на ветру свежестыранное белье.

Но мы с Розой Пойнтинг были явно в чем-то схожи, ведь и мне не терпелось забросить домашние дела и отправиться гулять.

В магазин здесь, как правило, посылали детей, поручая им купить кое-какие мелочи, я же навевывалась туда сама. И накупала у нашего доброго соседа Дэна Куэйла-младшего множество всякой всячины; если же чего-то не оказывалось, я отправлялась пешком в Круглую Гавань или в Кишку — магазины там посolidнее.

В магазинчике у Дэна царил чудо какой порядок. В комнатке не больше самой обычной домашней столовой он умудрился разместить целый универсальный магазин, где имелось все, от резиновых сапог до горошка в банках. С полка на шнурах свисали кастрюльки и сковородки. Картонные коробки с детскими вещами поставлены столбиком друг на дружку. Под полом в мешках — картофель, репа, капуста и морковь, а на полках позади прилавка аккуратно разложены школьные тетрадки, карандаши, урологические пилюли Додда. В углу под полкой с рыболовными снастями бочка с солониной. Дэн с Мелитой торговали сами, да еще им помогала старшая дочка, одиннадцатилетняя Дороти. Все трое безошибочно знали, где что лежит.

Мне нравилось бродить подолгу, даже в ненастную погоду, и я решила освободить Фарли от обязанности таскаться на почту, находившуюся в миле от нас, в Круглой Гавани; сама навевывалась туда раз в неделю. Наверное, местные женщины косились на меня, принимая за эдакую лихую спортсменку-одиночку, но, честное слово, торчать целыми днями, как они, дома я никак бы не смогла.

Единственным намеком на то, что обшарпанная дверь наспех сколоченной пристройки к дому почтмейстера может быть входом в почтовое отделение, служила броская, хоть и потускневшая металлическая табличка с канадским государственным гербом. Только благодаря этой

почте да еще телеграфу по соседству с ней и осуществлялась связь поселка с окружающим миром. "Вестибюль" под стать входной двери был столь же непригляден. Ни единого стула, в углу горкой навалены пустые почтовые мешки в отметинах захаживающих сюда собак. Стены украшали портрет королевы в рамочке, рекламы типа: "Вся страна слушает и смотрит передачи федерального правительства!", пожелтевшее напоминание заблаговременно отправлять посылки к рождеству, выцветшая реклама, прославлявшая профессию канадского полицейского; под потолком — картонная табличка с уведомлением: "Название нашего населенного пункта" и точки, точки, точки, а над ними крупными буквами впечатано — БАЛИНА. Ни "деревня", ни "город". Всего лишь — населенный пункт. А ведь люди живут здесь с незапамятных времен, и это уже давно не просто "пункт". Но табличку прибили бог знает когда, никто на нее и внимания не обращал.

Если в воскресный день пароход прибывал по расписанию, почту можно было получить уже в понедельник днем (зимой, случалось, он запаздывал чуть ли не на неделю). Теперь днем и ночью я привыкла ловить звук паровозного гудка. По нему определяла, когда отправляться за почтой.

В первый раз, когда, добравшись до почты, я вошла в "вестибюль", там оказалось полно народу, в основном дети; они стояли, уставившись на мрачную стенку, откуда на них слепо смотрела запертая дверь с закрытым оконцем для выдачи. Но вот дверь приотворилась, высунулась голова Перси Ходдинотта, почтмейстера. Он в этот час с женой и сыном разбирает почту.

— А-а, здравствуйте, миссис Моуэт, прошу вас, заходите! — закивал он мне.

Смущенная таким исключительным вниманием к своей персоне, я пролепетала, что, мол, ничего, я постою, как все, в очереди. На мистера Ходдинотта мой отказ не подействовал, и, минуя очередь, которая вовсе не восприняла такой оборот дела как нечто необычное, я с почестями проследовала в святая святых — в то помещение, что скрывалось за дверью с окошком.

Как ни горько, пришлось признать, что и здесь существует сословный порядок. Считалось, раз мы приехали с "материка", где живут богачи, раз у нас есть средства на дорогу, на покупку дома и мебели, значит, мы достойнее многих окружающих. По-видимому, наш здешний статус определялся и еще какими-то местными критериями, но о них мы пока не догадывались. Как бы там ни было, а мистер Ходдинотт решил отнестись к нам с почтением.

— Мы уже заканчиваем, — предупредительно сказал он мне. — А вашу почту я отложил вон туда.

Он указал на объемистую стопку бандеролей, журналов, писем.

Почтовое отделение было не больше моей кухни, и мне пришлось встать у самой двери, чтобы никому не мешать. Подобно магазинчику Дэна Куэйла-младшего, здесь также царил образцовый порядок. Повсюду кучками и стопками сложены посылки. Население Балины делало закупки по почте, пользуясь каталогами фирм "Итон" и "Симпсон-Сирс", каждую неделю на почту обрушивались горы посылок. Посылки рассовывались по полкам под самым потолком, один угол комнаты был буквально завален ими. Посылки торчали даже из крохотной кабинки за перегородкой, по-видимому туалета.

— Ваш супруг, миссис Моуэт, как будто известный писатель? — говорил мистер Ходди-

нотт, проворно рассовывая по нужным ячейкам государственные аккредитивы. — Я тоже что-то в этом роде. Знаете, такого вам могу порассказать... — Он зашелся смехом, а руки его не переставали снова туда-сюда. — С первого дня как начал служить, еще в Заливе Везенья... Один за все про все. И телеграммы принимал-отсылал, и почта на мне, был и стражем порядка, и по социальному обеспечению, а то и священником... Бывало даже за неимением одного панихиды служил. Слава богу, есть что порассказать...

Не знаю, обладал ли мистер Ходдинотт писательским талантом, но стоило ему открыть свое окошечко, как я становилась свидетельницей его феноменальной памяти на лица и на имена. Он знал буквально каждого жителя Балины. Лишь только в окошке возникало чье-нибудь лицо, рука почтмейстера тут же тянулась в нужном направлении за почтой клиента. У него была своя, одному ему ведомая, отработанная система обслуживания. Мистер Ходдинотт действовал молниеносно и безошибочно. Он служил почтмейстером тридцать пятый год.

Я никак не ожидала, что нашей почты может скопиться так много и ее будет тяжело нести. Пришлось мистеру Ходдинотту специально для нас заводить отдельный холщовый мешок. Путь к дому неблизкий, и я брела, нагруженная письмами, книгами, журналами да к тому же еще кое-какими мелочами, которые заказывала по каталогам. Еле добиралась до дома; особенно тяжело приходилось, когда настали холода и северный ледяной ветер не давал ступить ни шагу.

В понедельник вечером, перед самым рождеством, я приволокла с почты очередной мешок. Фарли встретил меня на пороге. Обнял, дал выпить согревающего, потом мы стали вместе разбирать содержимое мешка — ведь только оно и

Связывало нас с прошлым. Сперва жадно набросились на письма родных и близких. Потом читали газеты — уже двух-трехнедельной давности — и наконец принялись за журналы. Радио, конечно, сообщало нам о событиях в мире, но мы все же блаженно ощущали себя совершенно оторванными от цивилизованной жизни; она казалась далекой, как планета Марс.

Дождь перешел в снег, потом снова полил дождь. Ночами в окно нашей спальни что есть силы барабанил ливень. Чуть не каждую неделю разыгрывался такой неистовый шторм, о каком, случись подобное в более населенных центрах цивилизации, кричали бы все газеты. Здесь же ветры в пятьдесят, шестьдесят, даже в семьдесят узлов были явлением обычным, а леденящие душу шквалы в сто узлов случались не так уж и редко. По крайней мере раз за зиму пустые составы у станции в Порт-о-Баске ветром опрокидывало с путей.

Слава богу, здешние ураганные ветры не настали внезапно. Прямо на глазах светлое небо на юге чернело, становясь цвета школьной доски. Мы задвигали засовы и ждали приближения шквала. Тут их называли "задувалами" — прямо скажем, явная недооценка такого явления. Ветер выл в трубе, дребезжали окна, весь дом на крепком фундаменте ходил ходуном. Даже вода в туалетном бачке плескалась.

Когда нам случилось пережить такое в первый раз, я приготовилась услышать об ужасающих последствиях, о бедствиях и разрушениях. Но все крыши оказались на месте, окна и двери остались целы и невредимы. И провода нашей единственной электролинии подрагивали как ни в чем не бывало между столбами, вогнанными в укрепленные камнями стойки. Лодки в такую пору привязывали двойными канатами. Детей

в школу не пускали. Из дома без крайней нужды никто не показывался. Пароход переждал шторм, завернув в первый попавшийся порт. Какое уж тут расписание при таком шторме!

Здесь буквально все, даже деревья, приспособилось к жестоким ветрам. Низенькие ели росли тесными группками, льнули друг к дружке, точно ребяшня в морозный день на автобусной остановке. Ветви сплетались накрепко, так, что им было не обломиться, не рухнуть на крышу дома или на провода, как нередко случается там, где растут высокие лиственные деревья. Здешних ветров не выдержало бы ни одно высокое дерево — ни клен, ни вяз.

Крыши у здешних домов были почти плоские. Покатую крышу неминуемо снесло бы во время шквала. Выше всех построек была в Балине англиканская церковь. В тысяча девятьсот седьмом с только что поставленной церкви, выстроенной, согласно тщеславному замыслу, из дерева, точной копией английского проекта, ураганом снесло чуть ли не всю крышу. Упорные прихожане стали сооружать новую, только теперь пришлось притянуть ее к земле тяжелыми стальными тросами, концы которых закрепили на гранитных валунах стальными болтами.

Ветер являлся главным предвестником зимы, но, как ни странно, не предвестником морозов. Температура обычно не опускалась ниже нуля. "Искристый шторм" по-местному, а мне известный под более прозаичным названием дождя со снегом, случался здесь часто и превращал все вокруг в чарующую рождественскую картинку. Все сверкало и искрилось, как на иллюстрации к русской сказке: и дома, и лодки, и причал, и белье на веревках, и провода. Однако не до сказок тому, кому надо выходить из дому в такую погоду: каменистые дорожки под ногами, покры-

ты, казалось, сахарной глазурью, становились скользкими, как лед.

Но погода здесь менялась очень быстро. Вперемежку с неистовым зимним ненастьем, когда даже птицы не осмеливались летать, выдавалось немало "приличных" деньков. И словно в насмешку над декабрем, иной раз поутру вставало солнце и воцарялась немислимая тишина.

3

В том самом декабре в Балину из Массачусетса вернулись Фримэн и Барбара Дрейк — владельцы местного рыбного завода, единственного на всю Балину промышленного предприятия. Вдоль берега глубокой бухты Кишка, где располагался одноименный поселок, тянулась переница светлых деревянных заводских построек. Сюда местные рыбаки сдавали свой улов, здесь же три мощных рыболовных траулера, тоже собственность Дрейков, опорожняли свои грюмы. На заводе трудилось немало рабочих; они разделявали и фасовали рыбу, а готовая продукция раз в семнадцать дней грузилась на судно-рефрижератор и отправлялась в Соединенные Штаты.

Кроме этого Фримэну Дрейку принадлежало еще несколько рыбозаводов на восточной окраине острова. Дрейки, вне всяких сомнений, были самым богатым, влиятельным и самым уважаемым семейством на нашем побережье. В Балине они жили по полгода, в просторном, всегда открытом для званых гостей особняке, остальные полгода проводили в Массачусетсе в не менее роскошном, по слухам, доме. Эдакие феодалы в миниатюре, они безраздельно господствовали в своей вотчине. Хоть рыбный

бизнес — не добыча золота, завод "Мороженая рыба Балины" и еще несколько ему подобных приносили своим владельцам немалый доход. Дрейки держали двух прислуг для присмотра за тремя маленькими дочерьми. Еще у них было два домика "в глуши" для охоты и рыбной ловли. В Балине в их распоряжении находилась щегольская моторная яхта "Сэр Фрэнсис Дрейк".

Кроме того, их собственностью было и "Боско", судно-рефрижератор, доставлявшее сотни тонн мороженого филе на бостонские рынки. Дрейки сами пользовались "Боско" довольно часто, чтобы, скажем, перебраться со всем семейством — с детьми, няньками, собаками, кошками — и массой багажа с континента на остров и обратно. В отличие от прочих, Дрейкам не приходилось зависеть от ненадежных расписаний или, прибыв на континент, толкаться в толпе пассажиров Канадской национальной железной дороги.

Сначала жизнь этого семейства представлялась мне чуть ли не иллюстрацией к приключенческому роману прошлого, где герои бесстрашно пускаются в морские путешествия в окружении верных слуг или живут в роскошных виллах, а по вечерам к ним заходит местный викарий на чашку чая, где героини — мятущиеся красавицы, которые стоят на вершинах скал, и ветер развеивает их волосы.

Но вскоре я убедилась, что на самом деле жизнь Дрейков далека от романтики, хотя некоторая доля драматизма в ней все же присутствовала. Я не могла понять: с чего это им, обладателям винных погребов, подписчикам изысканных журналов "Гурмэ" и "Вог", с чего им, проводящим досуг за игрой в шахматы или в бридж, понадобилось по полгода жить в самом заброшенном уголке своих владений? Барбара Рену Дрейк

и Фримэн Дрейк оба происходили из семейств, равно преуспевших в рыбном бизнесе. Но в шестидесятые годы уже никто из им подобных не стремился жить в глуши. Большинство обитало в Сент-Джонсе, административном центре Ньюфаундленда, подальше от зловония рыбных заводов, там, где их окружало изысканное общество.

И еще одно отличало Дрейков от принятого в местной коммерческой среде стереотипа: лет десять назад Фримэн разошелся с первой женой и женился на Барбаре. В провинции, где ни один развод не обходится без разрешения местных властей, второй брак Дрейка обошелся ему недешево. Правоверные христиане Ньюфаундленда, и протестанты, и католики, считали семью нерасторжимой во веки веков. А тут еще Фримэн, будучи протестантом, соединил свою судьбу с католичкой.

О том, как встретились и поженились Дрейки, в Балине судачили до сих пор; с годами рассказы переросли в легенды. Я даже втайне досадовала, что Фарли никогда не привлекал романтический сюжет. Такой материал перед глазами! Рисую себе будущую жизнь на краю света, я и не помышляла, что встречу таких, как Дрейки. Они словно сошли со страниц "Саги о Форсайтах" или "Возвращения в Брайдсхед"¹.

Унаследовав после смерти матери завод на острове Джерси, Барбара, которой было едва за тридцать, казалось, имела все, о чем можно только мечтать, — и деньги, и власть, и respectable супруга, и трех прелестных дочурок. Вдобавок ко всему и сама хороша собой: миниатюрная, с золотисто-каштановыми волосами,

¹ Роман современного классика английской литературы Ивлина Во.

голубые глаза — такие, от которых ничего не укроется. Барбара одевалась изысканно, признавала только настоящие драгоценности и затмевала всех женщин Балины красотой и элегантностью.

Фримэн был на несколько лет старше жены, высок, красив, и седины в волосах у него было ровно столько, сколько необходимо для мужской привлекательности. Носил твидовые пиджаки, серые фланелевые брюки, шелковые галстуки, и мне почти всегда при виде его на память приходили рекламные изображения знаменитостей, популяризирующих дорогое шотландское виски. Фримэн обожал шотландское виски.

Он был не так общителен, как его жена. Та постоянно называла в дом гостей. Фримэн же в Балине явно чувствовал себя неуютно. Он принадлежал к кругу элиты из Сент-Джонса, и провинциальное общество было ему в тягость. Уже через месяц после приезда он становился раздражителен. Лишь охота или рыбная ловля где-нибудь в глуши приводили его в норму. Этой возможности охотиться и ловить рыбу в местах, где на десятки миль не встретишь ни души, завидовали многие его городские друзья и приятели. Нередко они навевались в гости, взяв напрокат гидроплан, чтобы потом на борту "Сэра Фрэнсиса Дрейка" отправиться в запovedные места за лососем, за форелью или пострелять лосей и оленей.

В доме Дрейков постоянно принимались гости, не только заезжие приятели, но и кое-кто из живущих в Балине. Именно у Дрейков мы впервые встретились с людьми, которых судьба занесла в Балину со всего света. Их было немного: доктор, медсестра, полицейский, священник и управляющий рыбозаводом. К нам с Фарли Дрейки сразу же отнеслись дружелюбно. Да и появле-

ние новых лиц в узком кругу приезжих случилось нечасто. Мы не раз сживали в просторной гостиной Дрейков с огромными окнами, выходящими на залив и поселок Кишка, вдалеке виднелись горы. Камин горел жарко, кресла были удобны, беседа лилась непринужденно, а на угощение хозяева не скупились. Барбара оказалась превосходной кулинаркой. Что и говорить, здесь нам было сидеть привычней, чем на жестком стуле в кухне наших немногословных соседей по Собачьей Бухте, которые, невзирая на симпатию к нам, никак не могли преодолеть неловкость в общении с Фарли и со мной.

Как-то морозным вечером к нам явился мальчишка с запиской. Хотя я видела его впервые в жизни, он не смущаясь вошел в кухню и уселся на кушетке, дожидаясь ответа. Записку прислал Фримэн; он приглашал Фарли отправиться вместе с ним на яхте "Сэр Фрэнсис Дрейк" поохотиться на турров — маленьких, короткокрылых морских нырков, которых называют еще муррами или гильмотами; их мясо на вкус нечто среднее между рыбой и утиной. Фарли вовсе не охотник, но тут подворачивалась возможность осмотреть наше побережье. К тому же он только приступил к работе над новой книгой, и его изводили муки творчества. Фарли решил, что небольшое путешествие поможет ему хорошенько продумать замысел и тогда сюжет сам запросится на бумагу.

На следующее утро в полвосьмого к нам явился невысокий, жилистый, по-зимнему одетый человек — Ной Джозеф, проводник Фримэна в его охотничьих и рыболовных экспедициях. Жил Ной неподалеку, в Грязюке, и заглянул к нам по дороге, чтоб проводить Фарли в бухту Кишка. Этот человек играл роль егеря при орде-охотнике — в местном масштабе. Весь

в морщинах, хотя ему было едва за тридцать, Ной принадлежал к тем "диким", как их здесь называли, жителям, которые селились подалее от океана. И хотя за последние полвека многие из них пережились на девушках с побережья, полностью свыкнуться с жизнью рыбаков лесным жителям так и не удалось. Нет-нет да и принимались они подрабатывать лесным промыслом: стреляли дичь, ставили капканы или валили лес, коптили рыбу, а если добивались лицензии, нанимались проводниками к "спортсменам", являвшимся с материка. Ной состоял исключительно при Фримэне Дрейке.

Фарли оделся потеплее, сунул в рюкзак бутылку любимого рома, и они отправились.

Крутился легкий снежок, за окнами посвистывала вьюга. Пытаясь отвлечься, я села писать открытки и письма. Всего за одну неделю с того дня, как отчалил последний перед рождеством пароход, накопилась масса новостей для наших далеких друзей. Но сосредоточиться никак не удавалось. Ветер крепчал. В голове начали роиться сомнения: устоит ли перед океанской волной этот игрушечный "Сэр Фрэнсис Дрейк", эта окованная медью, отделанная красным деревом яхточка, предназначенная для штиля и приписанная к Багамским островам? Метель усиливалась, и я молила бога, чтобы яхта не отчалила. Мне было далеко до легендарной стойкости рыбаков, жен тех, чей удел вести промысел среди пучин морских.

— Верно, боязно в доме одной-то? — участливо спросила Мелита Куэйл, когда я зашла в магазин за продуктами. Если бы не дырка вместо переднего зуба и не чрезмерная тучность, Мелиту вполне можно было бы назвать миловидной. У нее длинные волнистые темные волосы, фиалковые глаза, темные ресницы. Мелита от застен-

ности говорит тихо-тихо; застенчивость на Ньюфаундленде — свойство распространенное, никто и не пытается его преодолеть.

Хоть я убеждала Мелиту, что мне ничуть не страшно, мои заверения не погасили ее беспокойства. Женщина не должна оставаться в доме одна; хоть она и не боится, все же нельзя так. Мелита готова была "одолжить" мне, чтоб скрасить одиночество, Дороти или Сьюзи. А если меня по ночам страх берет, можно у них и ночевать. У девчонок кровать просторная. Радужие и заботливость присущи многим в Собачьей Бухте. Но я все никак не могла взять в толк, чего мне бояться? Здесь, как нигде, я чувствовала себя в безопасности. Понадобится помощь — соседи совсем близко! Но на Ньюфаундленде вплоть до самого замужества девушки спят с сестрами и одной постели, а в домах полным-полно бабушек и тетюшек, потому-то местным женщинам и представить немыслимо, как это можно ночевать одной в пустом доме!

Хотя бы днем детишки Собачьей Бухты старались не оставлять меня одну. Теперь визитеров у меня было пруд пруди. Дети забегали даже во время большой перемены. И после школы, и после ужина. Под таким бдительным оком я едва могла урвать минутку, чтобы перекусить в одиночестве.

На мое счастье, принесли записку от Айрис Финли, шотландки, местной медсестры; она приглашала меня на обед. В Балине была "провинциальная" больница на восемнадцать коек — наследие Британского колониального управления, обосновавшегося на Ньюфаундленде в 30 — 40-х годах, когда остров находился в политико-экономической зависимости от Англии. Задолго до того, как в остальной Канаде организовали общественное здравоохранение, на Нью-

фаундленде уже появились бесплатные для окраин больницы, медперсонал которых состоял на государственном жалованье. Перейдя в шестьдесят втором году в разряд "местных" жителей, мы с Фарли стали платить по десять долларов в год: этот взнос покрывал все наши медицинские расходы, в том числе стоимость проезда, в случае необходимости, до любой больницы на материке, если на месте оказать нужную медицинскую помощь невозможно.

Айрис Финли, характерная представительница возвращенного Британией племени преданных своему делу медсестер, обладала безупречным чувством долга и авантюрной страстью к перемене мест. Канадские медсестры и врачи обычно неохотно отправляются служить в такие окраинные поселки, как Балина. До сих пор основная проблема провинциальных больниц — недостаток квалифицированного персонала.

Во всей Балине только у Айрис не было семьи. Она оставалась единственной одинокой женщиной здесь, где обходиться без семьи трудно. Было ей около сорока; миловидная, но угловатая, она являла образец отваги, самоотверженности, постоянной готовности прийти на помощь ближнему. Воспитанная в Шотландии, в спартанских условиях послевоенных лет, Айрис, не раздумывая, откликнулась на сообщение, опубликованное в "Журнале британских медсестер", что где-то на далеком Ньюфаундленде требуется сестра милосердия. До приезда Айрис и понятия не имела, что это за край, но, поселившись здесь, полюбила его. За семь лет, что проработала на Ньюфаундленде — сначала на острове Джерси, потом в Балине, — Айрис ни разу, даже на короткое время, не отлучалась на родину.

Хоть с моей точки зрения в Балине Айрис ве-

на нелегкую отшельническую жизнь, на Джерси ей приходилось еще тяжелее. Этот островок в сорок миль в пятнадцати от Балины был тем самым окраинным местечком, где заправляли делами три поколения предков Барбары Дрейк. Жителей на Джерси человек восемьсот; из всех это ближайшее к нам поселение. Остров очень мал, а его жители еще более оторваны от мира, чем мы. У нас хоть можно при желании, если найдется сидеть на одном месте, податься в леса, в глубь Ньюфаундленда. Но жители Джерси лишь в спокойную погоду могут воспользоваться лодкой.

И все-таки Айрис с неизменной теплотой вспоминала об этом острове как о далеком чудесном, райском уголке. Она подолгу рассказывала мне про жизнь на Джерси, и в ее рассказах было много юношеской романтики. Впервые я встретила человека, который мог, например, темной ночью, в шторм отправиться неведомо куда на лодке принимать роды. Такой была Айрис. Ведь на Джерси, кроме нее, других сестер и врачей не было.

— Ну и досталось же мне! Ни минуты покоя, — произносила она со своим резковатым шотландским выговором, так контрастировавшим с мягким местным диалектом — неким подобием архаического английского.

Айрис постоянно подчеркивала, что на Джерси люди совсем не такие, как здесь; чувствовалось, что она скучает. Интересно, что Айрис там такого замечательного нашла? По мне, тамошние жители ничем не отличались от наших, своих ближайших родственников. А сам остров — унылый, со всех сторон продуваемый ветрами, еще более неприкаянное место, чем наш прибрежный поселок! Все же Айрис так и не рассказала мне, почему ей пришлось променять такую райскую, если верить ее рассказам, обитель на больницу в Балине.

При больнице полагалось иметь двух медсестер, но, поскольку даже одну заманить в такое захолустье было почти невозможно, Айрис служила за двоих. Полагалось также иметь и двух врачей — одного, практикующего в самой Балине, другого, тоже приписанного к здешней больнице, только обслуживающего жителей на дому вдоль побережья в радиусе пятидесяти миль. Большой больничный катер стоял на привязи у причала, с надеждой ожидая, когда в него спрыгнет, спеша к больному, какой-нибудь эскулап.

Айрис Финли выбрала себе в помощницы нескольких девушек из местных, обучила их. Для молодой, незамужней девицы со средним образованием работа в местной больнице была единственным шансом выбиться в люди. Эта работа считалась престижной, здесь платили больше, чем на рыбозаводе. А еще Айрис вела для желающих курсы первой помощи; хотела организовать курсы молодых матерей, но эта идея зачахла. Женщины перестали ходить на занятия, как только Айрис показала им младенца-зародыша на картинке. А о том, чтобы кормить малышей грудью, молодые матери и слышать не хотели. Для них это было признаком отсталости, напоминанием о тяжелой доле бабушек. В нынешние времена детей вскармливали искусственно.

Когда выдавалось свободное время, Айрис частенько заходила к Дрейкам и возилась с их девчушками — Миген, Нэнси и Элизабет. Учила их шить, печь сладкое печенье. Не исключено, что Фримэн с Барбарой принимали ее не иначе как служанку-приживалку, но Айрис в их доме ощущала тепло семейного очага, чего ей, видно, так не хватало.

Однако, как бы дружески мы с Айрис ни беседовали, как ни приятно мне было ее общество,

и не удалось сойтись с ней поближе. Так и не удалось разгадать, откуда в ней эта фанатическая жажда помогать другим, принося в жертву себя, собственные желания.

4

Всего лишь один человек в Балине мог бы в известной степени соперничать с Дрейками в смысле достатка и общественного веса. Это был живущий здесь и состоящий на службе отдела периферийного здравоохранения доктор Роджер Бишлингс. Как и Айрис, доктор родился в Англии, которая издавна оснащала больницы Ньюфаундленда медицинским персоналом. Но если Айрис жила скромно, доктор и его жена, напротив, любили размах. В то время как Айрис довольствовалась двумя комнатками при больнице и из имущества имела лишь самое необходимое, доктор и его супруга Джейн занимали целый особняк, предназначенный для местного пункта здравоохранения.

Этот дом был построен в 1909 году семейством Ледрю, местных торговцев, которые, сколотив в Балине за годы правления их династии приличный капитал, вернулись на родину предков — Нормандские острова. Эти потомки уроженцев острова Джерси¹, двести лет державшие в руках всю торговлю здесь, на побережье, были последними из английских хозяев, покинувших эту землю. Они уехали, а правительство откупило особняк в эдвардианском стиле, чтоб поселить в нем врача. Коренным жителям Балины не по средствам жить в подобном особняке, к тому же

¹Здесь: самый крупный остров в архипелаге Нормандских островов.

и не привыкли они к таким хоромам. Однако сам дом не был лишен привлекательности. Он красиво стоял на вершине холма, сверху открывалась дивная панорама океана. Высокий нижний этаж, дверные притолоки, подоконники и плинтусы были покрыты изысканной резьбой.

Внутреннее убранство представляло затейливую смесь меблировки английского замка и обстановки канадского охотничьего домика. Пухлая тахта покрыта оленьей шкурой, оставившей на одежде короткие жесткие волоски. Мягкие сиденья двух кресел с подголовниками были сплошь изодраны когтями двух сиамских кошек. Красного дерева кофейный столик времен королевы Анны вечно завален медицинскими рекламными изданиями — эти глянцевые брошюры изо дня в день наводняют почтовый ящик любого врача. Когда-то я считала пределом мечтаний иллюстрировать именно их, потому что они славились высоким оформительским уровнем. Однако, к моему удивлению, Роджер оказался совершенно невосприимчив к такого рода шедеврам, в результате все это богатство сжигалось в камине.

Этот камин с деревянной рифленой панелью был истинным украшением разностильной гостиной. Джейн все собиралась заменить каминную облицовку в ионическом стиле на декоративный дымоход, который хотела сама выложить из камня. Отец ее был архитектором, и она считала, что это дает ей право демонстрировать и собственные архитектурские навыки. Высокая, худощавая, Джейн была женщиной своеобразной, ходила вприпрыжку, длинные черные волосы обычно заплетала в косу. Обладала неистощимым запасом энергии, то и дело что-нибудь придумывала. Когда мы впервые пришли к ним в дом, Джейн принялась показывать, что сделано

ее собственными руками. Сначала смастерила кухонные полки. Через год построила курятник. Еще через год, когда кур поели, Джейн соорудила псарню и развела гончих. Поджарым, гладкошерстным собакам сурово приходилось под ветрами Атлантики, и на них надевали теплые попонки. Потом Джейн перекрасила стены в доме, сама и колер подобрала необычный — горчично-желтый.

Собственная внешность, казалось, ее не волновала. Думаю, что весь свой гардероб, состоявший из "вязанок" и "плащовок" и неизменных жокейских бриджей, она приобрела, еще когда жила в Англии, лет десять назад.

Самой уютной комнатой в доме была, пожалуй, кухня, где суетились две служанки; их комната располагалась как раз над кухней. Они с утра до вечера готовили еду, наводили порядок в доме и пестовали пятилетнего Стивена, единственного отпрыска Биллингсов. Кроме двух служанок, в доме был еще постоянный слуга Джейкоб, который чистил конюшню (спроектированную самой Джейн) и холил двух верховых лошадей и маленького пони.

Роджер, как и его жена, тоже был не чужд увлечений. На ломберном столике в гостиной стоял не до конца собранный им приемник-коротковолновик. А кроме того, хозяин дома был знатоком вин; при случае он заказывал вина ящиками из Сент-Джонса. Раз как-то, спустившись с Роджером в подвал помочь что-то оттуда достать, Фарли стал свидетелем еще целой серии увлечений хозяина дома. В подвале оказались: недостроенная лодка-каяк, над которой Роджер трудился в зимние месяцы, нераспакованный акваланг, лыжи с лыжными ботинками — бесполезные в этих краях, где сплошь скалы, а ветер швыряет снег прямо в лицо.

Роджер с Джейн по-прежнему считали Ньюфаундленд английской колонией, Канады для них будто и не существовало. Очутились Биллингсы здесь (а не в Африке, куда Роджера также звали) только потому, что тут больше платят. По всей вероятности, оставаться здесь насовсем в их намерения не входило. Ждали, когда сыну исполнится десять, чтобы отправить его "на родину", в приличную школу.

Стивен, маленький крепыш, изъяснялся на местном диалекте, так как по большей части общался с постоянно меняющимися служанками и бегал по домам сверстников. Он был одновременно и дитя здешних мест, и сын своих родителей. Случайно ли, намеренно ли, но ему была предоставлена полная свобода. То ли Биллингсы полагали, что ребенку надо все позволять, то ли, как истинно привилегированные британцы, просто передоверили воспитание сына слугам, которым платили жалованье.

Сначала нас потянуло к Биллингсам; мы подумали, раз они, как и мы, нездешние, нас должно что-то объединять. Но мы ошиблись: их образ жизни оказался столь же чужд нам, сколь наш был чужд местным жителям. Хоть коренное население и продолжало относиться к нам дружелюбно, добрососедски, хоть нам всегда и во всем оказывали помощь, между нами и здешними жителями существовала по-прежнему заметная дистанция. Почему-то ко мне местные женщины относились с опаской. Стоило мне заглянуть к кому-нибудь на кухню, разговор тотчас обрывался и на меня устремлялись настороженные взгляды. Мужчинам, более привычным к чужой публике, легче оказалось сойтись с Фарли. Они перекидывались шутками-прибаутками, непринужденно болтали о погоде, о рыбной ловле. Но все же мы понимали, что и мужчинам, и жен-

щинам Балины пока очень не просто привыкнуть к нам, таким не похожим на них ни своими манерами, ни образом жизни. И если мы хотим сойтись с кем-либо поближе, придется искать среди себе подобных, среди тех, кто, как мы, приехал сюда издалека.

С четой Макэкерн нам повезло больше, чем с Биллингсами. Дуг Макэкерн, капрал канадской конной полиции, оказался единственным полицейским на сотню миль в округе при населении около четырех тысяч. Ему и его жене Марджерри не было и тридцати, они жили при местном отделении полиции — от дома Биллингсов прямо по дороге и за угол. Рыжеволосый, веснушчатый громадина Дуг родился в небольшом городке на острове Ванкувер и до того момента, как его призвали, нигде дальше Ванкувера не бывал. Сперва Дуга назначили полицейским в Форчун, поселок на Ньюфаундленде, побольше Балины, который связан с другими районами шоссейной дорогой, там Дуг встретил Марджерри, и они поженились.

Это была симпатичная пара, не чопорная, не заносчивая. Высоченная, под стать мужу, Марджерри была женщина спокойная, добродушная. Всегда рада гостям — в момент у нее уж и чайник кипит, и сама она потчует гостей своим печеньем. Жизнь Дуга в Балине явно противоречила известной песне про безрадостную долю полицейского. Свою работу он любил, хотя особых хлопот ему не выпадало. Ньюфаундленд пришелся Дугу по душе; в отличие от многих его предшественников Балина ему нравилась. Дуга вполне устраивало, что преступность здесь низкая.

— У нас за год от силы шестьдесят, ну семьдесят случаев, — хвастал он, — никак не больше!

Обстановка в доме полицейского резко отличалась от той, что мы видели у доктора. Само

зданьице имело нежилой, казенный вид, как и подобает государственному учреждению, — длинное, одноэтажное, с двумя парадными входами и флагштоком у крыльца. Дуг с Марджери занимали полдома, там располагалась просторная квартира с двумя спальнями. Во второй половине размещались собственно сам полицейский участок, жилые комнаты для второго полицейского, которые пока пустовали, и в конце коридора — камера для задержанных.

Супруги изо всех сил старались как-то скрасить казарменный вид полицейского управления. На окнах висели занавески в цветочек, в комнатах уютная мебель, вышитые подушечки, по стенам семейные фотографии, на подоконниках цветы в горшках, на кофейном столике — журналы, а рядом с проигрывателем — стопка пластинок. В день нашего первого к ним визита в гостиной повсюду пестрели рождественские открытки.

— Ну, голубушка, ждите, на следующей неделе гости повалят! — сказала Марджери.

— Ряженые, что ли?

Дороти и Рут Куэйл много рассказывали нам с Фарли про ряженых. Да и не они одни, вся детвора нашей Собачьей Бухты только и твердила об этом, нас запугивали, как сами пугали друг дружку сказками про привидения. До этой зимы я и слыхом не слыхала про ряженых, но Фарли где-то читал про всякие древние обычаи в Англии. Он говорил, что ряжеными называли бродячих актеров и музыкантов, которые устраивали под рождество представления, но такого уже лет двести не случалось. Однако на Ньюфаундленде эта древняя традиция каким-то образом уцелела.

Не помню точно откуда, но я знала про некоторые рождественские обряды у разных народов.

В Австралии, например, где в это время самая жара, все идут купаться; франко-канадцы после полуночной рождественской мессы закатывают пир до самого утра; украинцы празднуют рождество на две недели позже и наряжаются в вышитые сорочки. Слыхала я и про рождественские елки, и про заздравные чаши, не знала только ничего про ряженных. В те годы на Ньюфаундленде не особенно распространялись перед приезжими про местные обычаи, возможно, из боязни, что на материке их поднимут на смех, сочтут отсталыми; кроме того, в те годы, да еще зимой сюда мало кто заезжал.

На второй день рождества, двадцать шестого декабря, было солнечно, весь день шел легкий снежок, а к вечеру сильный ветер сбил его в сугробы. В такой вечер особенно приятно сидеть у камина с любимой книжкой. Что мы и делали. Вдруг наш покой нарушил резкий стук в дверь. Обычно в дверь стучала лишь девочка—разносчица телеграмм, ибо только она и являлась по делу. Остальные просто входили без стука и садились на гахту.

Я, прямо в шерстяных носках, прошлепала в кухню, включила свет и распахнула дверь во вьюжную тьму. Передо мной стояло какое-то непонятное существо — ребенок это или взрослый, мужчина или женщина, определить было невозможно. Существо спросило меня хриплым нечеловеческим голосом, можно ли войти. Лицо этого, похожего на призрак, гостя (или гостьи) закрывал белый лоскут, подоткнутый под непромокаемую рыбацкую зюйдвестку. Необъятная дождевая куртка едва сходилась на огромном, как у толстухи негритянки, бюсте. Под длиннущими рукавами едва видны были руки в розовых ажурных перчатках.

Интересно, как бы я себя повела, если б никто

мне про ряженных ничего не сказал? Велела бы странному визитеру убираться прочь? А может, просто расхохоталась бы от души? Оправившись от первого потрясения, я все же произнесла: — Входи!

Ряженный неуклюже протиснулся в кухню, стал у стенки; только когда я предложила, он сел на тахту. По его робкому поведению я решила, что этот гость еще ни разу в моем доме не появлялся. Подошел Фарли, как и я, сгорая от любопытства. Обменялся с ряженным парой слов насчет погоды, после чего наступило долгое молчание. Мы с Фарли не знали, как себя вести дальше, а пришелец никаких намеков нам не подавал. Разговор не клеился еще и потому, что ряженный, скрывая свой голос, на все наши вопросы лишь гнусавил "да" или "нет".

Мы принялись отгадывать, кто же это. Отгадывание превратилось в бесконечную шараду. Нет, не Куэйл. Нет, не из Собачьей Бухты. Нет, не Пойнтинг. Мы быстро выдохлись, потому что, кроме ближайших соседей, никого в округе не знали. Замешательство длилось минут пятнадцать, тогда ряженный, видно отчаявшись, вытянул из кармана маленькую губную гармошку, поднырнул рукой под белый лоскут, служивший маской, и принялся наигрывать что-то непонятное. Поиграв чуть-чуть, он — или она, этого я так и не узнаю! — поднялся и вышел за дверь, мы видели, как он проворно засеменял по дорожке в темень, ветреной ночи.

Забавно, хоть и странновато как-то; мы снова расположились с книжками у камина, но скоро вновь от чтения нас отвлек громкий стук в дверь. На сей раз открыть пошел Фарли. Теперь вместо одного к нам нагрянуло четверо — двое маленьких, два побольше. Едва сдерживая хихиканье, они выдавили скрипучими голосами заученное:

— Пустишь ряженных войти?

И, как семейство каракатиц, неуклюже втянулись гуськом, шаркая огромными, верно снятыми с отцов, резиновыми сапожищами, которые едва не сваливались у них с ног. Каждый был потешно обряжен в одежду, заимствованную у разных членов семейства. У двоих, что побольше, на головах наверхены шарфы, из-под них свисают лоскуты, прикрывая лица; у одного — необъятный бюст, у другого — необъятный, набитый чем-то мягким зад. На маленьких ряженных надеты маски страшилищ. Я заметила связку подобных масок в лавке Дэна Куэйла-младшего и решила, что они просто залежались со Дня всех святых¹. Должно быть, под рождество только здесь и можно такие маски сыскать.

В отличие от первого, неразговорчивого посетителя, эта компания болтала без умолку, хоть и непонятно какими голосами. Да знаю же я их, знаю, ведь и они здесь чувствуют себя как дома!

— Угу-ум! — промычали они, когда я спросила, не в Собачьей ли Бухте живут.

Угу, из семейства Куэйлов. И тот, и тот, и тот, и тот! Принялись отгадывать, кто отец. Чарли? Кизренс? Дэн-младший? Старший? Выяснилось, что наши гости и из семьи Дэна-младшего, и из семьи его отца. Тут я отгадала младших.

— Вы — Дороти и Рут, так? — спрашиваю, окрыленная своим первым успехом.

Девчонки тут же сбросили маски, открылись хохочущие мордашки, пылающие от тепла и возбуждения. Но двое старших продолжали оста-

¹31 октября — "Хэллоуин", канун Дня всех святых, который празднуется в Шотландии, США и Канаде. В эту ночь принято рядиться во всякие диковинные маски и костюмы.

ваться в масках, и нам еще предстояло отгадать, кто они такие. Может, они из старших братьев или сестер Рут, но Рут четырнадцатый ребенок в семье, тут гадать — не перегадать. Вдруг нас осенило: это погодки: Мюриэл и Обри, сестра и брат чуть постарше Рут. Среди общего хохота они откинули лоскуты с лиц, открывшись нам, как открываются угаданные наконец герои телевикторин.

Оба подростка, Мюриэл и Обри, не так часто навещали нас. И потому, как только сбросили маски, они словно в рот воды набрали. В масках оба держались гораздо свободнее. Мы на каждом шагу становились свидетелями подобного преобразования. Застенчивые, тише воды ниже травы, превращались в веселых клоунов, плясали и пели будто заправские актеры — но лишь до тех пор, пока их лица скрывали маски ряженых. В тот вечер нам удалось пообщаться лишь с Дороти и Рут, но и они говорили сдержанно-вежливо, как привыкли вести себя с нами.

К нам, новоселам, валили, как ни к кому из здешних, толпы ряженых. Люди пользовались возможностью, не открывая себя, поглядеть, как мы живем. Стоило прокатиться вэсти, что мы принимаем ряженых в дом — ведь не каждый пускал их на порог, — они лавиной потекли к нам. Не по дням, а по часам росло наше мастерство отгадывания.

Все двенадцать дней рождественских праздников, кроме воскресных, каждый вечер нас посещали ряженые. Я благодарила бога за воскресные передышки, хоть чуть-чуть удавалось отдохнуть от визитеров. Разумеется, мы вправе были их не пускать, но такое обычно позволяли себе те, у кого в семье больные или совсем малолетние детишки — могут испугаться при виде столь-

ких непонятных страшилищ. С теми, кто без особых на то причин отказывался пускать к себе ряженных, местные общаться избегали.

Дуг и Марджери Макэкерн не имели права пускать к себе ряженных — хоть в Балине преступность и невелика, все же полицейскому как блюстителю закона положено знать, кто является к нему на порог. Но к нам в дом Макэкерны чистенько наведывались, чтоб повеселиться, глядя на ряженных.

Хоть Марджери — уроженка Ньюфаундленда и сроду нигде, кроме этих мест, не бывала, ей в ее родном поселке видеть ряженных не довелось. Стоило появиться шоссейной дороге и автомобилям, как этот обычай в Форчуне полностью исчез.

5

Мальчишке, принесшему записку, было лет шесть-семь. Однако он вручил нам конверт со степенностью архиепископа.

”Фарли если хочешь с Кларой ряженными приходите к нам вечером в восемь.

Ной”.

Нам выпадал случай уже в ином качестве поучаствовать в известной забаве. Сначала я колебалась: вдруг не справлюсь с новой ролью? Но Фарли считал, что справлюсь. И мы передали записку с утвердительным ответом сынишке Ноя, который, ожидая конца наших переговоров, сидел в кухне на кушетке и делал вид, будто нас не слушает.

Только мы решились, меня охватило буйное веселье; вот здорово: можно хоть на время изменить свой привычный облик, преобразиться непонятно во что. Видно, в глубине души всякий обожает лицедейство. Как бы мне вырядить-

ся? Я обшарила все шкафы и комодные ящики в поисках тряпья понелепей. Понимала, что слишком отличаться от местных ряженных нам не стоит — сразу опознают. Надо вспомнить, во что они рядятся, и постараться подыскать для себя нечто подобное, но одеться так, чтобы нас никто не узнал.

Я решила надеть старую штормовку, в которую облачался Фарли, когда красил дом, и еще его зеленые, заляпанные краской рабочие штаны, новые резиновые сапоги и зюйдвестку. Помому, костюм вышел на славу. Чтоб казаться потолще, я поддела еще пару свитеров. А чтоб громадные сапоги не болтались, натянула еще две пары носков.

Фарли же выбрал мой длинный фланелевый халат, под который можно натянуть сколько угодно теплой одежды. На голову натянул мою новую шерстяную шапочку, сунул ноги в старые, рваные резиновые сапоги. Самое главное — скрыть лицо; по счастью, у меня оказалось несколько метров белого нейлонового тюля-сетки. Маски вышли отменные: полупрозрачные, но лица не разглядеть. Чтоб никто не узнал Фарли по его бороде, мы подоткнули ему за ворот тюль со всех сторон. В Балине бороду никто не отращивал, в те годы она считалась признаком старомодности или, напротив, экстравагантности. Мы натянули непарные перчатки и варежки, и я сняла обручальное кольцо — не дай бог кто заметит. По рукам можно не только определить пол человека, но и легко опознать его самого.

Вырядившись таким манером, мы вприпрыжку пустились по тропинке, перебрались по мостику через Собачью Бухту и помчались по дороге, ведущей к Грязюке. Мы бежали, хохоча, точно дети, над нашими нелепыми одеяниями. Возможно, прохожие, попадавшие нам навстречу, и

принимали нас за детей.

В доме у Ноя было шумно и весело. Хозяин встретил нас в пышном подвенечном платье. Обтрепанные края старого свитера выглядывали из выреза декольте, из рукавов. Из-под юбки с пышными рюшами торчали носки сапог. Мы встали Ноя в момент, когда он прилаживал к макушке сложное сооружение из шерстяной шапочки и приколотой к ней, спускавшейся на лицо подвенечной фаты. Помогала ему, взобравшись на стул и держа подушечку с булавками, четырнадцатилетняя Мэри. А четверо мальчишек, ее братьев, сидя за кухонным столом, покатывались при виде отца в женском платье.

Раньше Ной казался мне эдаким суровым зверобоем, который не боится ни бурь, ни хищников и смело рыщет по горам, по долам. Но вот он стоит передо мной весь в белых кружевах, а обветренное, морщинистое лицо расплывается в шуповатой улыбке из-под каскадов фаты, которую Мэри наконец-то удалось приколоть к шапочке. Смешно выпиравшие из рукавов подвенечного платья жилистые ручищи теребят бумажку с табаком, скручивая сигаретку.

— погоди, Фарли, дружище, я сейчас! Присаживайтесь, хозяйка! — Ной кивнул на кухонный стул.

Из спальни появилась Минни Джозеф. Я не без удовлетворения отметила, что ее наряд очень похож на мой — тот же набор мужниной рабочей одежды. Для меня, начинающей, это было очень важно — значит, я одета, как надо. Минни, как и ее муж, ростом невелика, только в талии заметно шире. Она круглолицая, а у Ноя физиономия вытянутая, с квадратным подбородком. Бойкая Минни чужих не стеснялась, наше появление несколько ее не смутило, как это частенько случалось с робкими женами Куэйлов.

Одна из немногих коренных жительниц, Минни имела кое-какой опыт общения с нездешними. И хоть сроду нигде, кроме Балины, не бывала, но ей нередко приходилось сопровождать Ноя в его охотничьих вылазках с гостями Фримэна — в качестве поварихи. Там-то Минни и перевидала немало всякого люда — американцев, канадцев и местных: врачей, адвокатов, коммерсантов. С кем только не сиживала Минни у костра, и со временем не могла не отметить, что, несмотря на внешнее различие, все люди в общем-то одинаковы. Рядом с ней и мне было легче освоиться в необычной для меня ситуации.

Третьей парой, собравшейся тогда с нами в ночные приключения, оказались брат Минни Гэс Барнс и его жена Дот. Оба в прорезиненных рыбацких плащах, а лица прикрыты кружевными занавесочками. Дот, худенькая и очень робкая женщина, за все время не проронила ни слова. Невысокий крепыш Гэс оказался пообщительней, как и сестра его Минни. Он работал ночным сторожем на рыбозаводе. Когда Гэс снял варежки, чтоб зажечь сигарету, я заметила, что на правой руке у него не хватает четырех пальцев. Лет пять назад, когда он служил на рыболовецком траулере, ему затянуло руку в лебедку. В здешних условиях, где мужчине, чтоб заработать на жизнь, нужны сильные руки, это настоящее бедствие.

Перед выходом Ной надел небольшой аккордеон поверх своего подвенечного платья, которое при ближайшем рассмотрении оказалось непривычно для свадебного туалета ветхим и здорово заношенным. Должно быть, пережило не один десяток рождественских праздников.

Сначала мы направились к дому, что стоял на противоположном берегу бухты Грязюки. Если напрямик от дома Джозефов, то тут всего

метров сто, зимой же, когда приходится тащиться по обледенелой дорожке между скал, расстояние это выросло в полмили. Наконец мы дошли, и я вздохнула с облегчением: несмотря на три пары чулок, сапоги все равно болтались на ногах, и я их здорово натерла.

Поднялись по крутым ступенькам. Ной заколотил в дверь.

— Пустишь ряженных войти? — заорал он не своим голосом.

Нас впустили; мы очутились в окружении многочисленного семейства. Казалось, кухня прямо забита детьми самых разных возрастов, а при них — еще две бабушки. Женщина, по виду хозяйка, убирала со стола, сносила все в кладовку. То и дело из дверей высовывались двое малышей в пижамках — выглянут и спрячутся. Остальное семейство тоже взирало на нас с огромным любопытством.

— Ну и ряженные, ну и красавцы! — сказал хозяин. Он сидел в кресле-качалке, куря трубку.

— Кажись, я их узнал, — произнес мальчуган-подросток, таращивший на нас глаза.

— Милли! Донни! А ну — в постель! — прикрикнула на малышей одна из бабок.

— А я вроде вон этого признала, — сказала хозяйка, ткнув Ноя в живот. — Ты не с Хэнн-острова ли, а ну, признавайся.

Ной замотал закутанной в фату головой.

— Ладно... а ну-ка ты, красавица, — не отступала хозяйка, ущипнув Фарли за зад. — Да я же тебя знаю! Ты вроде из этих, из Хэтчерсов... Арчи Хэтчерс, что ли? Или Мейбл? Давай признавайся!

Фарли снова замотал головой.

Дети заливались хохотом, старшие продолжали внимательно разглядывать, но ни один не догадывался, кто мы такие. Называли множество имен, мне совершенно незнакомых, и хозяе-

ва, и дети так и норовили заглянуть нам под маски.

— Какие ж вы ряженные, если не пляшете! — фыркнула вторая бабка.

— А ну-ка, гости, попляшите да и хлебните-ка глоточек! — хозяин вынес из кладовки бутылку.

Ной принялся наяривать на аккордеоне джигу, хрипло подпевая. Гэс и Дот немедленно пустились в пляс и заскакали с удивительной легкостью, несмотря на свои тяжелые резиновые сапоги. Звуки аккордеона преобразили нашу молчаливую чету. От шарканья и топота весь дом ходил ходуном. Танец привел хозяев в восторг, но все их догадки по-прежнему не попадали в цель. Не удержавшись, Минни Джозеф тоже стала пританцовывать, однако в легкости она заметно уступала брату с невесткой. Мы давно уже поняли, что в здешних местах лучшие танцоры — мужчины. Женщинам редко когда удается их переплясать.

Смотрела я, смотрела — и тоже не выдержала. Ведь в маске можно вытворять все что душе угодно. Ной продолжал играть какую-то непонятную мелодию: "Сам не знаю, что играю!" — то и дело приговаривал он; кроме этой, он знал еще одну, такую же задорную — вот весь его репертуар.

Кухонная плита жарко пылала, от нашей неистовой пляски я обливалась потом под своими бесчисленными одежками. Какую ж выносливость надо иметь ряженным!

На наше счастье, Ной, продолжая играть свою безымянную джигу, вдруг направился к двери, переступил через порог и затопал по ступенькам вниз, а вслед за ним и мы окунулись в благодатную свежесть морозной ночи. Мы заковыляли по обледенелой дороге и, только когда дом скрыл-

ся из виду, скинули свои маски. Вдохнув морозный воздух, мы обрели силы для следующего визита. Такие похождения требовали немалой физической выдержки, мы с Фарли едва переводили дух, а нашим спутникам все было ни о чем.

Войдя в очередной дом, мы оказались в такой же просторной кухне, только народу здесь было поменьше: хозяин с хозяйкой, девочка лет восьми (двое детишек-малолеток уже спали) да присевший рядом с ней на кушетку пожилой мужчина в пальто и шапке, судя по всему, он только что вошел в дом. Нас оглядывали не без интереса, но никто не произнес ни слова. Обе наши "дамы", Ной и Фарли, подсели на кушетку к девочке и старику, а мы, четверо "кавалеров", остались стоять у стенки.

Так мы молчали, как мне показалось, довольно долго. Девчонка лукаво глядела на нас, мать сворачивала и складывала стопкой выстиранные вафельные полотенца, а отец, чем-то напоминавший Ноя, человек с обветренным, худощавым лицом, молча стоял, уставившись на ряженых. Потом принялся отгадывать. Видно, ему кто-то подсказал, потому что довольно скоро он назвал Ноя и Минни. После этого ничего не стоило узнать Гэса и Дот. Но нас, последнюю пару в шестерке, никто узнать не смог.

Рядили, гадали, а мы только молча мотали головой — нет! нет! Нас щупали, в нас тыкали пальцем — все безрезультатно. Четверо наших друзей стояли, посмеиваясь, а мы так и остались неопознанными, так и не сняли масок.

В тот вечер нашей компании пришлось наведаться еще не в один дом, однако нас с Фарли так никто и не узнал. Под конец Фарли внезапно пришла в голову идея: не посетить ли всей честной компанией на сей раз наших знакомых?

Он предложил преподнести сюрприз Айрис Финли. Наши спутники заколебались: как можно вот так запросто нагрянуть на квартиру к медсестре! Являться в такие дома без приглашения здесь было не принято. Верхний этаж больницы — святая святых, никто не имеет туда доступа, кроме врачей и сестер.

Но мы все же отправились к больнице все шестером, прошли через незапертый черный ход и осторожно прокрались в дом, миновав пустую, сияющую чистотой кухню. Стрелки на стенных часах показывали пять минут одиннадцатого.

В жилом помещении царил та же стерильная чистота, как и в больничном. Ступая на носках и оставляя на натертом полу лужицы тающего снега, мы направились к двери, ведущей в комнаты медсестер. Фарли постучал. Дверь отворилась, и мы — кто бы мог подумать! — очутились нос к носу не только с Айрис, но и с Фримэном и Барбарой Дрейк, с Виктором Моссом — добродушным управляющим рыбозавода и хрупким человечком азиатской наружности — новым вторым доктором, недавно прибывшим из Гонконга. Мы опешили от неожиданности. Айрис и ее гости тоже. Появление ряженных в почтенном доме было делом неслыханным. Однако Айрис оказалась на высоте, и, хоть наверняка была шокирована нашей наглостью, она махнула нам, чтоб входили.

Айрис засуетилась, стала угощать нас домашним пирогом с фруктами, а мы, притихшая банда ряженных, несмело опустили прямо на пол.

Наше вторжение нарушило ежегодный традиционный рождественский визит Фримэна и Барбары к Айрис. Для Дрейков наступила пора визитов, и в тот вечер они решили убить двух зайцев: навестить Айрис и заодно познакомиться с новым доктором. А для домоседа Виктора

Мосса это была возможность показаться на люди.

Нас оглядывали со всех сторон.

— Ну что же, ряженые, — начальственно произнесла Барбара, — вы ведь с весельем пришли, развлекайте нас!

Даже и под маской Ной не мог отказаться от лидерства. Не снимая маскировавших руки перчаток, он принялся наигрывать на своем аккордеоне один из известных ему танцев, мы же, нехотя поднявшись с пола, уже в который раз затопали по комнате. К исходу вечера я еле волочила ноги, да и Минни, по-моему, тоже чуть не падала от усталости. Фарли, тот даже не пытался плясать. А вот Гэс и Дот по-прежнему резво скакали, свежие, точно девочки из кордебалета.

Мы продолжали топтаться под звуки аккордеона, оставляя на бежевом ковре грязные следы.

Доктор И Ли наблюдал за нашей пляской не без изумления, впрочем не теряя самообладания. Пробыв в Канаде меньше месяца, а на Ньюфаундленде всего дня три, он, наверное, был поражен обычаями и нравами тех мест, где ему предстояло работать. Сияясь перекричать аккордеон, Айрис говорила ему в самое ухо, кто мы такие и ради чего стараемся. Впрочем, разобраться в этом — задача явно не из легких, тем более для китайца.

Да, позабавили мы публику. Наше неожиданное появление удачно оживило скучное сборище. Никто и не пытался отгадать, кто мы. Им было достаточно того, что их развлекали.

Наконец совершенно выбившись из сил, обливаясь потом, Фарли повалился на ковер, срывая с себя шапку вместе с маской. Я тут же последовала его примеру. Наши спутники медленно, словно нехотя, тоже сняли маски.

— Мамочки! — расхохоталась Айрис. — Вы только посмотрите, кто это!

— Вот так номер... — произнес Виктор.

— Черт меня побери! — Откинувшись в кресле, обескураженный Фримэн ослабил узел галстука.

Все оказались в полной растерянности. Веселье внезапно иссякло. Думаю, Фримэна не слишком обрадовало открытие, что между Ноем Джозефом и сумасбродом Фарли Моуэтом наметились приятельские отношения. Гэс Барнс, которому предстояло через полчаса заступать в ночную смену, очутился лицом к лицу со своим начальством. И обоим было явно не по себе. Даже Ной, казалось, утратил присущую ему уверенность. Минни и Дот притихли, как мышки.

Айрис принялась угощать гостей шерри. Мужчины, взяв с серебряного подноса по бокалу на длинной ножке, с поспешностью экранных убийц опрокинули в себя содержимое. Очевидно, и Ною, и Гэсу, и их женам не терпелось убраться отсюда поскорей. Не тратя лишних слов, мы поблагодарили хозяйку, выбрали свои варежки, шапки, вуальки и вышли в ночь.

Завершением гулянья ряженных считалось шестое января, "старое рождество", как называли здесь этот день. Взрослые целиком уступали его детям, которым запрещалось разгуливать ряжеными в будни да еще на ночь глядя. Шестого наша кухня превратилась в проходной двор, целый день здесь толпились полчища маленьких привидений в масках, обряженных кто во что горазд. Заваливались на кушетку, ерзали, хихикали, перешептывались — им не терпелось, чтоб их немедленно узнали. Я требовала, чтоб они позабавили меня — то песенку просила спеть, то стишок прочесть, а потом за труды раздавала сладости, запас которых таял на глазах. Не хотелось, чтоб здесь, как у нас на материке в День

всех святых, этот праздник превращался для детей в обыкновенное попрошайничество.

Петь осмеливались немногие. Песенки были про то, как убирают хлопок, про какого-то арестанта, а иные — на грани того, "про что не говорят, чему не учат в школе". А еще были песни про южные американские штаты, откуда пришла к нам кантри-музыка, которую ежедневно передавали по радио из Мэристауна: там частная радиостанция без конца крутила народную музыку, только не местную — американскую. В те годы народные песни Ньюфаундленда исполнялись лишь немногими певцами-профессионалами, а дети, уроженцы острова, их не пели.

Маска Лероя Куэйла — рожица медведя, смахивавшего на собаку, традиционная маска Дня всех святых, — не могла скрыть его возбуждения. Четырехлетний мальчишка утопал в желтом материнском свитере, который болтался на нем, как на вешалке, и доходил до пят. Лероя сопровождала старшая сестренка Дороти. Она считала себя достаточно взрослой, в детском празднике не участвовала, а потому пришла в обычном платье.

Разгоряченный, уставший, разморенный теплом нашей кухни, маленький Лерой, прикорнув на кушетке, уснул. Дороти подошла к раковине, помогла мне помыть и вытереть посуду. Потом взяла швабру, принялась подтирать грязные следы от входной двери к кушетке.

Неожиданно разоткровенничалась, начала рассказывать о себе. Когда-нибудь, говорила Дороти, она уедет отсюда и выучится на медсестру. А может, и на доктора. Ей нравится ухаживать за больными. Так мне открылись мечты этой девочки, которые уносили ее далеко-далеко, подалее от отцовского магазина, от братишек и сестреночек, от соседок и повседневных обязан-

ностей. Ведь, если у Дороти оставалось время после уроков и возни с Лероем, ей приходилось помогать отцу в лавке. К тому времени, как она окончит школу, отец рассчитывал на полную ее помощь в лавке. Вот и оставалось девочке мечтать о профессии медсестры, как о несбыточном будущем.

— Больше всего на свете, — шепотом признавалась Дороти, — я стихи сочинять люблю. Ну и песенки тоже. Ночью лежу в постели и просто так про себя выдумываю. А если минутка в магазине выпадет, так в блокнот запишу.

— Правда? — Я никак не ожидала, что Дороти может увлечься поэзией, и была горда, что именно мне она доверила свою тайну. — А ты не захватишь как-нибудь блокнотик с собой, почитать?

Девочка вспыхнула, потупилась, устыдившись своей откровенности. Верно, подумала, что я решила посмеяться над ней.

— Не смущайся, — успокоила я ее, — просто мне, честное слово, очень интересно послушать твои стихи и песенки. Да и Фарли, я думаю, тоже. Он сам когда-то писал стихи, когда был такой, как ты.

— Ну, может, как-нибудь... — пробормотала Дороти и пошла тормозить Лероя. — Давай-ка домой! — сказала она жмурившемуся со сна малышу. Потянула его через порог. Оба зашагали через замерзшее болотце; обернулись, помахали мне. Я подумала, наверно, идет и корит себя, зачем открылась незнакомому человеку...

6

Вот уж никак не ожидала, что в разгар зимы тут начнутся свадьбы. Мне казалось, это время

года не для подобных торжеств. В моем представлении свадьба всегда связывалась с весенней порой, когда цветут пионы и невесты фотографируются на фоне цветущего пейзажа. На материке зимой бракосочетания редки (невесты тогда одевают платья из белого бархата, а их подружки — из клюквенно-красного); но такое могут позволить себе только те, кто в состоянии провести медовый месяц где-нибудь на островах в Карибском море.

Но здесь, в Балине, свадебный обряд не требовал ни живых цветов, ни медового месяца. К нам возвращались домой молодые парни, уезжавшие подзаработать на Великие Озера; многие из них подумывали о женитьбе. К тому же зимой работы здесь меньше, чем в остальные месяцы, вот почему именно зимнюю пору и избрали здесь для свадеб.

Едва успевал отшуметь разгул рождественских празднеств, как повсюду начинали растекаться приглашения на свадьбы; их охотно разносили младшие сестренки невесты или жениха. Период зимних свадеб вклинивался между рождеством и великим постом, и день бракосочетания определялся в соответствии с расписанием церемоний Приходского зала, где отмечались все торжественные события.

”Мистер и миссис Альберт Грин
просят оказать им честь
присутствовать на бракосочетании их дочери

Эффи
с мистером Обад. Кендэлом
во вторник 12 февраля в 4 часа дня
в церкви св. Петра в Балине

Торжество состоится в Приходском зале”.

Приглашение, полученное нами, выведено аккуратным почерком на листке белой нелинованной бумаги; текст обычный, такой же, как и

повсюду в англоязычных странах. Приглашения рассылались по всем домам. Не пригласить кого-то — пусть самого нелюбимого, самого ненавистного соседа, который, возможно, и знать-то не знал невесту с женихом, — считалось непозволительным.

Помню, как Рут Куэйл с досадой рассказывала:

— Нейт Янг с Энни Ингрэм решили пожениться, так, будто воры, смотались по-тихому, В Корнер-Брук. Там и обвенчались.

”Ничего себе, думала я, ”смотались в Корнер-Брук”! Да туда двое суток добираться морем и на поезде.

Но это обстоятельство мало кого трогало, возмутительная история продолжала передаваться из уст в уста. Обвенчаться втихомолку — проступок, который здесь никогда не простится и не забудется. На тех, кто не пожелал устроить для всего поселка веселый пир с вином и танцами, смотрели как на жалких скупердяев.

А вот то, что невеста ждала ребенка — у нас, на материке, такое всегда встречает осуждение, — здесь не считалось позором. Раз дети — естественный плод любви, то и планировать их рождение казалось местным жителям столь же абсурдным, как и вообще пытаться планировать свою жизнь. Как ни планируй, все то же выйдет.

Раз поутру к нам в кухню явился молодой парень. Войдя, он долго мялся в дверях. На кушетку, как все, кто навевывался к нам, не присел. Стоит, уставясь на длинные носы своих ботинок. Неровно подстриженные вихры клоками спадают на лоб. На мои вопросы гость отвечал неохотно; наконец после маловразумительного обмена фразами спросил, дома ли мистер Моуэт. Я заглянула к Фарли, позвала его,

а затем тактично оставила их вдвоем. Время от времени до меня доносилось невнятное бормо- ганье, то и дело предваряемое обращением "сэр".

Через минуту в комнату вошел Фарли, направ- лился к шкафчику в задней комнате, где мы хранили всякие напитки, и вернулся, неся в бумажном пакете две бутылки. Вручил пакет гостю и напутствовал его сердечным "Счастливо тебе!". Парень ушел.

— В чем дело?

— Бедняга пришел одолжить бутылку рому. Завтра у него свадьба, а выпивку, которую он заказал, на вчерашнем пароходе не завезли. Прибу- дет не раньше, чем через неделю. Но жениться-то ему завтра!

— Ты что же, продал ему ром?

— С ума сошла! Что я, спекулянт какой-ни- будь? Отдал ему бутылку, и все. Да еще и мят- ный ликер всучил впридачу.

— Вот это ты здорово придумал! Молодец! — вырвалось у меня.

Дело в том, что недели две назад мы, сами то- го не желая, оказались обладателями трех буты- лок этого мятного ликера. Оба его терпеть не могли и не знали куда девать. Напитки приходи- лось заказывать почтой через Ньюфаундлендскую комиссионную торговлю спиртными напитками, которая находилась в Сент-Джонсе — так здесь за- ведено, хоть бутылку тебе надо, хоть сто. Мы от- правляли по почте заказ и деньги, включая стоимость доставки, и время от времени полу- чали заказанное. Сперва наш заказ ехал поездом, затем пароходом. В общей сложности доставка занимала недели три. Прокручиваясь неспешно, эта система в целом работала безотказно, не счи- тая одного-единственного момента. Если чего-то не оказывалось в наличии, чиновник, оформляв- ший заказ, не желая задерживать клиента, по

собственному усмотрению выбирал взамен напитков за соответствующую цену. Там, где дело касалось крепкого спиртного, все обстояло нормально. Когда же речь шла о винах, включающих самый разнообразный ассортимент — и "Бургундское", и "Драмбюи", и "Либфрауенмильх", и "Шерри Херинг", и "Розовое игристое", ну и, конечно, мятный ликер — замена производилась только по принципу одинаковой стоимости. Короче, заказав три бутылки "Божоле" по цене 4 доллара 85 центов, мы вместо этого получили три бутылки мятного ликера стоимостью 4 доллара 85 центов. Одна из них и устремилась сейчас к свадебному столу.

— Симпатичный малый! Он мне понравился. Звал к себе на свадьбу, — сказал Фарли.

— Как его имя?

— М-м-м... Оби, кажется... Кендл... а может, Кендэл?

Я перебрала стопку свадебных приглашений на кухонном столике.

— Вот! Обад. Кендэл. Женится на Эффи Грин завтра днем. Все правильно. Давай сходим?

Должна признаться, я обожаю обряд венчания. Каждый раз, когда на моих глазах двое клянутся перед богом жить в согласии, что бы ни случилось, у меня прямо в горле перехватывает. Знаю, что не все и не всегда удачно складывается, но даже и эта мысль не может омрачить мое необъяснимое благоговение перед торжественным моментом.

Потому-то я и загорелась посетить первую же свадьбу в Балине, и Фарли за собой потащила, хоть ему идти не слишком-то хотелось — у него на тот день были совсем другие планы.

Без четверти четыре мы переступили порог холодного, гулкового, как пещера, здания англиканской церкви и присели на скамеечку в задних

рядах. Возле алтаря уже собрался народ: женщины, девушки, дети. Оборачивались, поглядывали на нас: то одна, то другая, а то по двое, по трое рядом. В этом захолустье каждый приезжий — событие, а наше появление в церкви, да еще в такой день, — и вовсе диковина. На нас оглядывались, смотрели пытливо и, по всей видимости, недоумевали: зачем эти-то сюда забрели. Скоро и меня стала мучить та же мысль. Уже четыре пробило, а мы все сидим и дрожим в этой холоднящей, как могила, церкви. Ни священника, ни малейшего намека на венчание. Тянется и тянется давящая тишина, нарушаемая только шмыганьем носов да шарканьем детских ног.

Компания, мерзшая вместе с нами в церкви, оказалась в основном женской. У многих в волосах бигуди. Ни одна не приделалась, как подобает в этих случаях. В тот студеный февральский день все были в стеганых нейлоновых куртках и в теплых брюках. И почему я не додумалась одеться потеплей? Ноги в тонких нейлоновых чулочках посинели от холода. Тут до меня дошло, зачем они уселись в передних рядах. В самом центре, позади алтаря, стояла печка, в утробе этого черного чудовища гудело пламя.

Фарли уставился в потолок, поглощенный осмотром церковной архитектуры начала века.

— По форме похоже на корабль, дном вверх, — шепнул он.

Я подняла глаза на массивные деревянные балки, поддерживавшие изогнутой аркой свод, любуясь мастерством строителей. Мало-помалу, глядя на нас, детишки тоже принялись тянуть шеи: что это там интересного вверху? Обстоятельно изучив все особенности церковной архитектуры 1905 года, мы уселись поудобнее, опустили головы, откинулись на спинку скамьи и стали ждать, чувствуя на себе по-прежнему

любопытные взгляды. Я с трудом сдерживалась, чтоб не вскочить и не кинуться прочь куда глаза глядят поскорее вон из этой церкви, где чувствовала себя чужой и незваной, несмотря на полученное приглашение.

Ждать пришлось долго; наконец входная дверь с шумом распахнулась, и мы услышали топот сапог — кто-то стряхивал снег. С покрасневшими от мороза щеками, в куртке с капюшоном, надетой поверх сутаны, по проходу к ризнице шагал почтенный Уэй. Он только что прибыл с островка Джерси, где уже успел совершить два венчальных обряда.

При внешности эдакого богослова-книжника — в больших роговых очках и с рассеянным взглядом — было в нем что-то мальчишеское. Походка стремительная, вот-вот побежит. Одному богу известно, сколько энергии требовалось этому человеку, ведь он единственный священник на три церкви — в Балине, на острове Джерси и в поселке Бешеная Река, а сообщение между ними возможно только морем.

Спустя несколько минут преподобный Уэй предстал перед нашей продрогшей аудиторией в рясе, уже без куртки, и кто-то невидимый заиграл свадебный марш — тот, из "Лознгрин": "Там-там-та-там!" Кто-то старательно выдавливал из органа старую, знакомую мелодию. По проходу между рядами, суетливо и буднично, не попадая в ритм марша, затопала торжественная процессия. Мы поднялись со своих мест.

Невеста и ее отец, именуемый сегодня "родитель", возглавляли шествие, хотя на свадьбах, где мне довелось присутствовать, было иначе. За ними — под руку подружки и "дружки" невесты. Высокая, худенькая, с решительным лицом, с прямыми светло-русыми волосами, Эффи была похожа на отца. На вид ей — лет девятнадцать-

двадцать, не больше. На ней длинное белое платье, фата до плеч. А после это убранство из кружев и оборок, подумала я, напялит на себя какой-нибудь детина-ряженный. Эффи, несомненно, продрогла в своем тонком платье, но никто бы этого не подумал, глядя, как она порывисто устремилась навстречу жениху. Отец Эффи, седой старик в парадном темно-синем костюме, выглядел самоуверенным франтом. У него было шестеро дочерей и двое сыновей, Эффи самая младшая в семье, бракосочетание чада для папаши, ясно, не внове.

Пышные платья подружек резали глаз пронзительными цветами, напоминающими неаполитанское мороженое — розовое, желтое, зеленое. Поверх платья у каждой — длинная белая орлоновая кофта. Дружки невесты, жених и шафер в темных, по виду совсем новых, костюмах, и у каждого — искусственный цветок в петлице.

Все цветы на этой свадьбе, включая и невестин букет, были яркие, блестящие — неживые. Ни гвоздик, ни роз тут и в помине не было; да и о каких живых цветах можно помышлять в феврале? Круглый год здесь повсюду зеленели елки, но они как украшение никого не впечатляли. Видно, у местных жителей елочная хвоя не вязалась с их представлением о теплых краях, о которых всегда тайно грезят жители Севера.

Преподобный Уэй встал прямо перед потрескавшейся печкой и, глядя в лицо жениха и невесты, приступил к церемонии бракосочетания.

— Обадайя! — произнес он, называя жениха его полным старозаветным именем, каким никто, даже родная мать, его не величал. — Согласен ли ты взять себе в жены эту женщину и разделить с ней жизнь в радости и в горе, в богатстве и в бедности, во здравии и в немощи, и не знать никого, кроме нее, и прожить с ней до

последнего часа своего?

Затем он обратил свой строгий вопрос к Эффи, у которой не оказалось, как у жениха, полного имени. Эффи и Оби что-то ответили, но мы не расслышали, что именно. Оставалось надеяться, что оба поклялись жить вместе в радости и горе.

Обряд затянулся. За молитвой последовал бесконечный гимн, потом молитва длиннее первой, а за ней еще один нескончаемый гимн. Текста я не знала, в церкви же псалтырей не оказалось. Должно быть, прихожане приносят их с собой. Подтягивало священнику всего несколько прихожан. Преподобному Уэю чаще всего приходилось выводить соло своим дребезжащим тенорком.

К концу церемонии руки и ноги у меня совершенно заоченели. Не было сил терпеть, хотелось поскорее выбежать наружу, попрыгать, растереть руки. Выскользнув из церкви, мы увидели, что прямо возле церковных ворот на сугробе молодых поджидает группа мужчин. Как только появились Эффи и Оби, в небо взметнулся частокол винтовок и дробовиков и прозвучал приветственный салют. Звук пальбы должны услышать все в Балине. Пусть каждый знает, что отныне Оби с Эффи муж и жена.

Оказалось, что венчание в церкви лишь вступление к настоящему празднику, который начнется не раньше десяти вечера. Теперь долой бигуди — сооружаются прически, долой лыжные брюки — надеваются платья из тафты, бусы из стекляшек, туфли на высоком каблуке. Мужчины надели темные костюмы, крахмальные рубашки, галстуки. И все повалили в Приходский зал. Уступая размерами только церкви, Приходский зал был самым крупным сооружением в Балине. Он представлял собой простую, без особых ар-

хитектурных ухищрений, деревянную постройку метров в двадцать длиной. По случаю свадьбы зал украсили ярким гофрированным серпантинном, нарядными гирляндами свисавшим между балок. Серпантинном был увит и стол на козлах, стоявший в центре на возвышении. За столом, разбирая горы подарков, восседали молодые. Вид у Оби был слегка утомленный и не слишком трезвый; молодая, как всякая мудрая жена, спиртного в рот не брала.

Мы прибыли на празднество в половине девяттого, однако никаких признаков начала торжества не обнаружили. На скамьях вдоль стен сидел народ, в основном женщины и дети, — ждали. В глубине зала оказалось помещение поменьше, где несколько женщин энергично накрывали свадебные столы. На двух длинных столах высились груды бутербродов: домашний белый хлеб со срезанной коркой, а сверху либо консервированное мясо, либо плавленый сырок, либо консервированный лосось или же популярная в те годы новинка — консервированная спаржа под майонезом. И всюду тарелки с изумительным домашним печеньем, на каждом посередке красовалась засахаренная вишенка или половинка миндаля, а то и маленькая, похожая на серебристую пульку, сахарная карамелька. Но самым изысканным лакомством считались "квадратики". Вершина местного кулинарного искусства, они готовились лишь в особо торжественных случаях и представляли собой затейливую смесь из зефира, шоколада, рисовых хлопьев, ирисок, кокосовых орехов, вафель и кукурузного сиропа — вся эта приторно-сладкая масса смешивалась, переваривалась, прессовалась и разрезалась на квадраты. Свадьба не свадьба, если на столе нет хотя бы пяти-шести разновидностей этих липких сладостей.

— Хлебнете винца, уважаемая? — предложила женщина в цветастом платье; капельки пота от трудов праведных застыли у нее на лбу.

Нас усадили за один из столов, куда поместилось еще десятка два гостей; по-видимому, вечер предполагалось начинать с трапезы. Я улыбнулась и взяла с подноса рюмочку с золотым ободком. Это была "запеканочка" — вино, предназначенное для дам. В каждом из здешних поселков оно готовилось по-своему, но в основе представляло собой настойку — чистый спирт на малиновом сиропе (который продается квартами в каждой лавке). Спирт контрабандой провозили с островов Сен-Пьер и Микелон. Из этих двух не слишком пригодных для употребления компонентов получалась еще менее пригодная для питья смесь.

Последний оплот французского владычества в Северной Америке, островки Сен-Пьер и Микелон находились от нас всего в пятидесяти морских милях¹.

Еще до присоединения острова Ньюфаундленд к Канаде в 1949 году и соответственно до принятия островом нового Таможенного акта и до прибытия на остров канадской королевской полиции между жителями южного побережья Ньюфаундленда и жителями острова Сен-Пьер существовала система неофициального торгового обмена. На безлесые французские острова доставлялись лосятина, оленина, лес в обмен на спиртное, сахар и еще кое-какие продукты, которые благодаря непонятной щедрости французских властей никаким налогом не облагались. Сладкое вино, приправленное корицей, считалось когда-то в селениях Ньюфаундленда одним из самых популярных продуктов ввоза и стало традиционным

¹ Морская миля равняется 1853,2 м.

свадебным напитком для дам.

Однако теперь по морю за вином в Микелон уже никто не рисковал отправляться. Если контрабандистов засекала полиция, их безжалостно штрафовали, случалось даже, отбирали лодки. Единственное, ради чего стоило еще рисковать, — спирт-ректификат. Эту дьявольскую жидкость разбавляли всем, что под руку попадет, к примеру — подслащенным кипятком (этот напиток был в ходу у местных мужчин) либо тягучим красным сиропом; именно такое питье и стояло сейчас передо мной.

Одновременно с "вином" стали подавать свадебный торт, каждый кусок обернут салфеточкой, чтоб, при желании, можно было захватить помой. Обычно пироги для всех здешних свадеб готовила одна вдова. Она искусно украшала свои изделия глазурью и весьма гордилась своим мастерством. Выходившие из-под ее рук трехъярусные, все в розах, шедевры, становились предметами всеобщего восхищения. Казалось кощунством резать такую красоту на части. Угощение вином и тортом означало конец свадебного застолья. После чего откушавшие и как бы уже причастившиеся гости освобождали места за столом для других, поджидавших своей очереди.

Снова очутившись в главном зале, мы отыскивали свободные места на скамье рядом с почтмейстером, мистером Ходдиоттом. Он пришел на свадьбу с сыном Сидни, который сидел рядом с хорошенькой рыжеволосой девушкой в зеленом, учительницей младших классов. Она недавно приехала в Балину с небольшого островка Пасс, который обеспечивает всю округу школьными учителями. Очень немногие жители Пасса осели и рыбачат дома, молодежь, как почти повсюду в этих краях, разъехались работать по

школам провинции.

— Глядите-ка, Сидни девушку завел! — шепнул мистер Ходдинотт, кивнув в сторону сына, сидевшего к нам спиной.

Едва завидев нас, почтмейстер тотчас подвинулся, освобождая место, судя по всему нам обрадовался. Человек он был словоохотливый, молчать не любил да и дома сидеть тоже. Какие бы события ни приключались — свадьбы, кино, "вечерки", посиделки, — все их мистер Ходдинотт исправно посещал. Супруга его, женщина робкая, редко показывалась на людях, он же умудрялся вести такую бурную светскую жизнь, что любой дипломат бы ему позавидовал. На прошлой неделе, докладывал мистер Ходдинотт, дважды побывал в кино. Фильмы ничего себе, забыл только названия. Один про солдат и про войну, а другой про ковбоев.

Кино крутили два раза в неделю в здании, где когда-то размещалась ложа оранжистов¹, но афиш никаких не вывешивалось. Заранее узнавать, что покажут, никто и не думал. Для местных это все равно что спрашивать у хозяйки дома, куда пригласили, чем кормить будут. Фильмы, как правило, показывались старые, а качество звука кошмарное, потому — какая разница, что смотреть. Мало кто, подобно словоохотливому мистеру Ходдинотту, осмеливался судить о достоинствах такого сомнительного удовольствия.

Только наш неумолимый почтмейстер приступил к рассказу про вчерашний "вечерок" в зале Унитарной церкви (он посещал все собрания с вселенским беспристрастием), как раздались звуки аккордеона. Оказывается, на видном мес-

¹Оранжисты — члены Ирландской ультрапротестантской партии.

те, на стуле, расставив длинные ноги, сидел аккордеонист с обветренным лицом рыбака. Стоило аккордеону зазвучать, после того как его хозяин надел на плечи ремни, в центр зала нестройным шагом вышли несколько человек — старики и молодежь, — вышли и застыли неровным полукругом. Невеста с женихом степенно сошли со своего возвышения, тоже встали в полукруг, за ними и родители новобрачных. Круг замкнулся. Аккордеонист притопнул ногой, и полилась музыка.

Танцоров оказалось шестнадцать. Никто не выкликал фигуры, да этого и не требовалось. Все до единого, даже самая маленькая, девчушка лет двенадцати, прекрасно знали, что за чем следует. Танец был запутанный, длинный, я внимательно следила, стараясь запомнить все фигуры. Аккордеонист выводил однообразную, гипнотически монотонную мелодию, она несколько столетий назад перелетела через океан и с той поры почти не изменилась.

— А в заливе Форчун совсем не так пляшут, — прокричал мне в ухо мистер Ходдинотт, когда вихревое вращение пар ознаменовало конец танца.

— В самом деле?

— Ну да! В Гендерсоновой Бухте, откуда я родом, сперва четыре раза ходят кругом, а уж потом на пары разобьются. Вот в Теренсвилле... я там первую свою работу на почте получил... значит, там сначала кружатся, потом расходятся, а после...

Его пояснения заглушили взрывы смеха и аплодисменты, предназначавшиеся исполнителям этого длинного танца. Танцоры разошлись по своим местам, но не прошло и минуты, как следующие шестнадцать образовали круг, и так продолжалось до тех пор, пока не перетанцевали

чуть ли не все гости. Только тогда музыкант получил заслуженный отдых.

Я обратила внимание на то, что среди собравшихся почти полностью отсутствуют мужчины, и молодые, и постарше. Но это женщин не оставляло. Кончился хоровод, поставили пластинку с танцевальной музыкой, и женщины принялись весело отплясывать друг с дружкой или с мальчишками, а иным удавалось подцепить и настоящего кавалера.

Около полуночи, когда мы с Фарли уже собрались уходить, дверь в конце зала внезапно распахнулась, и с улицы ввалилась толпа мужчин. Кое-кто в этой шумной компании был явно под градусом. Все обернулись на шум, даже женщины, занятые на кухне, выглянули в зал. Среди прибывших я сразу узнала Гарлэнда Пойнтинга. Нерадивый Гарлэнд, который, будто сказочный дух, то возникал, то снова исчезал неведомо куда, был сам на себя не похож. Куда девался его колючий, угрюмый прищур? Гарлэнд веселился от души и хохотал во весь рот, так, что видно было, скольких зубов у него недостает.

Пришедшие с необычайным усердием принялись выписывать невообразимые па, спотыкаясь, едва не падая с ног и распахивая танцующих. Но никто на них не сердился, на подгулявшую компанию все поглядывали со снисходительной улыбкой, дети хихикали и прыскали в кулак.

— Видать, только что от Кендэлов, — сказал, посмеиваясь, мистер Ходдинотт.

В доме у Кендэлов мужское общество поселка собралось, чтоб отметить праздник кое-чем покрепче "запеканочки". Туда-то и пошли наша бутылка рому и мятный ликер, а также и все прочее, чем удалось разжиться в домах Балины, откуда до ближайшей винной лавки порядка шести сотен миль. Набравшись и расхрабрившись,

гуляки направились в Приходский зал — потанцевать, побалагурить, пофлиртовать с соседками.

Гарлэнд ринулся вперед, подхватил какую-то толстуху в переднике поверх платья — она только что обносила гостей свадебным тортом. И давай ее кружить, неуклюже притопывая и гогоча, в какой-то немислимой кадрили. Фартук развевался, толстуха смеясь вырывалась.

— Да будет тебе, матушка! — гремел Гарлэнд. — Передо мной ни одна бабешка не устоит!

Ко мне подскочил балагур из той же компании. Подхватил, не глядя на то, что я в шубе и в теплых сапогах, завертел, закрутил, пару раз чуть не отдавив мне ногу, то и дело норовя вреяться вместе со мной в толпу зрителей. И пошло веселье, и видно было, это затянется надолго. Наверняка свадьбе гудеть всю ночь. А потом все повалят в дом к жениху или еще под какой-нибудь гостеприимный кров.

Но с нас хватит. Фарли пишет книгу, ему надо работать, нельзя расслабляться, а значит, балагурить всю ночь нам ни к чему. Фарли хорошо работалось именно в зимнюю пору, ритм нашей жизни и в этом не совпадал с местным. Для здешнего люда зима — время отдыха и веселья.

Новобрачные Кендэлы в свой медовый месяц уезжать никуда не собирались. По обычаю, молодые после свадьбы просто располагались в доме тех родителей, у кого находилось для них место. Только после рождения первого, а то и второго ребенка молодая семья могла приобрести небольшой участок, на котором со временем с помощью друзей и близких они построят собственный дом.

Оби наведался к нам через неделю после свадьбы. Теперь уж не в праздничном костюме жениха, а в желтой блестящей куртке-ветровке, в

заношенных дакроновых брюках. Но ботинки были те же самые, остроносые; Оби снова поблагодарил Фарли за ром (про мятный ликер, правда, не сказал ни слова), но пришел он не только за этим. Ему хотелось потолковать с человеком, который жил на континенте, где Оби и сам побывал, с человеком, который знает больше, чем здешние. Эффи он с собой не взял. Каждому из супругов, помимо общих семейных интересов, не возбранялось иметь и свои.

Оби хотел поделиться с Фарли своими планами на будущее. Пока у него вроде все в порядке. До весны можно протянуть на пособие по безработице. А дальше что? Семейному человеку отправляться на заработки — плавать на грузовых судах по Великим Озерам, руду возить — вроде бы не с руки. Да и что это за жизнь? Проработал там четыре года, хватит. Образования, чтоб учителем стать, у Оби нету и связей тоже, чтоб наняться в какую-нибудь контору. А на рыбозавод возвращаться, где он с шестнадцати лет потрошил рыбу, не дай бог.

— Нет, хватит с меня ихнего рыбозавода, это точно! — сказал он, немного освоившись в нашей маленькой гостинице, куда мы пригласили его, хотя он с неохотой покинул привычный кухонный уют. — Тут нам всем этот завод знаете как осточертел? Гроши ведь платят! Так и попадешь в кабалу, так и завязнешь здесь в нищете — а хозяевам хоть бы что! Рыбакам-то за улов тоже недоплачивают.

— Вам бы надо как-то объединиться. Скажем, профсоюз организовать, — предложил Фарли.

— Так-то оно так, — согласился Оби. — Уж Фримэн Дрейк точно глаза выпучит, если на него профсоюз двинется! Только пытались уж. Собрались, дело говорили. Лет шесть назад, помню; здорово у них поначалу пошло. Сим,

Братишка мой, самый у них зачинщик оказался. Ну и что? Теперь все без работы ходят...

Оби рассказал про ребят, которые хотели сколотить профсоюз. Как только попытка сорвалась, их всех тут же занесли в черные списки. Из всех названных нам оказался знаком только один — Чарли Куэйл из Собачьей Бухты.

— Вся беда в том, — говорил Оби, и голос у него дрожал от гнева, — что не поддержал нас никто. Люди считали: незачем забастовку устраивать, Дрейк возьмет да и перекинет все траулеры на свой завод, который на Джерси. Вот она беда-то наша в чем. У мистера Дрейка да у хозяйки его вон сколько таких рыбозаводов. На одном бастуют — они рыбу на другой переправят, там ее и разделают, и упакуют, и заморозят. Братишка мой Сим постоянно твердит, что у Дрейка соглядатаи имеются, потому как, глядишь, хозяин уже узнал, какие разговоры ходят и что бастовать замышляют. Ну, он тогда поднимается на своего "Сэра Фрэнсиса Дрейка" и включает радио, будто с управляющим на берегу просто так переговаривается. Сам небось знает, что шкипера его по радио тоже слышат. Вот и отдает приказание: "Приготовьтесь закрыть завод, ворота на замок! Все, кончаем производство! Закрываем завод, перебираемся в другое место!" Ну, ясно, такая весть мигом разносится. Со скоростью ветра, а то и быстрее. Тут все на крючок и ловятся. Особенно старики, те еще не забыли трудной поры, когда приходилось жить на шесть центов в сутки — пособие по безработице. Стало быть, начинается паника, и, значит, ни в какой профсоюз никто и не идет. А Дрейк, он все это сечет будь здоров! — возбужденно заключил Оби.

— Плохо! Рабочим всех рыбозаводов надо держаться заодно, если они хотят чего-нибудь добиться! — вставила я.

Оби бросил на меня снисходительный взгляд. Он знал то, чего не знала я.

— Жители здешних поселков живут особняком. Тесные отношения возникают только между семьями, что в родстве между собой, или между близкими друзьями; здесь друг дружке мало доверяют. Многие жители Джерси ни разу не бывали в Балине. Где уж там поддерживать чужую забастовку, станут они рисковать благополучием ради тех, кого и в глаза-то не видели! Вы думаете, у них на Джерси как? — Оби приглушил голос. — Слыхал я, будто и они кое-чего замышляют. В давние-то годы семейство Рену у них на людей такого страху нагнало! Лет сто заправляли делами на острове. Теперь, правда, нет уж там такого. А все же люди с Джерси порядком нахлебались...

7

С началом великого поста кончилась пора свадеб и прочих увеселений — "вечеров" и карточных посиделок. Однако нас, не привыкших к местным обычаям, все чаще тянуло к общению — так легче скоротать бесконечные зимние вечера. Мы навещали друзей запросто, не дожидаясь приглашения, и хоть круг наших знакомств был весьма узок, все-таки в компании веселей в ненастную погоду.

Одна лишь Барбара Дрейк организовывала свои вечера по-особому. Она приглашала гостей заблаговременно и к их приему основательно готовилась. Барбара была деловая особа. Да и как не быть при таком хозяйстве: трое дочек-малолеток, трое слуг, кошки, собаки да и гостей полон дом. Всех надо накормить. Насчет того,

чем накормить гостей, она, в отличие от всех нас, особых сложностей не испытывала. При местной фирме "Мороженая рыба Балины" имелся большой универсальный магазин, откуда Барбара без лишних затрат заказывала все, что нужно. Готовить она была мастерица и несмотря на то, что в доме были слуги, в кухне орудовала сама.

К своим роскошным званым обедам она одевалась необыкновенно элегантно, и мы все старались ей подражать. Я даже находила в этом смысл. Ведь когда сменяешь надоевшую повседневную одежду на нарядную, возникает иллюзия праздничности.

На вечерах у Барбары мы рассаживались в мягких креслах вокруг уютно потрескивавшего камина. Поджав под себя ноги и свернувшись, как кошка, в просторном кресле, Барбара, под стать всей обстановке в ее доме, была воплощением благоденствия и любила вещать с высоты своего трона:

— Местным жителям необходимо телевидение. Чтоб видеть, как живут люди во всем мире. И чтоб сами стремились жить красивей. Современней, как принято!

— Но, Барбара, — вступила я, — ведь они уже лет тридцать слушают радио. И что же, сильно это повлияло на их жизнь?

— Радио — это совсем не то, — отрезала Барбара. — Надо, чтоб они непременно видели, что можно жить лучше, чтоб они знали, что существуют новые дома с красивой мебелью, современные кухни, ванны, туалеты, — словом, они должны познакомиться с новым бытом. С тем, чего им как раз и не хватает.

— Допустим, вы их соблазните всякими новшествами, — не унималась я, — а где они все это достанут?

— И откуда, — подхватил Фарли, — на все это взять деньги?

— Деньги! — фыркнул Фримэн. — Милый мой, вы и представить себе не можете, сколько у них денег! Каждая семейка только и знает, что копит. Все идет в кубышку, подальше от глаз. Понаблюдайте, как это у них делается, если вдруг надо выложить крупную сумму — скажем, если кто-нибудь умрет и потребуются несколько сотен на похороны. Не было случая, чтоб у них не оказалось денег!

— Вот именно! — вставил доктор Роджер Биллингс, попыхивая трубкой. — Вдобавок, замечу, они уйму средств тратят на приданое новорожденным. Покупают все новое — и распашонки и одеяльца!

— Да уж, денег у них куры не клюют, это точно, — тоном, не терпящим возражений, припечатала Джейн Биллингс. — Скарედны до омерзения, над каждым центом трясутся!

— Минутку, как же так? — вмешался Фарли. — Допустим, в каждом доме откладывают деньги. Ну и сколько они могут скопить? Несколько сотен?.. Хорошо, пусть тысячу! А ведь один только телевизор да сантехника больше тысячи стоят. А что, если у телевизора кинескоп перегорит? Или потребуются деньги на чьи-нибудь похороны?

— В экстренных случаях администрация дает ссуду нуждающимся, — заметил Фримэн. — Кроме того, мы уже не один год бьемся, чтобы банк Новой Шотландии открыл у нас свое отделение. Тогда население сможет брать ссуды на всякие нужды.

— Ага, и на всю жизнь загремит в кабалу! — подхватил Фарли.

— Ну и что, зато они жить станут лучше! — В голосе Барбары прозвучало раздражение.

Банка в Балине не было никогда. Все финансовые операции оформлялись либо почтмейстером, либо просто местными коммерсантами.

— Даже, знаете, дико, — сказал Роджер, — до чего эти местные упираются, не желают брать деньги под залог.

— А я, черт побери, их хорошо понимаю! — парировал Фарли. — Не одно десятилетие люди здесь рождались и умирали должниками местного воротилы! Не желают они снова на шею хомут надевать.

— Фримэн, по-моему, всем пора налить еще! — резко оборвала разговор Барбара. — Вам, Клер? Вам, Джейн? Виктор? Айрис? — ее взгляд поочередно останавливался на лицах. — Нам всем пора выпить.

Фримэн, которому, как и его жене, этот разговор был явно не по душе, поспешил в буфетную, к бару. Вскоре оттуда донесся звон ледяных кубиков, и Фримэн вернулся с новой порцией коктейля. И ему, и Барбаре явно не хотелось обсуждать прошлые деяния местных торговцев, ведь оба они вышли из этих семейств. Дрейки вообще не терпели намеков на прошлое, разве что подмечали иной раз старомодные обороты речи у своих служанок да посмеивались над дремучими историями Ноя, водившего их на охоту. Экономическое прошлое Ньюфаундленда было в доме Фримэна Дрейка столь же запретной темой, как и обсуждение религиозных столкновений в Белфасте.

— Мне кажется, что подобные рассуждения о телевидении, — сказала я, — чисто умозрительны. Какое уж тут телевидение! Ближайший ретранслятор находится в нескольких сотнях миль отсюда.

— А мистер Картер пообещал построить на острове Пасс ретранслятор! Тогда и Балина смо-

жет принимать передачи, — не унималась Джейн. — В прошлое воскресенье, когда мы встретились на пристани, я сказала ему, что нам без телевидения никак нельзя.

— Ну как же ему не обещать! У него ведь выборы на носу, — иронически заметил Виктор Мосс. — То же самое он обещал и перед прошлыми выборами.

Хоть у члена парламента от Ньюфаундленда Челси Картера и не было конкурентов, он уже всю развернул предвыборную кампанию. Голосовать за кандидатов, не являющихся представителями либеральной партии, для многих, возможно, означало бы утрату правительственных привилегий — таких, как ссуды семейным, пенсии, пособия по безработице. В 1963 году выборы были назначены на восьмое апреля. За февраль и март кандидатам предстояло проделать огромную работу. Мистер Картер исправно изо дня в день сновал в моторке вдоль побережья, невзирая на ненастье, карабкался на обледенелые пристани, жал руки, рассыпал обещания, выслушивал жалобы. До того, как заняться политикой, он служил инспектором школ, и теперь, когда стал политическим деятелем, у него оказалось великое преимущество: он знал поименно всех своих избирателей.

Камнем преткновения во время очередных выборов являлся вопрос: согласится ли канадское правительство оснастить ядерными боеголовками ракеты на базах НОРАД¹, расположенных на территории Канады. Консервативное меньшинство кабинета во главе с Джоном Дифенбейкером сопротивлялось нажиму со стороны США. А ли-

¹НОРАД — Объединенная система противовоздушной обороны северо-американского континента, образованная в 1958 г.

бераты объявили, что в случае победы на выборах пойдут на уступки американцам. Однако эта проблема, о которой только и говорили на материке, у местных избирателей не вызывала ни малейшего интереса. Им было важнее выяснить, когда проложат давно обещанное скоростное шоссе или когда установят этот диковинный ретранслятор, с помощью которого можно весь мир увидеть как на ладони. Рыбаков, тех, кто посмелее, тревожило, почему за последние два десятка лет цены все растут, а расценки на рыбу не повышаются? И никто здесь, если не считать Виктора Мосса, не будоражил умы далекими от них проблемами, например: станет или не станет Канада выполнять обязательства, связанные с ее вступлением в Объединенную систему противоздушной обороны североамериканского континента?

Управляющего рыбозаводом Виктора Мосса, человека лет пятидесяти, спокойного, невысокого, грузноватого, с седыми, редующими волосами, здесь уважали все. Он любил книги, не прочь был на досуге обсудить прочитанное, поделиться впечатлениями. Мы наверняка сошлись бы с ним теснее, если б не его жена, Глиннис, на которой он женился еще в Англии, когда служил в авиации, — она нигде не показывалась и никого у себя не принимала. Возможно, просто по натуре была замкнутой, а может, так и не смогла приспособиться к жизни маленького ньюфаундлендского поселка, совершенно непохожей на жизнь ее родного городка в Уэльсе. Как бы там ни было, Глиннис была целиком поглощена разведением дома экзотических растений и вывязыванием кружев. Если Виктор и появлялся у кого-нибудь, то неизменно один. Впрочем, кроме редких визитов к Дрейкам, он почти нигде не бывал.

Нас пригласили к столу. Разом прекратив неудобные хозяевам дебаты, мы направились в элегантную гостиную. Посреди стоял стол красного дерева, за которым без труда могло бы разместиться человек шестнадцать. Окна были зашторены, и комната освещалась мерцающим светом девяти высоких свечей в серебряном подсвечнике. Китайский фарфор, серебряные приборы. В этом доме мне довелось отведать блюда, каких я в жизни не едала. Друзья на континенте, вероятно, считали, что мы одичаем в этой глуши, я же только здесь и выучилась искусству званных обедов. Меня просвещала Барбара Дрейк.

Здесьняя пища состояла в основном либо из морских продуктов, либо из того, что росло на острове. Обычно на закуску подавалась семга — Барбара коптила ее сама, обучившись этому искусству у Ноя Джозефа. Всего каких-нибудь лет тридцать назад многие здесь заготавливали на зиму, в этих краях очень суровую и длинную, копченую семгу и селедку. Но с введением на острове денежного обмена, когда стало проще пользоваться магазином, почти все забросили копчение рыбы, потому что занятие это долгое и кропотливое. И вот прежняя пища бедняков сделалась деликатесом, который не всякий сейчас мог себе позволить. У Ноя в семье рыбу не коптили, копченая рыба уже надоела. Приелась за многие годы. Такое даже невозможно себе представить. Я, например, могла бы есть ее каждый день.

Барбара позвонила в маленький серебряный колокольчик, лежавший рядом с ее тарелкой; появились служанки, Эдна и Руби, и, стараясь не беспокоить гостей, убрали грязную посуду. Обе в черных платьях, в белых передничках и наколках. Барбара самолично обучала их прислуживать; но ей приходилось частенько повторять

курс обучения — как правило, девушки, служащие в таком высокопоставленном месте, в доме не задерживались. Их быстро разбирали женихи. Нередко в кухне торчал какой-нибудь парень, терпеливо дожидавшийся на стуле окончания бесконечного званого ужина, чтобы поскорее увести свою подружку в кино, в бывшую ложу оранжистов.

Исключение составляла Эдна, застенчивая крупноносовая девушка с вытянутым лицом и маленькими глазками. На нее ни один парень не польстился, и в свои двадцать пять лет она уже считалась перестарком. Шесть лет Эдна подавала к столу серебряные блюда, разливала напитки, убирала со стола, ухаживала за подрастающим поколением Дрейков. Эту скромную тихоню Барбара аттестовала не иначе, как "незаменимая", "преданная". Руби таких отзывов не устаивалась. Не прошло и года, как эта хорошенькая, живая и смешливая девчонка выскочила замуж.

Служанки разносили овощной гарнир, а Фримэн тем временем нарезал жареную оленину — свое любимое жаркое. К оленине подавался овощной салат — большая редкость в Балине даже летом. Салат, шпинат, редиска и огурцы изредка доставлялись сюда из Калифорнии; за время долгой, да еще осложнявшейся из-за непогоды перевозки овощи успевали испортиться. Отведав на десерт великолепного ромового бисквита, мы снова вернулись в гостиную, где нам подали кофе с ликером.

Барбара рассказывала, что в доме ее родителей гости после ужина разделялись на две компании, мужскую и женскую; мужчины курили, пили портвейн и вели разговоры, не принятые в женском обществе. Я недоумевала: что ж это за разговоры такие? Мне случалось, правда, слы-

шать про подобное разделение гостей, только у нас в Канаде такое случалось очень давно, во времена прадедушек и прабабушек.

Вошла Эдна и, робея перед доктором Биллингсом, не поднимая глаз, вручила ему какую-то записку. Тот развернул, пробежал глазами, потер подбородок. Протянул записку Фримэну. Оказалось, один из матросов с траулера, только что причалившего после недельного плавания, повредил колено, поскользнувшись на обледенелой палубе. Капитан просил доктора осмотреть пострадавшего, бедняга с трудом мог передвигаться.

— Неужто некому его на грузовике к дому подбросить? — возмутился Роджер.

Фримэн велел Эдне позвать человека, принесшего записку. Им оказался Гэс Барнс, ночной сторож. Он объяснил, что пострадавший матрос живет на самом краю Хэнн-острова, куда можно добраться только на лодке. Если б даже грузовиком его подбросили к пристани, все равно ему по мосткам не спуститься и, уж конечно, ни за что не подняться потом с берега в гору.

— Пойду-ка я осмотрю этого малого, — вывзвалась Айрис. — В заводской конторе есть аптечка. Если потребуется, наложу ему до завтра повязку, ему ведь наверняка домой не терпится!

— Вот умница! — обрадовался Биллингс.

— Контора сейчас закрыта, Айрис, — сказал Виктор. — Ключ при мне. Я, пожалуй, тоже пойду с вами, посмотрю, что там стряслось. И к тому же сейчас скользко. Не хватало, чтоб еще и вы упали.

Пришлось Айрис и Виктору снова облачаться в теплые шубы, в сапоги, надеть варежки. В тот вечер Айрис была на удивление хороша. Пышные волосы обрамляли лицо — обычно она зачесывала их за уши и стягивала эластичной лен-

точкой. На ней было облегающее темно-зеленое платье, на изящных ножках тонкие чулки, туфли на шпильках. Из широкого окна нам было видно, как на фоне зимнего пейзажа идут, удаляясь, две фигурки, сгибаются под ветром и поддерживают друг дружку, чтобы не упасть на обледенелой дороге. Мы вернулись к камину.

Барбара поставила стереопластинку "Звуки музыки". Во время своей последней поездки в Нью-Йорк Дрейки посмотрели на Бродвее этот мюзикл. Они вообще у нас слыли театрами. Музыка, камин и брэнди сделали свое дело — нас разморило. Мы разлеглись на ковре, стараясь не думать о том, что скоро опять нам тащиться в гололедицу домой. Я скинула туфли, пошевелила пальцами перед трепетавшим огнем.

В тот вечер на мне были черные замшевые лодочки на высоком каблуке и узкое черное бархатное платье. Лежать в узкой юбке на полу было не очень-то удобно. А уж тащиться в таком наряде по сугробам и колдобинам и подавно. К тому же платье было без рукавов, и стоило шийти, как ветер пробирал меня насквозь. Хоть я и пришла в зимних сапогах (туфли принесла с собой в сумочке), наряд мой явно не соответствовал здешнему климату и дорогам. Вырядилась нелепо, как какая-нибудь миссионерка, которая столетие назад забралась в джунгли в кринолине. Господи, о чем я только думала, когда так наряжалась! Впрочем, если речь заходит об одежде, тут мы редко руководствуемся здравым смыслом. Норовим со своим уставом в чужой монастырь. Еще бы, ведь мой туалет был криком моды начала шестидесятых годов!

А Фарли носил всегда только то, что удобно. Он надел свой любимый старый твидовый пиджак и вельветовые брюки. Уходя из дома, сунул в карман куртки домашние шлепанцы.

Я с удовольствием слушала, как Мэри Мартин поет, что надоело быть монашкой, но тут Джейн Биллингс завела разговор на охотничью тему. Охотиться она обожала.

— Здесь только и знают что попусту стрелять зверей, — возмущалась Джейн. — Хоть бы задумались, что после нас останется! Дичи пока много, вот и решили, что так будет всегда. А добрых советов и слушать не желают. Господи, сколько раз я убеждала...

Джейн постоянно кого-нибудь в чем-нибудь убеждала.

— В ноябре как-то охотились мы с Джейкобом, — продолжала она. — Дня два бродили, пока хоть какая-то живность попалась.

Она нанимала Джейкоба Свифта с той же целью, с какой Дрейки нанимали Ноя Джозефа.

— А когда возвращались, наткнулись на три брошенных лосиных туши — лежат и гниют! Ленъ было даже мясо срезать! Честное слово, бьют зверье из чистой кровожадности. До них даже не доходит, что охота — это высокое искусство!

— Но они так привыкли, — попытался объяснить Фримэн. — Мужчины охотятся. Им нравится забираться поглубже в чащу. Подальше от моря. Море — это работа. Тут не в кровожадности дело, мне кажется, а в желании переключиться. Это везде.

— Из здешних женщин одна только я на охоту и хожу, — хвастливо заявила Джейн, откидываясь на спинку кресла.

— Как же это здорово, — сказала я, словно не слыша ее слов, — когда кругом такая природа! Ведь горожанину без машины до таких мест никак не добраться. Да еще и не один час промаешься, прежде чем отыщешь такой уголок!

— Вот-вот! Именно! — с радостью подхватил

Фримэн. Он был не прочь лишний раз подчеркнуть преимущества, которые его рабочие имеют перед своими обделенными собратьями-горожанами.

— Да только они не умеют всем этим пользоваться! — язвительно вставила Барбара.

— И не умеют ценить добро, быть благодарными, — добавила Джейн.

Снова Барбара с Джейн оседлали своего конька. Джейн уверяла, что за местными постоянно нужен глаз да глаз. Барбара считала, что им, словно детям, необходим воодушевляющий пример. Меня поражало, что ни та, ни другая не видят ничего положительного в тех самых людях, в рабочих или пациентах, за чей счет они живут! Роджер Биллингс не набрасывался так на своих пациентов, впрочем, он вообще избегал высказывать свое мнение по любому поводу. Фримэн же заявлял, что его рабочие не желают трудиться как следует, и еще — что они чрезмерно прижимисты.

Не исключено, что всех нас свело именно различное отношение к людям, среди которых мы жили. С видом ученых богословов мы рассуждали о нуждах этих людей, и временами атмосфера накалялась. В таких случаях Барбара умело переводила разговор на какой-нибудь более нейтральный предмет, скажем на погоду, на секреты кулинарии, на путешествия. Из нее хороший дипломат получился бы! Она прекрасно понимала, что отношения лучше не обострять. Мы входили в разряд друзей, хоть Фарли временами их и раздражал. Среди них он, независимый человек, который добровольно поселился в местах, где каждый прямо или косвенно зависит от местного капиталиста, выглядел белой вороной. Фарли зарабатывал себе на жизнь гонорарами от книг и статей, которые публиковались где-то там, на континенте. Поистине его можно назвать свободным человеком в ренессансном зна-

чении этого понятия. И представители местного общества не знали, чего от него ждать.

Ни Айрис, ни Виктор в тот вечер не вернулись; мы с Фарли ушли от Дрейков около полуночи. К тому времени немного подтаяло, и идти стало легче.

Погода здесь менялась несколько раз на день; но даже и в ненастье я все равно любила долгий путь домой. Мы медленно брели по дороге мимо "оплота местной буржуазии", как Фарли окрестил три одинаковых, довольно вычурных особнячка, в которых обитало заводское начальство. Потом мы миновали завод, конюшню, где содержались лошади и пони Дрейков, и тут дорога кончалась. Взобрались на горку, обогнули промерзшие пустыри и вышли к Большому и Малому прудам — по ним зимой пролегал кратчайший путь к Собачьей Бухте. Тут болотисто, если не подмораживает, и потому ни единого домика, ни единой постройки. Стоишь морозной ночью посреди Большого пруда — вокруг ни души, рыбозавод далеко, отсюда не слышен нескончаемый гул машин, и может показаться, будто находишься на какой-то древней земле, которая возникла после ледникового периода. В ясную ночь звезды близко-близко, прямо как те спящие домики, что притаились за холмами.

За Малым прудом чары рассеиваются, впереди вырисовываются знакомые очертания домов Собачьей Бухты, и мы возвращаемся к реальности. Остается только перейти через мостик — и мы уже дома, в тепле.

8

— Видал, видал, как вы вчера ночью возвращались, — щурясь от слепящего на солнце снега, сказал Эзра Роуз.

Он стоял перед своим домом: в одной руке банка с краской, в другой — кисть. Выдался один из тех мартовских дней, когда уже чувствуешь, как греет солнышко. На бельевых веревках (на моей тоже) трепещет выстиранное белье — простыни, полотенца, скатерти. У людей работающих в такой денек всегда найдется какое-нибудь занятие на воздухе.

— К часу ночи дело было, не иначе. Я сразу смекнул, откуда вышли, — беспардонно тянул Эзра. — Не иначе, думаю, со своим стариком у мистера Дрейка гостевали.

Эзра взглянул на меня, ожидая ответа. Он считал, что его все касается, и когда мы приходим, и когда уходим. И Эзре, и его жене Матильде за семьдесят; они наши ближайшие соседи. Их опрятный одноэтажный ярко-зеленый домик стоит возле самого мостика, на краю Собачьей Бухты. Из окна их кухни прекрасно видно, кто в какую сторону идет через мост. А я-то думала, когда мы возвращались ночью: раз окошки у стариков не светятся, значит, они спят. Выходит, не спали.

Что такое, в самом деле, почему я должна перед ним отчитываться? Поначалу меня даже зло взяло. У меня на родине люди гордились своим невмешательством в жизнь соседей, по крайней мере никто не осмелился бы приставать ко мне с расспросами и советами. Здесь же наша жизнь в мельчайших подробностях интересовала буквально всех.

Только со временем я поняла: это не праздное любопытство. Если ночью в чьей-то спальне горит свет, значит, у соседей кто-то болен, значит, надо помочь. Если кто-нибудь долго не возвращается с вечеринки — не дай бог, потонул или еще какая беда приключилась.

Из обитателей Собачьей Бухты только мы да

Роузы не состояли в родстве с могущественным кланом Куэйлов. Дети Роузов уже давно покинули отчий кров, и когда-то двухэтажный дом превратился в одноэтажный. Избавляться от второго этажа — для здешних стариков дело привычное, лишнее помещение требует топлива и лишней затраты сил на уборку. Эзра с Матильдой разместились в комнатах бывшего нижнего этажа. Теперь их жилище состояло из кухни, которая одновременно служила и гостиной, небольшой спальни и еще одной комнатухи — на случай, если кто-нибудь из детей нагрянет с семейством погостить. Но они не приезжали.

— Какая там у меня семья! — вздыхал Эзра. — Дочка да сын. Да еще парнишку взяли на воспитание.

Численность семейства Роузов — двое собственных детей да приемыш — привела бы в восторг поборников прироста населения там, где оно почти не увеличивается. Но в условиях Ньюфаундленда такая семья — далеко не образец. Всего трое детей, вот жалость-то! Но еще пуще жалели тех, у кого, как у нас, детей вообще не было. Никто ни разу не напомнил нам о нашей бездетности. Тактично щадили, как щадят калеку, стараясь не заговаривать при нем о его увечье.

— Тут с пароходом солидный груз вам пришел, — сказал Эзра.

Я обрадовалась: наконец-то прибыли долгожданные торшер, настольная лампа и коврик, которые я заказала по каталогу фирмы "Итон" из городка Монктон, который находится в провинции Нью-Брансуик. Начальник пристани, лицо должностное, ответственное за отправку и доставку грузов, уже привык складывать наши посылки вместе с товарами для магазина Дэна Куэйла-младшего; так все вместе и перевози-

лось зимой на санях, в которые запрягали лошадей, — на так называемых "салазках", и доставилось в самый конец Собачьей Бухты к пешеходному мостику. Дети, добровольные грузчики, раз в неделю перетаскивали тюки по мостику в бухту, а если обнаруживали наши вещи, немедленно передавали об этом по цепочке.

Эзра, как и многие старики, водил дружбу с детьми. Ему, точно ребенку, все всегда было интересно.

— Старуха меня пилит, чтоб завел электричество, — говорил Роуз, проведая, что нам привезли два новых светильника. — А на что оно мне? Я и без него нехудо управляюсь.

Лишь в двух домах Балины не было электричества: у Роузов, которые уже большую часть жизни прожили без него, и у Пойнтингов, которым нечем было платить за свет. Когда лет пять назад муниципальные власти установили здесь дизельную электростанцию, первыми сделало себе электропроводку семейство Куэйлов. В этой глуши это удовольствие стоило немалых денег. Электроснабжение нашего жилья — штук шесть лампочек, холодильник, водяной насос, стиральная машина, которая включалась раз в неделю, и уют — обходилось нам долларов в двадцать ежемесячно. В Онтарио или Квебеке то же самое обошлось бы нам долларов в пять, не больше.

— Чё твой старик делает? — спросил Эзра, хоть Фарли был моложе его лет на тридцать.

— Трудится в поте лица. Книгу пишет.

— Ага, небылицы, значит, складывает!

Я принялась убеждать его, что Фарли пишет только чистую правду.

— Да ну их, писателей, все брешут, — не унимался Эзра, улыбаясь лукаво и недоверчиво. — И про нас, должно, написал бог знает чего, разрази меня гром!

Эзра Роуз никогда не переступал школьного порога, но, женившись, с помощью Матильды принялся постигать алфавит и понемногу учиться разбирать написанное. На родном языке он читал примерно так же, как я к тому времени по-русски — по буквам, по складам. На острове Дальнем, где Эзра родился, время от времени появлялся какой-нибудь учитель. Это крохотное, в пять семей, поселение милях в двух к югу от Балины уже лет пятьдесят как вовсе опустело. Учитель к ним обычно приезжал зимой, а зимой Эзра охотничал с отцом в лесах, ставил капканы, собирал хворост для печки. А вот Матильда, младшая дочь в семье из Гранд-Анса, целых семь лет ходила в школу.

Так и не научившись читать книги и газеты, Эзра не имел привычки полагаться на чужое мнение. Обо всем судил только по тому, что видел и слышал сам. Любил задавать вопросы. Слушал, о чем стрекочет детвора, и сопоставлял с тем, о чем судачат соседи. Даже к моим словам он прислушивался, хотя чаще слушательницей выступала я, ведь мне-то особенно нечего было ему рассказать.

Еще он черпал новости, регулярно слушая свой транзистор. Один из немногих в Балине, он ловил передачи Си-Би-Си, но с пренебрежением относился к веселым викторинам и популярной американской музыке, которые наводняли программы коммерческой радиостанции Мэристауна.

Эзра обожал комментировать последние известия; к примеру, он доказывал, что тори не победят на будущих выборах. Никогда не пропускал ежедневной вечерней передачи для рыбаков и сообщал односельчанам обо всех изменениях рыночных цен на рыбу в Бостоне. Раз попытался послушать репортаж о хоккейном матче команд Национальной лиги, но ему это пришлось

не по вкусу: видеть никогда не доводилось, а комментаторский текст оставил его безучастным к этой игре. Да ну их, решил он, здоровые мужики, а гоняют мяч, точно сопливые мальчишки! А уж если кто шайбу забросит, такой гвалт поднимают! И зачем только у народа отнимать субботний вечер из-за всякой ерунды. Вот-вот, послушаешь да лишний раз убедишься — делать им там на материке нечего. Это уже и так яснее ясного.

Пожились они с Матильдой в 1919 году, в том самом году, когда жители Дальнего решили раз и навсегда покинуть свой скалистый остров и обосноваться в более уютных бухточках, где теперь раскинулась Балина. Разобрали свои дома по досочкам и, присмотрев подходящие участки в Круглой Гавани, возвели их в прежнем виде. Один только Эзра решил заново отстроить себе с молодой женой дом в Собачьей Бухте, где тогда еще никто не селился. Здесь они с Матильдой пережили и долгие голодные годы, когда цена на соленую рыбу падала все ниже и ниже, и экономический кризис, ударивший по всем капиталистическим странам, а по здешним жителям — сильнее всего. В 1939 году началась мировая война, и Эзра одним из первых в Балине пошел добровольцем в английский торговый флот, хоть было ему тогда уже около пятидесяти. Сколько раз старенький траулер, где он стоял в машинном отделении при двигателях, бороздил в шторм воды Северной Атлантики в составе конвоя, служившего отличной мишенью для немецких подводных лодок.

Когда заходили в английские порты, Эзра увидел там жизнь, совсем непохожую на ту, к которой он привык. Никогда еще не видал он такого, чтоб дома стояли впритык друг к дружке. Эзра недоумевал: как же люди могут так жить!

В гости его никто не звал, а в пивнушках и кофейнях, куда он иногда наведывался, было не тепло и сыро. Коченели ноги, холод пробирал до костей. В Англии ему нигде не удавалось согреться. Эзра утверждал, что на Ньюфаундленде у самого что ни на есть бедняка и то в кухне теплей, чем у любого английского лорда в замке.

— Убогие они там какие-то, — с сочувствием говорил он. — Хуже собак живут, ей-богу! Вон у меня собаки жили, так разве сравнишь...

Верой и правдой прослужив три года в торговом флоте, Эзра вышел в отставку, вернулся домой, получив сполна матросское жалованье и еще небольшое пособие за исправную службу королю и отечеству в беспокойных водах Северной Атлантики. Остаток военных лет он рыбачил на лодчонке; слава богу, сыну еще не пришла пора идти в армию, да и война близилась к концу. И хоть связал его по рукам и ногам кабальный договор с ловкачом-скупщиком, все же, пока матросские денежки не иссякли, Эзра забот не знал. И дети были при доме. Флори помогала матери рыбу солить, а парни — сначала свой, а потом и приемыш — ходили с ним в лодке рыбачить.

Когда же кончилась война, все в жизни Эзры переменялось. Дети один за другим покинули родительский кров. Сначала Флори — уехала в Сидни, поступила в прислуги. Вскоре вышла замуж за шахтера. Потом сыновья тоже собрались в Канаду, по слухам, там требовались рабочие руки. Им еще пришлось повозиться, чтобы оформить эмигрантские документы, и всего-то пару лет не дождалось — ведь в сорок девятом во время референдума пятьдесят два процента населения Ньюфаундленда проголосовали за то, чтоб присоединиться к Канаде и стать ее

десятой провинцией. С того-то самого года и пошли здесь большие перемены, потому как у каждого появились наличные. Деньги свалились на голову местным жителям без всяких разъяснений: пособие семейным — у кого дети, и пенсии по старости — кому перевалило за семьдесят. Больше того: тем, кто отслужил в армии, полагались военная пенсия. Эзра выхлопотал ее себе в шестьдесят один год.

Потом в Балине объявился Дрейк; он построил новый рыбозавод. Теперь рыбу не солили, а морозили. Дрейк, в отличие от прежних скупщиков, не записывал улов каждого в приходную книгу и не рассчитывал, кто что сможет за свой улов купить. И рыбакам и рабочим он платил наличными. А за наличные можно купить что хочешь. И еще канадское правительство выплачивало рыбакам деньги — пусть и не бог весть какие — в те месяцы, когда улова почти не было. Это называлось пособие по безработице. Чиновник из отдела социального обеспечения выдает всем анкеты, их надо заполнить и отослать. И через пару недель приходит чек; вот так здоровые мужики стали получать деньги совсем ни за что ни про что.

И Эзре, и Матильде ежемесячно приходил чек на семьдесят пять долларов. На эти средства да еще на пенсию Эзры старики могли жить, как им раньше и не мечталось: хватало на все да еще и оставалось. Как-то Эзра одолжил Дэну Куэйлу-младшему денег на покупку холодильника для магазина. А ведь раньше и помыслить не мог, чтоб кому-нибудь в долг дать.

Внешне Матильда была полной противоположностью своему здоровяку-мужу: высохшая, сгорбленная седенькая старушка с распухшими суставами на руках. Сорок четыре года назад юной невестой она приехала в эти места из не-

большого поселка Гранд-Анс, что отсюда милях в двадцати к западу. Гранд-Анс в любое время года — сказочный уголок. Вдоль скалистого берега бухты — ладненькие домики, за ними на пригорке прелестная, словно на картинке, деревянная церквушка. Рядом струится водопад, а за водопадом в багряной дымке высятся холмы, красиво обрамляя поселок у своего подножия. Но Матильда, как выяснилось, не признавала всей этой красоты. Считала, что в Гранд-Ансе "ничего красивого нет". Красивым Матильда считала пейзажик на картинке в календаре, купленном в лавке у Дэна-младшего и висевшем у нее в кухне (такие календари украшают любую здешнюю кухню). На картинке светит солнце, под огромным деревом на зеленой траве пасутся четыре упитанные коровы, а вдалеке двое опрятненьких ребятишек играют возле огромного красного амбара.

Хоть от Балины до Гранд-Анса не более двух часов паромом и билет стоит меньше четырех долларов, Матильда Роуз ни разу за сорок четыре года туда не наведывалась. Путешествовать она не любила, говорила:

— Так ведь родные-то и сами к нам наезжают!

И верно. В Балину частенько приезжали, обычно к доктору, Матильдины братья и сестры, племянники и племянницы. Останавливались в маленькой комнатке у Роузов, потом с запада приходил паром, отвозил их домой.

В Собачьей Бухте Матильду все называли "тетушка Тиль", хоть родни среди местных у нее не было. Из дома она выходила редко, зато к ней на удивление часто заглядывали гости. Нередко заходила и я.

Завершив покраску, Эзра Роуз вымыл руки в миске, стоявшей на столике в кладовке. Потом

прошел в кухню, опустился на желтый с красным шпастиковый стул у окна. Отсюда-то и виден мостик на краю Собачьей Бухты, всегда можно сказать, кто по мосту идет, кто проплывает под ним в лодке. Это свое любимое место у окошка Эра не променял бы ни на что другое.

— Цельный день погода простоит, ага, — убежденно заверил он, поглядывая на небо. — Ветер с запада надолго. И завтра ясно будет. Как пить дать. Надо б вечерком в Круглую Гавань наведаваться, прикупить еще банку лодочной краски. Не то все небось сегодня красить кинулись. Вона, в лавке-то у Дэна всю краску поразобрали!

Лодки здесь красили "лодочной краской", так называлась в Балине желтовато-бежевая эмаль для окраски судов. При выборе цвета для дома чаще всего считались с мнением хозяйки, однако лодки мужчины неизменно красили в один и тот же цвет. На плите потихоньку закипала похлебка из солонины с овощами, на полке в кладовой остывал свежеспеченный хлеб. Близился полдень — час основной дневной трапезы в Балине, как, впрочем, почти повсюду на Ньюфаундленде. В Собачьей Бухте Дэн Куэйл на это время прикрывал свою лавку. В двенадцать на рыбозаводе раздавался гудок, и Дэн Куэйл-старший, его сын Клэрэнс и дочери спешили домой, поесть горяченького. Сперва они поднимались на горку, потом шагали вниз, к мостику. Вслед за ними из школы прибежали дети. И вся Собачья Бухта садилась за обед.

Но были и исключения. Мы с Фарли только раз в день садились за стол в те же часы, что и соседи, — в восемь утра. После этого мы ели только в час дня, да и то неосновательно: супчик, бутерброд или подъедали то, что осталось с вечера. Обедали поздно, часов в семь. Так я привыкла с детства и такой распорядок не думала ставить

под сомнение, пока не обнаружила, что рядом со мной люди живут совсем по-иному.

И засиживались мы с Фарли за столом гораздо дольше. Наша манера подолгу ковырять вилкой в тарелке или за неторопливой беседой пропускать чашечку-другую кофе местным казалась дикой. Дэн-старший с сыном и дочерьми уже минут через двадцать спешили обратно на работу.

Хоть к здешнему режиму нам так и не удалось приспособиться, все же нельзя не признать, что он оказался разумней, чем наш. Приготовление пищи, выпечка хлеба, чистка и резанье овощей, да и мытье посуды тоже — все это делалось в первой половине дня, до двенадцати. Остальную еду — "чай" в пять часов, "перекус" в десять вечера: вариации из холодного мяса, соленых огурчиков, хлеба, печенья, сыра, булочек — организовать много проще. Ну а к вечеру вообще лучше не наедаться.

Только я поднялась, чтоб выйти из кухни Роузов, скрипнул засов входной двери, кто-то затопал, сбивая снег с ног. Это пришла Дороти Куэйл. Девочка ежедневно по поручению отца навещала больных и престарелых. Заходила к ним по пути в школу, спрашивала, не надо ли чего купить, а после уроков разносила продукты из магазина.

— Может, надо из продуктов чего? — деловым тоном осведомилась раздумывавшаяся на солнышке Дороти.

— Да капусты фунта два, доченька, — дребезжащим голосом попросила тетушка Тиль. — И все...

Мы вышли вместе с Дороти и не спеша побрели по тропинке, млея от благодатного тепла. Такой день — настоящий подарок. Братишка Дороти, малыш Лерой, дожидался ее на улице. Где бегом, где скользя он ринулся с горки и с

сняющим видом молча зашагал рядом.

— Чертенюк! Ведь простудишься! — напустилась на него сестра. — Куда ты куртку подевал?

Мальчишка глянул на нее, улыбнулся, потом посмотрел на меня, но по-прежнему молчком.

Разгорячившись на солнышке, Лерой неизвестно где посеял свою курточку и теперь носился в одном свитерке и теплых штанах. Расхрабрившись в такую теплынь, он расстегнул свой зимний шлемик, сдернул с головы и принялся озорно им размахивать.

— Ох, ну и непутевый парень! — Дороти обняла братца, приговаривая ворчливо, точно взрослая: — Эти мальчишки все непутевые.

Мы шли по тропинке, и Дороти выкладывала мне новости. Обегав множество домов и всякого наслушавшись, она никак не могла удержаться; изо дня в день разнося продукты, она разносила и новости.

— Дедушка Джон ох и плох стал! — сообщала Дороти. — Живот ему покою не дает, ага, а доктор — чего он может? Старый дед очень, ага...

В свои без малого девяносто прадедушка Дороти и Лероя, а также множества детей, имен которых я даже и не знала, слыл патриархом в Собачьей Бухте. Ухудшение его здоровья тревожило многих.

— Он в больнице? — спросила я.

— Этта не дает его в больницу класть. Видно, как дома родился, так дома и помрет.

Больницам старая Этта не доверяла. В ее молодые годы много людей поумирало в больницах, особенно от чахотки. Потому она никак не соглашалась с женщинами помоложе, которые считали, что в больнице вылечивают.

— Бланш в больницу кладут. Вот-вот положат... — сказала Дороти.

— Бланш? Кто такая Бланш?

— Чарли жена! — недовольно фыркнула Дороти. Ну и ну, не знать, кто такая Бланш! — Ребеночек у нее будет. А грузовиком ехать нельзя, скользко. Только лодкой... Вон они, лед колют, чтоб проехать...

Дороти указала пальцем в глубь бухты. Там двое мужчин, перевесившись через борт лодки, топорами разбивали лед. От них до рыбацких мостков, с которых собирались принимать в лодку тяжелую Бланш, оставалось метров пятнадцать. Хорошо еще, что лед не очень толстый. Если и Бланш, и такая, как сегодня, погода продержатся еще пару деньков, лед сам собой подтает. Только ни погоду, ни срок родов в точности предсказать невозможно. Вот эти двое и трудятся от зари до зари.

Подойдя к дому Дороти, мы заметили, как сквозь запотевшие изнутри стекла на нас в протертые пальцем дырочки глазают Джеки и Сьюзи. Лерой с Дороти кинулись вперед, прижались носами к стеклу кухонного окна.

Задержавшись на нижней ступеньке крыльца, Дороти крикнула мне:

— Я тут стих написала. Вечерком занесу, покажу!

— Давай, давай! — подхватила я. — С удовольствием прочту.

Радостно зардевшись, Дороти кинулась, пряча смущение, в дом.

Я медленно побрела по тропинке к себе домой; подойдя, пощупала белье, трепетавшее на ветру, который дул с моря; в ноздри ударил запах свежести и чистоты. Поскольку электричество здесь — дорогое удовольствие, мы, как и многие, не могли позволить себе электросушилку для белья.

— Клер! Погодите! — услышала я за спиной. По пешеходному мостику мчались Айрис

Финли с маленькой Нэнси Дрейк. Подбежали, запыхавшись.

— Чудо что за день сегодня! Пошли с нами к морю? Пикник устроим. Забирайте Фарли, прихватите чего-нибудь поесть и давайте развлечемся!

— Айрис, вы в своем уме? Какой пикник зимой?

— А почему нет? Денек-то просто загляденье! — с истинно шотландским резонансом заявила она.

И в самом деле. Термометр за окошком в кухне показывал 54° по Фаренгейту¹, летом в Балине не намного теплее. Солнце светит ярко, веет ласковый ветерок, а воздух над морем так прозрачен, что кажется, отсюда можно увидеть даже Бермуды.

Фарли обрадовался случаю оторваться от машинки, над которой вот уже месяца четыре сидел не разгибаясь, и выйти из дома, развеяться. Да и книга почти окончена. И вот я приготовила на скорую руку бутерброды, залила в термос чай, и мы вчетвером отправились на пикник.

Надо пройти по второму пешеходному мостику, ведущему из Собачьей Бухты, и вот мы уже на просторе, где нет никакого жилья. Мосткачалка был узенький, подвесной, метров тридцать длиной, а в ширину такой, чтоб по нему мог пройти один человек или одно животное. Он раскачивался под ногами, и любимым развлечением Дрейков и Биллингсов было направлять своих капризных лошадок по этому мостику. Он соединял берега узкого и длинного залива, служившего естественной границей между поселком и необитаемой частью побережья. По ту сторону залива никто не строился — скорее из суеверия, чем из каких-либо других

¹Примерно + 12° С.

соображений. За мостиком начиналась проторенная тропинка, которая вела вверх, на высокую скалу. Оттуда, будто с птичьего полета, можно было обозревать всю Балину: россыпи разноцветных домиков Собачьей Бухты, Грязюки, Круглой Гавани, Хэнн-острова, Кишки. А за ними терялись вдали заброшенные Дальний и Далекий острова с полуразвалившимися оградами кладбищ — единственными свидетельствами давнего человеческого присутствия. А еще дальше — одинокий Тюлений остров, на котором белый маяк отважно нес свою вахту у скрытого под волнами скопища рифов. В такую, как сегодня, погоду море кажется изумрудно-синим, обманчиво манящим — точь-в-точь как на открытке из южных стран. Волна робко накатывает на берег, будто в летний день, и манит так, что забываешь, каким лютым холодом она может обжечь. Даже в августовскую жару здесь не искупаешься. Как-то летом я отважно ринулась в море, но тут же выскочила как ошпаренная. От ледяной воды перехватило дыхание.

Сейчас, на исходе зимы, в расщелинах скал серел грязный от песка, нерастаявший снег. Мы пробрались через вязкое болотце и поднялись на ровную площадку, покрытую пушистыми зарослями можжевельника. Потом двинулись по тропинке через ельник. И вот мы наконец у самого края обрыва, откуда вниз сбегает крутая тропинка. Здесь скалы кончаются и начинается пологий берег — полоска ярко-белого песка, протянувшаяся миль на семь. Мы жили ближе других к этому месту.

Раньше всех вниз по склону к песчаному пляжу сбежала Нэнси. Откуда у детей такая тяга к морю? А у нас? Мы стали спускаться вслед за Нэнси, только с опаской, как и подобает взрослым. Очутившись на песчаной отмели, зашагали, с

грудом переставляя ноги в теплых сапогах, вслушиваясь в нежный шорох гальки, омываемой до самой дали морской волной.

По здешнему берегу интересней всего гулять именно в конце зимы. Стаял снег, стаял лед, и на берегу обнажается все, что нанесло штормами за зиму. Повсюду щепки, обломки дерева, раковины, а то вдруг мелькнет осколочек китовой кости, птичий скелет — на песке столько гаинственного и вообще непонятого, исторгнутого из морской пучины. И тем прозаичней и омерзительней на этом фоне выглядят бесчисленные дырявые пластиковые бутылочки и мешочки, уж их-то ни с чем не спутаешь. Пластик не разлагается так же легко, как дерево или кость, он не тонет, как стекло, не растворяется в морской воде, как картон, не пожирается камбалами, этими морскими санитарями, заглатывающими мусор, который волны наносят в бухты. Море не в силах избавиться от неистребимой пластиковой тары. Как легкие фальшивые монеты, всплывают на поверхность банки из-под стирального порошка и отбеливателей.

На открытом берегу оказалось холодно, и мы отступили вглубь, в заросли жухлой прибрежной травы. Приглядели гладкий валун величиной с широкую тахту и, укрывшись за ним от ветра, привалились к камню спинами, уселись рядком, как птицы на проводах.

— На прошлой неделе еще одна медсестра приехала, — сказала Айрис, как только мы развернули свою снедь. — Из Сент-Джонса. Молоденькая. По фамилии О'Брайен. Если б не она, не сидеть бы мне сейчас с вами.

— Вот и хорошо, — отозвалась я.

— Только эта здесь не удержится! — заявила Айрис.

— Почему?

— Почему! Не успела приехать, тут же стала говорить, что, мол, сроду в такой глуши не бывала, что ей здесь не нравится. Она дальше порога и носа-то не высовывает. Ходит только на почту. С утра до вечера все письма строчит своему милому.

— Ох уж этот мне Сент-Джонс! — пробурчал Фарли. — Все они там негодяи, кровопийцы, всю жизнь паразитируют на маленьких поселках, а туда же, нос дерут! Нет чтоб помочь беднякам, чьими руками все их хваленые жизненные блага создаются!

— Ой, Фарли, не говорите так! — запротестовала Айрис. — Не все же в Сент-Джонсе плохие!

— Назовите хороших!

— Ну, например, про мисс О'Брайен никак нельзя сказать, что ее родня кровопийцы. Ее отец полицейским в Сент-Джонсе служит...

— Сент-Джонс — город-паразит! Все они там хороши. Отгородились от всего мира. Лень лишний раз зад оторвать от кресла. Да вы сами посудите, Айрис! Вы вот приехали сюда из Шотландии. Доктор Роджер Биллингс — англичанин. Доктор Ли из Гонконга. А до этого доктор был итальянец. И тот, что перед ним... откуда он?

— Из Ирландии.

— Вот-вот! Неужели в Сент-Джонсе медсестры и доктора перевелись? Ну почему, господа, не приехать сюда, не поработать? Нет, не желают! А ведь в Балине никогда даже зубного врача не было, ни единого. И состариться не успеешь, как все зубы выпадут...

— Ну, а почтенный Уэй? Он ведь с Ньюфаундленда родом. Из Отрады Сердца. Ведь он не такой!

— Хорошо, пусть! Так он же единственный! — не унимался Фарли. — А у нас в стране священников пруд пруди; единственное, чего избыток.

Хоть на экспорт их пускай!

Нэнси внимательно и серьезно прислушивалась к разговору взрослых. Потом сказала:

— Вот вырасту, сразу стану и доктором, и медицинской сестричкой, буду всех вылечивать!

— Солнышко ты мое! И доктором, и сестричкой? Вот умница! Вот славно-то будет! — подхватила Айрис, подмигивая мне.

В отличие от старшей, Миген, которая уже держалась словно наследница престола, пятилетняя Нэнси была девочка тихая, застенчивая. Любила оставаться одна, рисовала, читала, одна играла в куклы. Но больше всего ей нравилось гулять вместе с Айрис. Та, тоже младшая в семье, отлично ладила с девочкой.

На сладкое мы съели печенье, коробку которого захватила с собой Айрис. Потом побрели вдоль берега обратно, и мне ужасно захотелось сбросить зимние сапоги и теплые носки, чтоб ступать босыми ногами по песку, чувствуя, как струятся между пальцами прохладные песчинки. И хоть сапог я, разумеется, не сняла, но должна признаться, что и в зимний день песчаный берег может быть таким же чарующим, как летом.

Шагая по той же самой тропинке назад через ельник и болотце, мы увидели, как к нам по другой, ведущей в глубь острова, на север, приближается мужчина с мальчиком. Они поравнялись с нами, и мы узнали Гарлэнда Пойнтинга, этого загадочного человека, и его сынишку Гэрольда. Похоже, эта встреча их не особенно обрадовала. Отец с сыном возвращались с охоты, а охотиться в это время года запрещалось.

— С погодкой вас, — буркнул Гарлэнд.

В угрюмом взгляде его молчаливого сынишки мелькнула легкая тень доброжелательности. Отец и сын были в старых теплых куртках, вытертых штанах и грязных резиновых сапогах,

судя по всему дырявых. Кого ни встретишь из Пойнтингов, так и хочется подкинуть лишнюю одежонку. Но сегодня, судя по мешку, добыча Гарлэнда сулила семейству добрый обед, и не на один день.

Обогнав нас, Пойнтинги зашагали вперед, и когда отошли на почтительное расстояние, Айрис, придвинувшись к нам, чтоб те не услышали, с неодобрением произнесла:

— Ну что за народ! Их малютка, бедняжка, у нас в больнице. Воспаление легких. Годик всего! Сейчас, правда, дело пошло на поправку, но у меня просто не хватает духу вернуть ребеночка такой матери. У той уж и еще один на подходе, — Айрис недовольно фыркнула.

— Как они у нее только выживают! — воскликнула я.

— Вот-вот! Но с этой особой говорить бесполезно. Добрых советов она и слушать не желает. Слава богу, таких, как она, в поселке не так уж много. Почти все местные и лекарства принимают, и не едят что попало, ничего не скажешь! Мало того, — усмехнулась Айрис, — еще и собственными средствами лечатся! Является ко мне однажды старушка, божий одуванчик, со своей внучкой, а у девчонки шнурок вокруг шеи, а на нем мешочек, набитый волосами.

— Волосами? Чьими волосами? — изумился Фарли.

— Да уж, верно, знахарки какой-нибудь, для которой и бога нету! — отозвалась Айрис.

— От чего же это должно вылечивать?

— От астмы.

— И что же, вылечивает? — спросила я.

— Господь с вами! — засмеялась Айрис. — Правда, ей, бедняжке, и наше лечение не очень-то помогает. Как тут их осудишь, ведь им очень хочется одолеть недуг!

Пойнтинги никакими медицинскими средствами не пользовались — ни современными, ни шахарскими, существовавшими испокон веков. Никаких патентованных лекарств они не признавали и даже не стремились найти им какую-нибудь замену. И старые обычаи забыли, не собирали ягод, не сушили их впрок. Но все же охотиться Гарлэнд не бросал; легче всего ему казалось мясо продать, а на вырученные деньги купить что-нибудь в лавке. Скажем, леденцов в ярком пакетике. Уж лет десять Гарлэнд с Рози еле-еле сводили концы с концами, но жизнь так и не отучила их от детской беспечности.

Когда мы вернулись домой, я обнаружила на кухонном столе сложенный вдвое бумажный листочек. Оказалось, это стишок Дороти. Никак не могу привыкнуть: если тут говорят "вечерком зайду", в переводе на наш язык это означает — после полудня.

Вот какое стихотворение, аккуратно выведенное рукой Дороти, я прочла:

Соседушка

Стихотворение Дороти Куэйл

Коль выдается мне порой
Передохнуть часок-другой,
Тогда к соседушке спешу,
Я ею очень дорожу.
Помою ей посуду,
Могу и пол помыть,
И очень грустно будет,
Коль время уходить.
Мне нравится стихи писать,
Но все же мне милей
Стараться чаще помогать
Соседушке моей...

В апреле Фарли закончил свою книгу о волках¹ — рукопись в триста пятьдесят страниц мне досталось перепечатывать дважды. Когда такая забота сваливается с плеч, ничто не может омрачить душевного ликования, даже бесконечным проклятием обрушившаяся на нас непогода. Морозы кончились, и с утра до ночи льет как из ведра, что ни день, то накатывает, будто позабытый недуг, ненастье. И все же, когда рукопись завершена, когда внесена последняя правка, ощущаешь такую радость, будто что-то живое родилось на свет. Нам не терпелось отметить завершение трудов. В один из ненастных вечеров мы вышли из дома, хлюпая по талому снегу под свинцово-серым небом, в надежде поразвлечься где-нибудь в кругу друзей.

В резиновых сапогах, в плащах мы брели по чавкающей слякоти, размышляя, кто бы мог разделить с нами нашу радость. Сперва завернули в полицейский участок. Я позвонила к Макэкернам, но дверь никто не открыл. Фарли позвонил у двери в полицейский участок: тот же результат.

— Пусто! — сказал он с досадой.

Мы стояли и прикидывали, куда бы сунуться еще. К Айрис не пойдешь, она уехала на недельку в Сент-Джонс к зубному врачу — удалять зубы.

Зашли к Биллингсам, но оказалось, что Джейн только что доставили долгожданную высокопородную кобылу, поэтому хозяйке было не до нас. Доктор Биллингс, как и прежде, работал в одиночку. Доктор Ли, показавшийся нам таким славным, хоть и не слишком живым собеседни-

¹Имеется в виду книга "Не кричи: волки!" (1963), русский перевод — М., "Мир", 1982.

мом, отказался служить разъездным врачом и только что отбыл в Новую Шотландию, где его ждала обширная клиентура. Подумали было нагрянуть к преподобному Мэттью Уэю и Тельме, его жене, да постеснялись беспокоить священника в субботний вечер, ведь он сейчас, возможно, готовится к воскресной проповеди.

Остался всего один дом, хозяева которого, по нашим понятиям, смогли бы понять нашу жажду веселья, — дом Дрейков. Мы направились по дороге, что вела в поселок Кишка, не без основания полагая, что застанем Дрейков дома. Их выбор, куда пойти, был еще более ограничен, чем у нас.

— О, Фарли! Клер! Очень приятно, входите! — сказала, выдавливая из себя улыбку, Барбара. Она ждала ребенка и заметно располнела. Но эта напряженность и отсутствие радушия все же объяснялись не ее положением, а чем-то другим. Наверно, нам следовало бы найти благовидный предлог и тут же раскланяться, но по здешнему неписаному этикету не полагалось сразу же уходить, не пробив в доме из вежливости хоть несколько минут. И хозяйке надлежало, даже если гости явятся не вовремя, все равно оказать им радушный прием.

— Чудовищная погода, правда? Снимайте плащи, проходите, присоединяйтесь к нам, — предложила Барбара.

У камина с бокалом в руке стоял Фримэн. Вид у него был рассерженный. Мы с удивлением обнаружили здесь Дуга Макэкерна, Виктора Мосса и Ноя Джозефа. Лица у всех троих были очень серьезные. Входя, мы поймали конец фразы, мрачно брошенной Фримэном, по которой поняли, что где-то что-то замышляется.

— А, Фарли, дружок, проходи! Клер, ты хорошо выглядишь сегодня! Как жизнь? — Стараясь

держат тон гостеприимного хозяина, Фримэн чмокнул меня в щеку. — Сейчас я вам налью... Так... ром — тебе, Фарли. А Клер... тебе, наверно, виски с содовой? — спросил он, не без усилия входя в привычную роль.

— Неприятности на Джерси, — объяснила Барбара, поскольку мы, очевидно, вторглись в разгар какого-то серьезного разговора. — Люди не вышли на работу. Сегодня. Забастовку объявили. Вы только представьте, забастовку!

Представить такое было нетрудно. Буря назревала уже давно. Фримэн не мог не понимать, что она когда-нибудь грянет.

— Виктор сказал, что ему известно, кто зачинщики! — победоносно объявила Барбара.

— Да нет же, Барбара! Я только сказал, что кое-кого подозреваю. Откуда мне знать наверняка! — осторожно поправил ее Мосс.

Поступив на службу к Фримэну Дрейку, Виктор Мосс с самого начала старался сгладить любой конфликт. Надо сказать, ему каким-то образом удавалось балансировать между упрямством Фримэна и растущим недовольством рабочих, а это было очень нелегко. Не будь Мосса, стычки заканчивались бы куда как худо.

— Вы, Виктор, я думаю, завтра с нами поедете! — тоном приказа произнесла Барбара.

— Если вы сочтете нужным... — в голосе Мосса прозвучала покорность.

— И капрал Макэккерн... и Дуг... тоже, — добавила Барбара, полагая, что, назвав полицейского по имени, дает понять, что вводит его в круг своих приближенных.

— Не думаю, что я там понадобится, — сухо ответил полицейский. — Сперва я хотел бы выяснить, какие обвинения вы им предъявите?

— О господи! — взорвался Фримэн. — Это же ясно как божий день! Хулиганство! Неповино-

вание! Бунт! Нарушение общественного порядка...

— А вам известны факты правонарушения? Кто-нибудь нанес ущерб вашей собственности? Есть ли у вас свидетели? — задавал капрал вопросы, положенные полицейскому.

Ни на один вопрос Дуга ничего вразумительного Фримэн ответить не мог. И сам это понимал. Но отправиться завтра на Джерси без Дуга представлялось ему столь же немыслимым, сколь и сам факт забастовки. Одно только присутствие великана-полицейского, весьма внушительного в своей форменной шинели, придало бы Фримэну уверенности и веса. Но вся загвоздка заключалась в том, что закона, запрещающего рабочим рыбозавода бросить работу, не существовало.

Уроженец маленького поселка в Британской Колумбии, где была целлюлозная фабрика, Дуг всегда с неприязнью относился к "хозяевам" рабочих поселков. Ведь и ему самому, не попади он в полицейские, было уготовано судьбой стать рабочим. Да и теперь он служил в таком же рабочем поселке, как и его родной, в четырех тысячах миль отсюда.

Внезапно Фримэн переключился на Ноя Джозефа, который смирно, точно прилежный ученик, слушал их, но в разговор не вмешивался.

— Ной, дружок, твоя сестра как будто вышла замуж за тамошнего и живет на Джерси?

— Точно, сэр. Это так, мистер Дрейк.

— А скажи, дружок, не слыхал ли ты от родных что-нибудь про эту, так сказать, забастовку, которую затеяли на нашем заводе? Чует мое сердце, ее заварили те самые парни, что приехали с Великих Озер! Больше никому такое в голову не придет! Вроде бы ты рассказывал, племянник твой тоже хотел на Озера податься?

— Точно, сэр. Он в прошлом году туда и отправился. Нынче ему семнадцать, а может, восемнадцать стукнет. Поговаривали, этой весной назад вернется, — сообщил Ной.

— Ну-ка я тебе подолью, — сказал Фримэн, направляясь к бару.

— Благодарим вас, сэр!

— Видишь ли, жителям острова Джерси очень несладко придется, если начнется забастовка. Нам ничего не останется, как закрыть там завод. Все останутся без работы. Это худо, очень худо!

— Точно, сэр. Уж куда хуже...

— Вот я и думаю, Ной... раз у тебя там родня, на острове... ведь ты же не хочешь, чтоб с ними случилась беда? Так вот, если вдруг услышишь, кто заговорщики... Нам, поверь, это не безразлично! Надо во всем разобраться!

— Точно, сэр. Большая беда будет.

Ной посидел, выпил еще, вытерпел еще один заход Фримэна. Но тому не удалось выжать из него ничего такого, что бросило бы хоть малейшую тень на его близких. После третьего стаканчика Ной поднялся и заявил, что ему пора: полон дом больных, жена и трое ребятишек простудились, захворали.

— Ну, а ты что слышал, Фарли? — спросил Фримэн. — Сдается мне, от твоего глаза тут ничего не укроется.

— Я знаю не больше вашего, — отвечал Фарли. Это была правда.

Последние недели мы оба напряженно работали, из дома не показывались, ни с кем, кроме ближайших соседей, не общались. До нас, правда, долетали кой-какие слухи, но слухов здесь всегда полным-полно.

— Интересно, чего они все-таки хотят, из-за чего бросили работу? — поинтересовался Фарли.

— Эта забастовка абсолютно безоснователь-

на, — раздраженно бросила Барбара. — Они затеяли ее по глупости, из чистейшего упрямства.

— А зачинщики и смутьяны! Кучка горлопанов! — подхватил Фримэн.

— Это не ответ, — не отставал Фарли. — Чего они требуют? Повышения зарплаты? Укороченного рабочего дня? Оплаты праздничных дней? Пенсий? Чего?

Тут вмешался Виктор Мосс:

— Мне кажется, они хотят, чтоб к зарплате мужчин добавили доллар, а к зарплате женщин девяносто центов. И еще они добиваются права организовать свой профсоюз.

Фарли внимательно выслушал, потом сказал Фримэну:

— А почему бы вам не прибавить? Это решило бы проблему, и они возобновили бы работу.

Фримэн кинул на Фарли гневный взгляд родителя, взбешенного просьбой чада-подростка купить ему собственный автомобиль.

— Послушай, дружок, — начал он, с трудом сдерживаясь и прибегая к своему стандартному вежливому обращению, — о чем ты говоришь?! Им нельзя столько платить! Это же рыбный промысел, господи, ну как тебе объяснить... В этом году — улов, в будущем — пусто. Это же рыба, не деньги, рыба!

— Мы занимаемся рыбной торговлей из чистой любви к этому делу, — подхватила Барбара. — Оно ведь почти не приносит дохода.

Мы с Дугом Макэкерном обменялись взглядами. Виктор, опустив глаза, разглядывал ногти на руках. Поверить в то, что рыбный промысел не приносит дохода, было трудно.

— Ну хотя бы по девяносто центов, — не унимался Фарли, входя в роль коммерсанта. — По девяносто мужчинам, по восемьдесят женщинам. Хотя бы частично удовлетворить их требования.

Уверен, они на это пойдут.

— Нельзя! — гневно отрезал Фримэн. — Стоит раз уступить, как они потребуют еще и еще! И профсоюзу на моих заводах не бывать. Ни за что! Никогда! — бушевал он.

— Если завод окажется нерентабельным, — добавила Барбара, — придется его закрыть. Придется пойти на локаут. И перегнать траулеры сюда. И все из-за горстки каких-то бунтовщиков! А мы всегда относились к жителям Джерси с большой теплотой. Нам бы узнать, кто зачинщики, тогда бы... — Она бросила вопросительный взгляд на Дуга и тут же осеклась. — Ну да ладно, поговорим о чем-нибудь другом. Хватит нам и утренних событий. Скажи-ка, Фарли, как продвигается твоя книга, та, что ты писал всю зиму?

— Она, вообще говоря, как будто...

— Что, закончил? — прервала Барбара, направляясь в другую комнату, чтобы наполнить бокал Дуга.

— Слава богу, да! — выдохнул Фарли. Но его ответ услышали только Виктор с Дугом.

Оба принялись расспрашивать про книгу, обрадовавшись, что больше не придется выслушивать гневных хозяйских излияний по поводу забастовки. О чем книга? Когда ее можно прочесть? Как она называется?

Виктор с жадностью читал книги, Дуг же принялся за чтение, только оказавшись в Балине, до этого он ничего, кроме полицейских протоколов и журналов, не читал.

— Названия еще нет. Терпеть не могу их придумывать. Сам не знаю почему. Может, просто потому, что столько времени и сил убиваешь на этот дьявольский труд, и, когда уж книга написана, единственное желание — отправить ее поскорее к издателю и дело с концом! — сказал Фарли.

— Я предлагаю назвать ее "Фарли и волк", — оставила я.

— Нет, так нельзя, — покачал головой Фарли.

— А может, "Нам не страшен серый волк"? — предложил Дуг.

— Или «Мальчик, крикнувший: "Волки!"»? — подхватил Виктор.

— Нет, не то! В моей книге волк — персонаж положительный, — пояснил Фарли. — Веками волку приписывали всякие грехи, начиная от похищения младенцев и кончая истреблением оленьего поголовья. Я же пишу о нем правду. Вот о чем моя книга. Если, конечно, ее прочтут...

— Честное слово, Фарли, такая книжка всем понравится, — от души сказал Дуг. — У нас на родине, в Ванкувере, все любят читать про зверей.

— С книгами странная происходит история. Думаешь иной раз, что книга нарасхват пойдет, а на самом деле никто на нее и не глянет. Другую считаешь так себе, а ее, наоборот, расхватывают вовсю. Как гут угадать? — пожал плечами Фарли. — Пока рабочее название: "Кричи: волки!", хотя мой издатель предлагает: "Не кричи: волки!". Ну вот и останется либо то, либо другое.

— Что, Фарли, никак название не придумаешь? — спросила Барбара, снова появляясь в гостиной, уже с напитками, и успев подхватить кончик нашего разговора. — У нас те же заботы. Никак не придумаем названия новому судно-рефрижератору. Мы на сей счет прямо-таки бездари, правда, Фримэн?

Новое судно Фримэна, которому никак не могли подобрать имя, должно было в скором времени сойти со ступеней порта Пикту, находящегося в провинции Новая Шотландия. Но в заливе Святого Лаврентия пока еще стоял лед. Если

через пару недель не прибудет рефрижератор, очередная партия мороженой рыбы может не попасть к сроку на Бостонский рынок. А это означает большие потери для Дрейков. А старый рефрижератор "Боско", хоть и прошел последнюю государственную инспекцию, имел ход слишком тихий, да и вместимость не слишком большую.

Я напрягла свою фантазию. Дрейковские траулеры звались "Плавучий Дрейк", "Лесной Дрейк"; "Летучий Дрейк", а яхта — "Сэр Фрэнсис Дрейк". Хотя владельцам и было известно, что к знаменитому морскому волку и пирату из Девона они никакого отношения не имеют, все же им нравилось думать, что какая-нибудь, пусть отдаленная, пусть забытая, связь все же существует.

— Может, придумать еще что-нибудь с Дрейком? — предложила я.

— Мне кажется, мы уже выдохлись, — сказала Барбара.

— А как насчет "Мандрейка"?¹ — спросил Дуг. — Ну, знаете, этого, мичиганского...

— А если "Друг Дрейка"? — предложил Виктор.

— Или "Вперед, Дрейк!"/> — предложил Фарли.

Но Дрейки мотали головами.

— Ведь это судно-холодильник, — заметила я. — Значит, и в названии должно быть что-то холодное, ледяное. Можно назвать по имени известного ледника. Или горы-снежника. Скажем, "Пик Дрейка". Интересно, есть такой?

О подобном никто не слыхал.

¹Мандрейк — подофилл, "майское яблоко": встречающееся в США многолетнее травянистое растение со съедобными, желтоватыми, напоминающими яблоко, плодами, появляющимися в мае.

— Может, "Айсберг"? — сказал Фарли.

— Или "Монблан"? — сказал Виктор.

— "Монреаль"? — вставил Дуг.

— Постойте, — осенило меня. — А как вам — "Гора Сноудон"? Есть такая в Уэльсе. Звучит величественно и как-то... леденяще.

Сама я весьма смутно представляла, где именно находится эта гора Сноудон, просто вспомнила, что недавно супруга принцессы Маргарет удостоили титула лорда Сноудона, который, по всей вероятности, имел отношение к этой самой горе.

— А что, неплохо! — отозвался Виктор. Его жена была родом из Уэльса.

— "Гора Сноудон", "Гора Сноудон", — повторяла Барбара, примеряясь к названию. Назвать судно с намеком на аристократическое происхождение владельцев — такое ей не могло не понравиться. — "Гора Сноудон"... в самом деле неплохо! Как тебе, Фримэн, — "Гора Сноудон"?

Но Фримэну было решительно все равно, как назвать судно. Его мысли витали где-то далеко. Промычав что-то в ответ, он перебил наши дискуссии вопросом:

— А скажи-ка, Фарли, дружок, вот ты написал книжку, а что дальше? Пошлешь рукопись в Торонто, в Штаты, куда? Или, может, сам отправишься ее пристраивать? Какие у тебя планы?

Как странно: Фримэн вдруг решил проявить интерес к издательскому делу, раньше это его абсолютно не волновало.

— Один издатель у меня в Торонто, другой — в Бостоне, — сказал Фарли. — На днях думаю отправиться в Бостон. Обычно я встречаюсь с издателем раз в год. Он смотрит рукопись, мы обсуждаем планы на будущее, вот так... — Фарли пытался раскрыть перед Фримэном суть деликатной связи между автором и издателем.

— Ага! — в голосе Фримэна слышались довольные нотки. — А почему бы вам с Клер не отправиться в Бостон на нашем новом судне? На этом... как ты решила назвать его, Барбара?

— Скажем, "Гора Сноудон". Звучит вполне солидно.

— Так вот, на "Горе Сноудон". Если повезет с погодой, недели через две оно войдет в Бостон. Я отдам вам свою каюту, она вполне комфортабельна.

— Идея заманчивая, — произнес Фарли и в замешательстве посмотрел на меня. — Как ты считаешь, Клер?

— Блестящая! — одобрила я.

— Вот и хорошо! Значит, договорились, — заключил щедрый хозяин. — Будем ждать погоду. Когда судно придет, я дам знать.

Мы вышли от Дрейков вместе с Макэкерном и двинулись по дороге. В предвесеннюю распутицу идти по льду было опасно, пришлось направиться кружным путем, петлявшим через весь поселок. Снег перешел в холодный, леденящий дождь, больно коловший лицо.

— В кухне свет, Мардж уже дома, — сказал Дуг, когда мы поравнялись с полицейским участком. — Может, зайдете? Чайку поьем.

— Привет, привет! Заходите, сушитесь, — встретила нас Марджери, хлопотавшая на кухне. Она только что вернулась от соседки, которую учила вышивать. Марджери была мастерица орудовать иглой — большая редкость среди местных женщин. Возможно, способности к рукоделию перешли к Мардж от бабушки, у которой она росла. В Балине молодые женщины, как правило, ни вязать, ни шить, ни вышивать не умели. Отвергли за ненадобностью и старинные ремесла, и допотопные привычки старого уклада — скажем, скоблить ножом поверхность деревянного

стола, до блеска начищать кастрюли.

— Ну что? — спросила Марджери. Ей не терпелось узнать, зачем это мужа ни с того ни с сего пригласили в господский особняк.

— Ну и фрукт этот Дрейк... — пробурчал Дуг, набив рот шоколадным печеньем.

— Ты поедешь с ним в Джерси? — спросил Фарли.

— На кой шут мне туда ехать? Никакого резона в этом не вижу — разве что, не дай бог, какой-нибудь тамошний умник учинит драку или еще чего похуже. Хоть бы до этого не дошло! Тут тогда такое заварится... Придется звонить сержанту в Корнер-Брук, чтоб присылал самолетом подкрепление. Стало быть, силу в ход пускать, кровь проливать. Помню, в пятьдесят девятом рабочие с деревообрабатывающего в Бэджере начали забастовку, и нас туда погнали их усмирять. Уж я-то знаю, что бывает, когда полиция вмешивается в такие дела! Не приведи господь, хватит с меня этого. Вот так-то, сэр!

— Интересно, каким образом они на Джерси, в такой глуши, собираются профсоюз сколачивать? — спросила я, нарушив общее молчание.

— Да какой там к черту профсоюз! — вскинулся Дуг. — А вот вам, — он переменял тему, — можно сказать, повезло, отправитесь в Бостон на новеньком суденышке. Небось лучше, чем своим ходом, а?

— Еще бы! Здорово! Я так люблю морские путешествия!

— Ну а мне такой отдых сейчас — в самый раз, — сказал Фарли. — Несколько деньков полного безделья, гляди себе на чаеток, и все.

— А вы поняли, почему он вам эту поездку-то предложил? — спросил Дуг.

— Видно, думает, что я за это о нем напишу какую-нибудь книжку. "Железная воля — тесо-

вый баркас”, что-нибудь эдакое. Небось хочется ему свои промысловые достижения увековечить.

— Тебе бы, Фарл, все шутки шутить... Ну а если он надумал на время от тебя избавиться? Может, считает, что и ты каким-то образом в этих делах замешан, что это ты подначивал забастовщиков?

— Я подначивал? Да боже сохрани! Я же полгода из-за машинки не вставал!

— Так-то оно так, но он тебя все же опасается. Все гадает, с кем ты беседуешь да о чем. У него сейчас только от подозрений одних голова идет кругом. Да, ему, Фримэну этому, крепко насолили ребята с Джерси, отказавшись грузить его рыбку. Кабы он заранее узнал про забастовку, он бы свои траулеры загодя сюда пригнал, тихо и спокойно.

Дуг был совершенно не похож на телеэкранных полицейских, эдаких лихих молодцов, в любую минуту готовых двинуть в челюсть. Он изо всех сил старался предотвратить назревавшую беду. Сойдясь с ним покороче, мы все время поддразнивали его: дескать, повезло ему, курорт, а не работа, не то что у других полицейских. Чаще всего к Дугу обращались с жалобами по поводу собак: то чья-то собака покусала чьего-то ребенка, то чей-то ребенок избил чужую собаку. Иногда приходилось разнимать супругов. И уж совсем редко — урезонивать пьяниц.

Получив назначение в Балину, Дуг, прямо сказать, не слишком обрадовался: в такой глуши ему придется целых три года обходиться без полицейской машины. Однако очень скоро он обнаружил, что его новое назначение имеет свои преимущества. Прежде всего отпадет необходимость в воскресные дни ловить нарушителей дорожного движения или нетрезвых водителей. Не надо заниматься авариями, когда могут ока-

заться и раненые, и убитые. И еще: без машины Дуг в Балине меньше чем за год преспокойно сбросил чуть ли не шесть кило.

— Не хотел бы я дожить до того дня, как тут дорогу проложат и машины забегают, — признался он нам однажды. — Хуже нет, когда до машины дорвется тот, кто ничего в ней не смыслит. Вон, в нашем рабочем поселке, на материке: провели власти дорогу через горы, где раньше только узкоколейка шла. Наши и закупили себе машин. Ну и идиоты, ей-богу! Словно взбесились — все деньги, что на черный день откладывали, ухнули разом! В первый же год троих мужчин и девочку машиной сбило, а один парень руки лишился, так на всю жизнь и остался инвалидом. И это не в одной-единственной аварии, нет, а раз за разом... К скорости-то пока не привыкли... Да я на что хочешь ставлю, в Балине такой же психоз начнется. Дай-то бог к тому времени успеть подальше отсюда убраться.

— Сто раз успеешь! — сказал Фарли. — Чтоб эту дорогу протянуть через сотни миль болот да через горы, не один миллион долларов вложить придется!

— Как же, как же! Вон мистер Картер все твердит: проектирование полным ходом идет, — встала Марджери.

— От проектов и от посулов до дела знаете как далеко! — сказал Фарли. — Но я, ей-богу, не пойму, почему считается, что дорога облегчает людям жизнь, делает их счастливее? Даже самые современные дороги не очень-то облегчат путь отсюда на материк. В чем же тогда смысл? Уж лучше бы на эти средства дополнительные пароходы построили и пустили вдоль побережья.

— Знаешь, Фарл, тут в самих машинах дело, — после некоторого раздумья произнес Дуг. — Просто загорелось всем обзавестись машинами,

вот и все. А зачем, для чего, неважно.

— Вот именно, — кивнул Фарли. — Нового идола себе нашли — машину. Но как же его совместить с христианской моралью?

— У-у, Фарли, — поморщилась Марджери, — ты что-то не туда загнул! По-твоему, христианин не может приобрести автомобиль или стиральную машину, так, что ли?

— Да нет же, нет, — Фарли попытался пояснить свою мысль. — Вопрос в том, что перетянет. Либо победит духовный пастырь с его извечной мешаниной из заповедей и индульгенций, либо — техника с сопутствующим ей арсеналом новшеств и первойшей заповедью: изыщи средства, чтобы все оплатить. О том, что человечество сможет совместить и то и другое, по-моему, не может быть и речи...

— Ну почему же нет! — упорствовала Марджери.

— Скажем так, пока еще может, — уступил Фарли. — Хоть и рвется на части между тем и другим. Но растущая страсть к новому порождает охлаждение к старому. Далеко за примером не ходить — на нашем континенте выбор уже сделан. Почему, вы думаете, меня в эту глушь занесло? Да потому, что здесь еще не в ходу убеждение: чем больше бульдозеров, тем сказочней станет жизнь.

— У-ух! Как-то летом и я ворочал на бульдозере, — внезапно встрепенулся Дуг. — За год до армии. А что, неплохо! Сидишь, поглядываешь сверху вниз, шуруешь земельку. Клянусь, Фарл, многим, кому на бульдозере работать приходилось, это очень даже нравилось.

— Ладно, оставим бульдозеры! — отрезал Фарли, который никак не ожидал такой реакции от Дуга. — В здешних местах до сих пор большинство считает: чтобы хорошо жить, вовсе не надо стремиться все кругом менять! Ну неужели ж не

очевидно: у того, кто сам себе строит дом, ловит рыбу, растит картошку, держит корову, овец, кур, жизнь стабильней, чем у горожанина, хотя тот и зарабатывает тысячи долларов в месяц?

Дуг с Марджери замотали головами. С этим они никак не могли согласиться. Им было что рассказать о суровой жизни прошлых поколений, о патриархальном укладе.

— Послушай-ка, Фарли, — начала Марджери. — Если бы ты не зарабатывал деньги своими книгами, нашлось бы у тебя время писать? И стал бы ты писать? Писал бы ты, если б тебе приходилось доить коров, ловить рыбу, ходить за курами, не говоря уж о том, сколько пришлось бы перепрясть шерсти, чтоб к зиме связать себе теплые штанишки?

Тут Марджери подмигнула мне, и мы обе расхохотались, представив, как Фарли с сосредоточенным видом вяжет себе кальсоны.

— Ох уж эта железная женская логика! — сказал Фарли, весело смеясь. — Сдаюсь! Вязальщик из меня никудышный!

Мы расстались около полуночи. Дождь так и не прекратился. Фарли крикнул Дугу, стоявшему на пороге:

— Только не давай им впутать себя в махинации! Не то сделают своим придворным полицейским...

10

Меня разбудил громкий скрежет и лязг. Не сразу, лениво продираясь сквозь дрему, я сообразила, что эти звуки не сон. И вдруг ощутила, что проснулась, услышав свербящий звук, резкий, как визг тормозов, от которого все обры-

вается внутри. Только это не автомобиль, это корабль, и его трясет, как кита в лихорадке. Иллюминатор глядел на меня бледным, холодным ликом утра. Десять минут седьмого; в этот час поэтов тянет на стихи, но у меня иное жизненное устройство.

В иллюминаторе — море в льдинах, расколотых, полузатопленных. Судно уверенно прокладывает себе путь; гигантские, шириной с большой двор, плоские, как сковороды, неровные по краям льдины крушатся на черепки, будто фаянсовые тарелки. Занимался холодный рассвет. Точно раскрашенное детской рукой, небо на востоке покрыто сплошь золотистыми, розовыми и бирюзовыми полосами, они бросают на глыбы бесконечного льда причудливый, мягкий отблеск. Бодрые, не в пример мне, еще не вполне очнувшейся от сна, чайки оживленно галдели на плавучих льдинах, то одна, то другая взмывали в воздух, кружили над палубой, осыпая нас бранью за то, что нарушили их безмятежный утренний покой. Стадо полярных тюленей разлеглось на ледяном поддоне; они с любопытством вскидывали морды, потом один за другим скользили в ледяную пучину.

— Ничего вид, а? — спросил с верхней койки давно проснувшийся Фарли. Он, как и я, замороженно глядел на непривычный пейзаж. Я встала, подтянулась к нему, и мы оба с ребячьим восторгом уставились в иллюминатор.

Всего лишь восемь часов назад мы отплыли из Балины, там никакого льда не было. Фарли прикинул, что сейчас мы, должно быть, где-то к востоку от острова Кейп-Бретон и попали как раз в огромный ледосплав, который каждой весной несет из Лабрадорского моря к восточному побережью Канады.

В ноздри ударил запах жареного сала.

— Ну-ка, соня, быстренько одеваться! Завтрак здесь ранний. Не забывай, это тебе не "Королева Шизавета"! — сказал Фарли.

Вот именно. "Боско", выдавшая виды деревянная посуда, собственность Фримэна Дрейка, в свое время была переоборудована в холодильный траулер из военного тральщика. Официально объявленный к продаже старый траулер, пока не появилась ему замена, тащил потихоньку через ледовое поле груз мороженой рыбы в сто тысяч тонн. Новенькое судно "Гора Сноудон" застряло в таком же ледяном плену и в назначенный день в Балину не явилось.

В "хозяйской" каюте было тепло и удобно, хотя и без особого комфорта. Крохотная, скромная каютка, две койки, одна над другой, пара стульев, стол. Маленький умывальник с горячей и холодной водой. Туалет находился рядом, при большой душевой, общей для всех. Для Фарли это проблемы не составляло, не то что для меня. Если женщина на судне одна в окружении полутора десятка мужчин, ей приходится не очень-то легко. Отправившийся на разведку Фарли сообщил, что в гальюне две кабинки.

— Ну вот что, я без тебя не пойду, — сказала я, решив, что это единственный для меня выход. — Куда я денусь, если кто-нибудь из матросов зайдет? Так и буду там торчать как дура?

Истинный рыцарь, Фарли заверил меня, что будет стоять на страже.

В шесть сорок пять почти вся команда собралась в кают-компании и с аппетитом навалилась на завтрак. Кают-компанией служила тесная каюта; название "салон", выбитое на медной дверной дощечке, никак не подходило к ней. Посредине стоял длинный дощатый стол со скамьями. Мы протискивались за спинами матросов к центру скамьи вдоль стенки, где

оказались свободные места.

Капитан Вэнс Леблан сидел на стуле у торца стола.

— Доброе утро! — приветствовал он нас. — С хорошей погодой! Ешьте как следует, не то морская болезнь одолеет. Кок! Еще две порции! — крикнул он худощавому матросу, хлопотавшему на камбузе.

Целую ночь не смыкая глаз капитан стоял на мостике, проводя судно сквозь океанские льды, но все же был бодр и общителен. На вид ему около пятидесяти, не красавец, с редкими неопределенного цвета волосами. Он скорее походил, скажем, на управляющего банком, чем на человека, который вот уже больше двух десятков лет водит суда по суровым океанским водам. Ни он, ни команда форменных кителей не имели.

Появился кок, Сирил Оксфорд; судя по его обветренной физиономии, можно было заключить, что на камбузе он недавно. Кок бухнул перед нами две тарелки яичницы с беконом. Отсутствие навыков в поваренном искусстве и обслуживании полностью компенсировал его веселый нрав. На блюде посреди стола горкой вздымались остывшие гренки. Стол был уставлен горшочками и бутылочками: повидло, джем, соленые огурчики, паста для бутербродов, ореховое масло и горчица. В течение всего путешествия этот ассортимент оставался неизменным.

Прихлебывая из кружек чай, члены экипажа поглядывали на нас. Среди них были и молодые, и пожилые, но ни один не отвечал моему представлению о моряках. Откуда оно у меня взялось? Не из кино ли? А может, из школьных спектаклей? Здешняя команда была сплошь в нейлоновых рубашках и орлоновых свитерах и ничем не отличалась от сухопутной публики. Только у одного я разглядела на руке татуировку.

— Хороший денек! — сказал молодой матрос с прической "под Тарзана".

— Идем прямо как по маслу, — подхватил другой.

— Не сглазь, еще накличешь морскую болезнь, — сказал матрос постарше, с ухмылкой покосившись в мою сторону.

На Ньюфаундленде мужчины подтрунивают друг над другом на предмет женщин, а над женщинами — на предмет морской болезни. Если на судно попадает женщина из местных, то при малейшей качке она лежит в каюте на койке — мучается. Я же люблю морские путешествия, и при качке меня почти не мутит. Семь раз я пересекала Атлантику на океанском теплоходе. А сколько раз мы с Фарли бороздили воды на нашей шхуне! Но здесь-то к чему все это рассказывать? Пусть веселятся, коли охота.

В памяти застряли неизвестно откуда почерпнутые сведения, будто у моряков считается, что женщина и священник на корабле к несчастью. Должно быть, мои представления изрядно устарели, потому что здесь, на "Боско", никто ни разу не дал мне понять, что меня, как библейского Иону, ради удачного исхода путешествия следует отправить за борт. Напротив, экипажу даже как будто льстило, что на судне женщина. Они к такому не привыкли, поскольку женщин в команду не брали, к тому же морской устав практически исключал на рабочих судах присутствие иных пассажиров, кроме владельца и команды. Всем прочим, в случае несчастья, страховая компания компенсации не выплачивает. Чтобы узаконить свое присутствие на борту "Боско", нам с Фарли пришлось официально записаться матросами.

Завтрак кончился рано, в семь пятнадцать. И команда сразу же приступила к своим обязан-

ностям, а те, кто отстоял вахту, отправились отсыпаться. Для нас с Фарли день без дела тянулся бесконечно. Капитан Леблан приглашал нас заходить в любое время к нему на мостик. Повалявшись немного с книгой в каюте, мы воспользовались его приглашением.

Хоть траулер и небольшой, на капитанский мостик все равно поднимаешься с трепетом. Капитан и его подчиненные без слов вершат ритуал повседневных обязанностей. Несмотря на массу сложного оборудования, на необходимость следить за штурвалом, радарной установкой, судовым компасом и прочими премудростями морской навигации, на мостике царила удивительная тишина. Как в читальном зале, где говорят только шепотом и слышен лишь шелест страниц.

Члены команды приходили, уходили. Вот появился старший механик, присел с кружкой кофе на скамейку, не отрывая взгляда от льдов. Потом и кок Сирил, улучив момент между завтраком и обедом, молча постоял минут пять рядом с вахтенными.

Мне кажется, я могу теперь объяснить, почему моряки слышат знаменитыми рассказчиками всяких историй. Ведь они подолгу остаются наедине со своими мыслями. Почти все события на корабле связаны с ожиданием и подготовкой: и отплытие, и изменение курса, и швартовка, и маневрирование, чтобы не наткнуться на неизвестный плавучий предмет. У моряков больше времени на размышление, чем у других. Мы разделяли с командой ее молчаливую жизнь, завожженные сверканием льдин, протянувшихся до самого горизонта. Осторожно пробиваясь по узкому прогалу между льдами, "Боско" двигался вперед.

Единственное, что нарушало тишину на мости-

ке, — треск и щелчки судового радио. Но команда будто не замечала этих невнятных, бессвязных криков. Только тренированное ухо могло уловить смысл скороговорки, на которой вели перекличку суда. Я все пыталась понять, на каком это языке — по-норвежски? по-португальски? по-русски? А ведь чаще всего то был родной, английский. Капитан по большей части находился в штурманской рубке, в задней части мостика, отыскивая наиболее безопасный путь среди льдов. Часто справлялся по радио, желая уточнить размеры ледяного поля. Направление движения льдов меняется день ото дня, а бывает, и в течение суток — в зависимости от температуры и ветра. И в наши дни, чтоб провести судно во льдах, не допустив, чтобы льды сковали его, требуется изрядное мастерство шкипера, ну и, конечно, удача.

Сжимая в руке микрофон и бормоча что-то в ответ на какой-то дальний, ему одному понятный треск, капитан Леблан походил на птицу, отзывающуюся на призыв пернатого друга.

— "Боско" вызывает "Озеро Мейлпег"! "Боско" вызывает "Озеро Мейлпег"! Как слышишь, капитан? Прием.

Ответ звучал голосом дальних миров.

— "Боско"! "Боско"! Слышу хорошо, капитан. Прием.

— "Озеро Мейлпег"! "Озеро Мейлпег"! Слышал, как вы переговаривались с "Мысом Смоки". Точно! Мы во льдах. В двадцати милях от Галифакса. Идем льдом часов пять, тоньше вроде не становится. Прием.

— "Боско"! "Боско"! Да, дружище, влипли мы с тобой! Я из Шелберна. Льдины растут как на дрожжах. Прием.

— "Озеро Мейлпег"! "Озеро Мейлпег"! Капитан, кругом льды. Продвигаюсь с трудом. Как

думаешь, если к берегу повернуть, можно пробиться? Прием.

— "Боско"! "Боско"! Не советую, капитан! Тут везде лед, до самого Собольего мыса. Черта с два сквозь него пробьешься! Прием.

— "Озеро Мейлпег"! "Озеро Мейлпег"! Спасибо, капитан! Вас понял. Конец приема.

Смолкли выкрики капитана, прекратилось ответное бормотанье; на мостике снова воцарилась тишина. Судно продвигалось еле-еле. Распахнув дверцу, капитан вышел на малую палубу над краем рубки, мы последовали за ним. Капитан смотрел в бинокль, выискивая впереди хоть одно темное пятнышко, означавшее открытую воду. Но куда ни кинь взгляд, повсюду простиралась сплошная заволаживающая белизна. Дул холодный ветер, а апрельское солнышко, отражаясь от снега, жарко дышало в уши, приятно грело. Удивительное это было сочетание, зноя и холода, вспоминался торт с мороженым, на мгновение схваченный жаром духовки. Если долго не уходить с палубы, можно загореть, даже ослепнуть от снега.

Вспоминая эти дни, я не перестаю удивляться: никто из нас тогда не испытывал страха. Ведь немало судов гибло во льдах, немало погибало людей, но тогда мне такие мысли почему-то даже в голову не приходили. Возможно, сказалось спокойствие капитана и команды, которые держались по-деловому буднично; рядом с ними я не ощущала ни малейшего страха. Вот так солдаты идут в атаку, слепо веря своему генералу, который, возможно, далеко не всегда столь же основательно взвешивает возможность победы, как наш капитан Леблан — возможность преодоления льдов.

Капитан Леблан, уроженец острова Кейп-Бретон, с виду был молчалив и суров, но при более

тесном общении оказался человеком вполне компанейским. Ненадолго отлучившись в полдень с вахты, он пригласил нас к себе в каюту немного выпить перед обедом. Капитанская каюта располагалась сразу за штурманской рубкой и внешне напоминала нашу. В ящике письменного стола у капитана оказалась бутылка рома. На время отрешившись от своих забот, он с удовольствием болтал с нами. Расспрашивал с любопытством и все никак не мог взять в толк, с какой стати мы, двое сумасбродов с материка, поселились в далеком поселке на Ньюфаундленде. Он считал, что в здравом уме никто до такого не додумался бы.

— Когда война кончилась, — рассказывал про себя капитан, — я отправился из Галифакса на судне и лет пять проплавал. Кем только не служил. Должен сказать, в ту пору торговый флот у нас был первоклассный. На пятом месте в мире. Потом стали наши компании одна за другой закрываться. Перекупали. Ну а такому, как мне, у кого есть лицензия, чтоб плавать в иностранных водах, куда прикажете деваться? Можно было бы, конечно, отправиться работать и на янки, и на англичан, и на греков, но это значило Луизу с ребяташками с насиженного места сорвать, а мы с ней, ей-богу, кроме нашего Кейп-Бретона, нигде бы жить не смогли. Вот ведь натура какая: когда молод, вечно тянет поскорей из дома куда подальше. Будто надо весь мир объехать, чтобы понять, где она, твоя родина.

В морском ведомстве канадского управления путей сообщения имелся длинный список лиц, ожидавших работы; имя Вэнса Леблана тоже значилось в нем. Он надеялся получить постоянную работу на одном из паромов, курсировавших между Новой Шотландией и Ньюфаундлендом. При фирме "Мороженая рыба Балины" он ра-

ботал временно, по договору.

Обедать вместе с нами Вэнс не пошел. Ледовый покров стал толще, и капитан не отлучался со своего мостика. Еду ему на подносике принесли прямо туда.

На камбузе Сирил так же лихо, как и утром, поставил перед нами две полные тарелки. Оказалось, это треска — блюдо, вполне естественное на "Боско", если вспомнить, что судно везет сотни тонн этой рыбы. Гарниром служили картофельное пюре, отварная репа, морковь, капуста. Стандартный вариант "горячего" обеда. И так ежедневно, только вместо рыбы через день подавалась отварная солонина. Стоя у плиты, Сирил беспечно посвистывал, однообразие рациона мало его волновало.

Вторым механиком на "Боско" оказался только что нанятый на судно Оби Кендэл. Мы встретились как давние друзья. Оби уже отобедал, но налил себе еще кружку чаю, чтоб посидеть с нами. В подобном плаванье он оказался впервые и очень радовался, что после долгой зимы нашел таки себе работу. Наконец-то опыт матроса, накопленный на Великих Озерах, пригодился на родине и ему удалось устроиться на судно.

Мы съели по миске еще дымившегося пышного пудинга с изюмом. Сирил убрал посуду.

— Спасибо, Сирил! Очень вкусно, — похвалила я.

— У вас прямо на убой кормят! — подхватил Фарли.

— Еще бы не кормили! — отозвался Оби, понизив голос, чтоб Сирил не услышал. — Ведь мы за это платим!

— Как? Разве матросы платят за питание?

Оглянувшись по сторонам, Оби придвинулся поближе к нам.

— Не так, конечно, как где-нибудь в ресторане

или кафе... Но здесь, я вам скажу, подлое вымогательство получается. Понимаете, вышел новый закон, в Оттаве его придумали, он определяет минимум жалованья канадским матросам, что в заграничный рейс ходят. Нашей команде надо платить согласно этому закону минимум три сотни в месяц.

— А сколько вам платят?

— Двести десять.

— А девяносто куда идут?

— Вычитают за постой и еду.

— Так почему же никто не объяснит этим профсоюзам, что их надувают! Почему, например, вы, Оби, им не объясните?

Оби еще понизил голос:

— Черт меня дери, да не могу я! Вышвырнут с работы как паршивого кобеля с лестницы! Ну и что изменится? Ничего! Не желаешь — скатертью дорога. А вы сами знаете, как теперь с работой на Ньюфаундленде...

— Ты слыхал, Оби, про забастовку на Джерси? — спросила я. — У них же нет профсоюза! Как они продержатся?

— Их дело труба, хозяйка! Найдут Дрейки зачинщиков, выгонят вон, а остальные и думать забудут про забастовку, снова за работу примутся. И вернется все на круги своя...

Оби пошел спать, через три часа ему заступать на вахту. Нам с Фарли делать было нечего, и мы решили совершить экскурсию на камбуз — крохотный, весь окутанный паром. Сирил с важностью принялся все нам показывать. Вот массивная кухонная плита с металлическим бортиком по краю — чтоб во время качки кастрюли не падали. Позади плиты что-то типа кладовки, где хранились бочка с солониной, огромный куль с картошкой и корзина со всякими овощами. Еще там стоял большой ларь с мукой, которую Сирил

черпал совком, намереваясь печь хлеб. Сказал, что за раз приходится печь по двенадцати хлебов; муки на них шло в три раза больше, чем я смогла бы унести.

Кроме сгущенного молока и консервированных фруктов, вся остальная пища готовилась коком. Хоть его блюда вряд ли рекламировались бы журналом "Гурман", все же еда готовилась не из концентратов.

— Вы, сэр, должны как будто моего брата знать, — сказал Сирил, обращаясь к Фарли. — Пройшей осенью он к вам навевывался, дом помогал достраивать.

— Ваш брат Фрэнк?

— Точно так, сэр. — Сирил улыбнулся, обрадованный, что отношения налаживаются.

— И вы тоже живете в Гавани Уилфреда?

— Все мы там, сэр, живем! Всем скопом. До конца лета разбредаемся, кто какую работу находит. Приезжаю по весне в Балину с первым пароходом — гляжу, кок им на судно требуется. Ну и подумал, чем я не кок, если взяться...

— А вдруг у вас в гавани завод прикроют, куда вы все тогда денетесь?

— Этим летом я со всем семейством в Балину переезжаю. На переезд дадут ссуду — сотен семь. Джоб Хэнн продал мне участок позади своего дома. Надо только наш домик поставить на поплавки да перегнать по воде к новому месту. Дай бог, чтоб только с погодой повезло.

Я знала дом Джоба Хэнна. Он стоит так, что его отовсюду видно: на уступе высокой скалы, да еще в ярко-красный цвет выкрашен. Но вокруг — одни болота и озерца. Даже немислимо представить, что на такой почве можно что-нибудь построить. Все покосится неминуемо, как Пизанская башня. Но Сирил не унывал. Уж если он за одну ночь на кока выучился, ничего не стоит из-

довчиться и поставить дом прямо посреди трясина, протаскив его за три десятка миль по волнам.

— Да-а, планы грандиозные! — сказал Фарли.

— Желаю вам удачи в Балине! — подхватила я.

— Это точно, хозяйка, нам сейчас поднатужиться придется! Молодежи образование дать нужно? Нужно! У меня вон парней полон дом. Их ведь жить, как мы живем, не заставишь. Да вот беда, в наших местах учителей нету. Только приедет какой-нибудь, глядишь — его уж и след простыл, а где же другого-то взять? Или еще вот — электричество, вода, канализационка. Тут один городской приезжал, говорит, ничего, мол, этого в Гавани Уилфреда не будет, потому как одни камни кругом. А моя благоверная переезжать — ни в какую! Не знаю, говорит, я там никого, в Балине. И папаша мой — он с нами живет — никак не скажешь, чтоб с душой собирался. Уж за семьдесят, а как огурчик! Всю жизнь рыбачил, ага, ничего, кроме этого, не знал.

— Ну вот он в Балине и будет рыбачить! — встала я тоном мудрой доброжелательницы.

— Наверяд ли, — ответил Сирил. — За участком Джоба Хэнна некуда и мостки-то поставить. Да и места нам чужие, не знаешь, куда рыба идет.

В рыбачьем деле, как в фермерском: у каждого своя территория. Там, где рыбачит сосед, другой рыбу ловить не станет, если только между ними не идет тайная война. Сирил, в отличие от меня, понимал, что в Балине и отец его будет не ко двору, и жене не с кем словом перемолвиться, да и сам он обречен всю жизнь гнуть спину на фирму "Мороженая рыба Балины". И все же ему хотелось верить, что его дети при помощи неведомой силы, имя которой образованность, перенесутся в благополучный новый мир, откуда не бегут учителя и где сияет электричество.

За ночь ветер переменился. Капитан сменил

курс. Повернув с востока на юг, мы увернулись от потока арктических льдов длиной в сотни километров. К утру нас снова качало на волнах, а вместо скрежета и хруста льдин нас сопровождал шум ветра.

С распорядком дня на судне мы свыклись легко, и меня не мучило нетерпеливое желание поскорее доплыть. Когда на пятое утро пути я проснулась под хриплые крики чаек и поняла, что мы входим в большую гавань, я даже не слишком обрадовалась. В иллюминаторе виднелось длинное деревянное строение, где помещалась контора рыбной торговли.

За строением открывался пейзаж, от которого я уже отвыкла. Это были деревья, раскидистые лиственные деревья, покрытые первыми нежными желто-зелеными весенними листочками. Уже полгода я не видала больших деревьев. Я привыкла к тому, что их нет. А сейчас, увидав снова, обрадовалась им как старым знакомым.

Рыботорговый склад портового городка Глостер штата Массачусетс представлял собой убогое сооружение, каких полным-полно и на Ньюфаундленде, но вид деревьев как бы скрадывал его неприглядность. Деревья облагораживали весь пейзаж. Мне уж полюбился суровый берег, который мы недавно покинули, но все же я не в силах была оторвать взгляд от зеленой листвы.

День выдался теплый, безветренный, матросы высыпали на палубу в летних рубашках. В "салоне" Сирил потчевал нас прощальным завтраком, а чиновник американской таможни, попивая кофе, проверял по списку состав команды, просматривал множество всяких бумаг, прилагавшихся к нашему грузу. Казалось, этому высокому, невозмутимому таможеннику такая работа по душе. Не то что без сна и устали отлавливать контрабандистов и торговцев наркотика-

ми в каком-нибудь переполненном туристами городке. Весеннее утро в Глостере прекрасно, ну как не попить в начале дня кофейку в обществе любезного капитана канадского торгового судна?

В камбузе появилось еще одно новое лицо — агент рыбной компании, уроженец Ньюфаундленда, уже лет двадцать живущий в Массачусетсе, но по сей день не пропускавший ни одного судна с родины. Он охотно поведал мне, куда теперь отправят наш груз. Сегодня же подадут машины-рефрижераторы, и к вечеру наша рыба отправится в Чикаго. А оттуда ее развезут в штаты Среднего Запада — Висконсин, Миннесоту, Айову.

— На Средний Запад пойдет. Самый крупный сбыт. Там канадцев много. К концу недели много рыбы раскупается.

Интересно, думала я, хоть раз подумает ли кто-нибудь в этих далеких штатах, бросая на сковородку кусок филе, о людях, которые эту рыбу ловили, потрошили, паковали, которые, уж это мне хорошо известно, рискуя жизнью, доставляли ее сюда сквозь льды? Как редко приходится нам думать о том, до чего же нелегко дается производство и доставка продуктов, которые подаются к нам на стол. Чего проще, казалось бы, — сунулся в холодильник и взял что надо. Разве мелькнет при этом мысль о затраченном человеческом труде?

На пристани нас встречал Питер Дэвисон, редактор Фарли. Мы забросили свои чемоданы в багажник его "вольво", помахали на прощанье команде и покатали в Бостон. И снова забытое ощущение — скорость. Больше полугода я не ездила в машине, и езда со скоростью каких-нибудь шестидесяти миль в час показалась мне чуть ли не бешеной гонкой в спортивной машине. Даже появилось ощущение страха. Фарли признавался

потом, что и с ним происходило то же. И хоть я старалась об этом не говорить, но мне не меньше недели потребовалось, чтобы вновь свыкнуться со светофорами, с пешеходными дорожками, с метро и ездой в автомобиле.

И еще в центре Бостона меня ошарашивала толпа — море незнакомых, по-городскому одетых людей, которые меня знать не знали, которые со мной даже кивком не здоровались, которые не интересовались, что я думаю о погоде. Как мало потребовалось мне времени, чтобы привыкнуть к жизни в Балине! Заглянув в бостонский универмаг, я чувствовала, как глаза разбегаются от разнообразия товаров; я поняла, что теряюсь, не могу выбрать нужное. В Балине купить можно было только самое необходимое, самая обычная покупка доставляла радость — скажем, попадутся носки нужного размера, или не слишком безвкусная материя на занавески, или молотый кофе взамен растворимого. В Бостоне обилие всевозможных товаров ошеломило меня, словно жительницу далекого глухого края. А ведь я и сама раньше жила в городе, только тогда все не так бросалось в глаза. Только побывав в глуши, где почти ничего нет, я стала теперь дивиться здешнему изобилию.

И все же очень приятно было вновь встретиться с людьми общих интересов, их так не хватало нам в Балине. Мы поселились в двух шагах от Гарвардского университета, в прелестном старом домике у Дэвисонов. Во дворе перед домом цвела магнолия. Наши хозяйева и их гости обсуждали литературные, издательские дела, говорили о писателях, обменивались новостями: у кого книги хорошо расходятся, кто удостоен литературной премии, у кого сменился издатель, кто из знакомых расстался с женой. Это была совсем иная среда общения, без нее мы тоже не могли

существовать, но как далека она, оказывается, от нашей жизни в Балине!

Но не прошло и месяца, как мы снова, соскучившись, отправлялись обратно — на сей раз уже не на борту "Боско", он простоял в Глостере всего двое суток. Из Бостона мы вылетели на самолете "Эр Канада Вайкаунт" в Галифакс, столицу Новой Шотландии. А через несколько часов другим самолетом перелетели в Сидни, город той же провинции. Затем пятнадцать миль проехали на такси в Порт-Сидни. Там мы прождали несколько часов отправления ночного парома, который должен был перевезти нас на Ньюфаундленд, в Порт-о-Баск. И когда в субботу утром мы вышли на холодный, несмотря на май, берег, зелени там не оказалось и в помине, озера были подернуты льдом, и нам пришлось еще целые сутки ждать ходившего раз в неделю пароходика, который отвез нас назад, в голую бухту, где стоял наш дом.

11

К нашему возвращению стихийная забастовка, вспыхнувшая в ближайшем от нас поселке на острове Джерси, сошла на нет. Все кончилось так, как и предсказывал Оби Кендэл: испугавшись, что завод закроют, почти все забастовщики поспешили вернуться на рабочие места.

В тот год в Америке на Великих Озерах работало как никогда много молодежи из Балины и с острова Джерси. Весной все вернулись, и уж тут нашлось что порассказать, о чем порасспросить. Отчего на Ньюфаундленде заработки гораздо ниже, чем в Онтарио? Почему бы рабочим заводов и рыбакам не объединиться, чтобы найти выход из такого возмутительного положения? Ответы

еще не вызрели, но вопросы все продолжали возникать.

Тем временем в Оттаве пришел к власти новый кабинет. В результате выборов 1963 года либералы одержали победу над консерваторами, и премьер-министром стал Лестер Пирсон. И хоть давно обещанного телевидения в Балине не появилось, до нас дошло другое чудо технического прогресса.

— Телефоны будут, — важно объявил Эзра Роуз, выкладывая на наш кухонный столик дар из своего утреннего улова — здоровенную треску. — Точь-в-точь как в городах на материке. Приставишь к уху — и говори с кем хочешь из соседей. Что нам, понимаешь, Порт-о-Баск, мы теперь сами с усами! На почте бумажка висит. Кто хочет телефон, записывайся.

— А вы-то сами? — спросила я.

— Мне он на что? Захочет кто ко мне, сам придет, на кухне посидим, поболтаем. Да и старуха моя телефона боится. Так, говорит, и жди от него дурных вестей.

— Я ее понимаю... Сами никак не решимся.

— Весть придет, двух других жди, — с убежденностью наставлял Эзра, — а из тех двух одна непременно дурная. Вон на прошлой неделе соседке сказали, дескать, брат ее едет домой из бостонских штатов. И тут же следом новая весть: старшая дочка ее сестры парнишку родила. А за ними третья — брат, мол, у нее преставился. Вот я и говорю: заведешь телефон — дурных вестей не оберешься. Вполне я без него обойдусь.

До сих пор единственной непосредственной связью с миром, доступной ежедневно до шести вечера, кроме воскресенья, был телеграф. В конце недели я, задержавшись возле почтового отделения, прочла объявление Государственной Канадской корпорации "Телеграф и телефон",

вносившее перемены в здешний накатанный образ жизни. Вначале намечалось телефонировать Балину, а затем обеспечить ее ультракоротковолновой связью со всеми провинциями Канады, а возможно, и с другими странами.

И хотя ежемесячная плата устанавливалась небольшая, всего три доллара пятьдесят центов, все же записываться на эту новинку люди не спешили. К объявлению был подколот чистый бланк, чтобы желающие могли вписать свои фамилии. Записалось пока только пятеро — Фримэн Дрейк, доктор Биллингс, местный полицейский участок, начальник пристани Доллимаунт и самые зажиточные торговцы, братья Хэнн.

Мы же с Фарли польстились на эту деревушку именно потому, что здесь можно жить без шума, без телефонных звонков. Хотя, понятно, с телефоном намного удобней. Отыскать кого-нибудь из ребят, чтобы передать записку днем, в школьные часы, или с наступлением темноты было почти невысказано. При наличии телефона, если потребуется связаться с другим городом, не нужно сочинять длинные телеграммы, отрывая от работы драгоценные минуты. Да и редакторскую правку в корректуре не очень-то удобно согласовывать посредством телеграфа.

Против старой привычки трудно устоять. Чуть не месяц проведя в сомнениях, мы все-таки сдались — поставили свою фамилию в списке. Когда список желающих составил необходимый минимум, на пароходе в Балину прибыла бригада монтеров. Сперва они разузнавали у местных, как куда пройти, потом лезли на самый верх хлипких телеграфных столбов и натягивали провода. Из Гарднера, откуда они прибыли, пути до нас было двое суток —

сначала поездом, потом пароходом. В нашу глухомань мастера отправились, как на каторгу.

— А тут кто-нибудь останется, чтоб отремонтировать и устанавливать у нас аппараты? — спросила я угрюмого парня, явившегося к нам поставить телефон.

— Никто. Не надейтесь. Отработаем и первым же пароходом умотаем. Мне хозяин не указ! — с вызовом ответил он.

— Так что же, у нас не останется ни одного телефониста?

— Угу!

— А как же быть, если поломка или если в шторм повредит проводку, да мало ли еще что! Неужто компании не известно, какие здесь бушуют бури?

— Откуда им знать! — равнодушно отозвался парень. И добавил: — В Гермитедже мастер есть. Можете вызвать, если понадобится.

— Но ведь от нас до Гермитеджа пароход идет всего раз в неделю! Значит, целую неделю ждать, пока телефон заработает?

Парень сердито посмотрел на меня. Да как она смеет, эта наглая баба, предъявлять какие-то претензии, когда и телефон-то еще даже не подключен! Помолчала бы да спасибо сказала, что поставили! Он ведь не жалуется, хоть уж три недели как вкалывает в этой чертовой дыре, ютится в одной комнатухе на троих у какой-то миссис Парсон — сама бы попробовала, какой отравой их кормит эта самая Парсон! Нет, лезет со своими фокусами: телефон еще не поставили, а она уж дрожит, что сломается!

— Все, порядок! — объявил телефонист, всовывая бумажку с нашим номером в круглый экранчик посреди диска. — Ваш номер 3111, к вам будут звонить — три долгих, два коротких.

— Это что же, спаренный телефон? Мы заказывали отдельный! — возмутилась я.

— На этом конце поселка отдельных номеров не запланировано, — отрезал он.

— Но почему?

— Клиентов мало. Сюда только одну линию провели.

— И сколько же на ней абонентов?

Телефонист вздохнул, полистал записную книжку.

— Восемь! — бросил он сквозь зубы. — Вы девятые будете!

Перед уходом он оставил мне личный "список абонентов", отпечатанный на ротапринте: фамилии и номера телефонов.

Я не знала, как подступиться к Фарли с новостью насчет коллективного телефона. Ведь аппарат будет трезвонить с утра до вечера, и трубку снимать придется то и дело! Не прошло и получаса после ухода телефониста, как раздался звонок.

— Клара, это ты?

— Я.

— Это кто говорит? Клара?

— Да, да, это я. Кто это?

— Лапушка, правда ты?

— Да я же, я! Клер Моуэт. Кто говорит?

— Фу-ты ну-ты! Надо же, я здесь, а ты там, в Собачьей Бухте! Здорово, правда?

Только теперь я узнала голос Минни Джозеф. Могла бы и раньше догадаться — только она да еще две-три женщины научились кое-как выговаривать мое имя. Но, испытывая новую диковинку, Минни еще не усвоила, что при этом надо называть себя. Ведь до сих пор она разговаривала, видя перед собой собеседника.

— Я и не знала, Минни, что у тебя тоже телефон. Это хорошо, — проговорила я, силясь придумать,

что бы еще такое сказать.

— Ой, лапушка! Здорово-то как! Это все Ной. Мистеру Дрейку телефон нужен, чтоб мог позвать, когда потребуется. А уж как дети рады! Целый день от телефона не отходят, с Пойнтингами переговариваются. Такой тарарам устроили! Пришлось под конец их из дома погнать. Ну все, лапушка, побежала! Пора чайник ставить.

Я положила трубку с обреченным чувством. Кто бы мог подумать, что и Пойнтинги поставят себе телефон! С соседями они почти не общались, и денег у них с гулькин нос. Я считала, что в этом доме телефон появится в последнюю очередь.

Нынешней весной Гарлэнду Пойнтингу удалось пристроиться подсобником на ловлю омаров. В тот год цены на них фантастически подскочили, а за зиму кое-кто из рыбаков изготовил специальные сети. Чаще всего омаров ловили по двое, и, нанявшись к двоюродному брату его жены Розы, у которого была лодка, Гарлэнд обеспечил себя работой на два месяца, а то и больше. Этого срока было достаточно, чтобы рассчитывать потом на пособие по безработице. Однако на самого братца, Мануэля Тибо, особо положиться нельзя. Он выпивал. Не только как принято, на свадьбах; стоило добыть бутылку, он мог выпить ее прямо в лодке посреди не слишком спокойного моря. Все об этом знали и старались Мануэля не угощать, потому что тот не успокоится, пока не опорожнит бутылку.

Началось с того, что часа в три ночи нас разбудило дребезжание телефона; мы решили, что у кого-то из соседей стряслась беда. Фарли чертыхнулся по поводу дьявольского изобретения Белла, и мы снова заснули.

На третью после этого звонка ночь под утро нас снова разбудило позвякивание; Фарли, вско-

чив с постели, схватил трубку — разобраться, что случилось.

— Не-е, дружок! — услышал он. — Ни единого омара не возьмешь.

— Куда они денутся! Гляди, тишь какая.

— Ни одного, не-е...

— Возьмем! Навалом будет!

— Не, не будет...

Фарли бросил трубку и, бормоча ругательства, кинулся в постель.

— Это сукин сын Гарлэнд звонит сукину сыну Мануэлю! Спор затеяли, идти или не идти утром рыбачить! Нет, ты только подумай! Спокон веку здешние рыбаки чуть свет, никого не тревожа, встают и сразу в море, и вот на тебе, теперь они начинают будить весь поселок, чтоб все слушали их телефонные разговоры!

— Что им в такой час обсуждать? — сонно пробормотала я.

— Судя по всему, Мануэль снова набрался и идти в море ему неохота. А Гарлэнд — тот готов: утро тихое, спокойное. Но одному-то выходить в море нельзя! Вот, черт побери, невезуха! Попасть на один кабель с пропойцей! Да что они, не соображают, что ли, всех кругом перебудили!

— Значит, не соображают... — буркнула я, засыпая.

Но, как оказалось, не только Гарлэнд с Мануэлем завели моду перезваниваться по ночам. Это просто непостижимо: люди, которые всю жизнь опасались тревожить соседей, теперь принялись названивать по телефону, совершенно позабыв, что в поселке все спят!

Технический прогресс ударил по старым привычкам. Днем дети, которые частенько торчали у меня в кухне словно в рот воды набрав, без конца звонили друг другу, путали номера, смеялись, перешептывались, кричали, а неред-

ко просто дышали в трубку, не зная, как поддерживать разговор.

Мамаши их не останавливали. Дети здесь воспитывались сами по себе. Родители призывали их к порядку только из соображений предосторожности — чтоб они, расшалившись, не скатились в море и чтоб не слонялись без дела, ибо безделье считалось здесь самым страшным пороком. Но телефон, по мнению взрослых, особой опасности не представлял, он забавлял матерей и отцов так же, как и детей.

Если, случалось, попадали не туда, дети, несколько не смущаясь, продолжали разговор.

— Это кто? — звучал вопрос, если, услышав мое "алло", меня не признавали.

— Миссис Моут.

— Миз Моут? Миз Моут из Собачьей Бухты?

— Да.

— Как это? Ведь я набираю Эмми Барнс! — восклицала моя собеседница с таким изумлением, будто просто мимоходом заглянула к соседям и обнаружила там других жильцов. — А погодка-то прямо ужас! Правда, миз Моут?

— Ужас, дожди и дожди!

— Прямо белье невозможно вывесить.

— Вот именно.

— Уж хватит бы лить, сколько можно!

— Да, сколько можно!

Мало-помалу увлечение телефоном стало угасать, неумолчный трезвон прекратился. Но, как ни странно, ничто из привычной мне с детства лексики телефонных переговоров не привилось в Балине.

Когда я, позвонив Джозефам, спросила: "Простите, Минни дома?", кто-то из детей ответил: "Дома".

Ответил и молчит. Слушает. Пришлось мне объяснить, зачем звоню:

— Нельзя ли ее к телефону?

Ной и Минни разводили кур, а я покупала у них яйца. По телефону проще всего было справиться, сможет ли Минни выделить мне дюжину. Яйца в Балине считались роскошью. И хоть мы до одури объедались омарами и семгой, самая простая, самая привычная для нас еда — яйца слыли здесь дорогим деликатесом. Они продавались в любой лавке, но привозили их из Новой Шотландии, и они отдавали какой-то химией, как всякие яйца, купленные в гастрономе и обработанные для длительного хранения. Как покупатели мы устраивали Минни, потому что не только могли себе позволить купить свежие яйца, но еще и оплатить доставку. Так как корм для домашней птицы приходилось завозить сюда пароходом, цена на свежие яйца была вдвое выше, чем на магазинные. Яйца покупателям доставляли дети. Развозя воду или разнося яйца по домам, детишки Джозефа всегда находились при деле и вносили свою лепту в трудовую жизнь семьи.

Те, кто вначале не собирался обзаводиться телефоном, теперь стали требовать, чтоб им тоже поставили его. Сперва эти скептики с недоверием косились на новую штукювину и не верили в ее возможности, но очень скоро они почувствовали себя обойденными. Дэн Куэйл-младший, человек прижимистый, поначалу решил, что телефон ему ни к чему. В доме полно детишек — четверо здоровых ребят, — кому как не им помогать отцу-матери, к примеру, записки разносить. Однако со временем до него дошло, что есть, оказывается, одно хлопотное дело, в котором телефон ему бы совсем не повредил, а именно: еженедельное субботнее ночное дежурство в ожидании парохода с товарами и провизией.

Пытаться предсказать, когда именно появится пароходик в Балине, все равно что играть в тотализатор на скачках. Вечно что-нибудь непредвиденное. То шторм, то туман, то снежная буря, то груз избыточный, то вынужденные остановки, чтоб высадить пассажиров, — непредвиденных обстоятельств множество, и они играли с расписанием злые шутки. А то вдруг придет корабль раньше времени и всех застанет врасплох. Это случалось тогда, когда из-за прилива или шквального ветра заходить в мелкие гавани становилось опасно. И вот, промахивая мимо небольших поселков, пароход напрямик шел в Балину. Иногда начальник пристани получает уведомление об изменениях в расписании, но обычно, даже при наличии телефона, его не предупреждают. И все же Дэн смекнул: если у него появится возможность позвонить Билли и справиться про пароход и если при этом Билли будет располагать какими-нибудь сведениями, можно уйму времени сэкономить, не мотаться зря на пристань, не ждать без толку.

Но пока он до этого не додумался, Дэну каждую неделю приходилось стоически предаваться игре в "угадайку", поскольку он жил по принципу: не учите меня, сам знаю. Шесть дней с утра до вечера он торговал в своей лавчонке, часто задерживаясь допоздна, а каждую субботу всю ночь напролет ждал парохода с грузом — если не штормило, в лодке, а зимой — в нанятом грузовичке или на подводе.

Как только у нас поставили аппарат, по субботним вечерам к нам повадился Дэн — обзванивал соседей, разузнать, кто что слышал про очередные выкрутасы с расписанием.

Он часто рассказывал, каково живет ему, владельцу маленького, но доходного магазинчика. Сбыть товар здесь особого труда не составля-

ло, а вот доставить его было намного труднее. Немало неприятностей владельцу магазина причинял товар, пострадавший при доставке, — помятые банки, разорванная упаковка, битые яблоки, сгнившая картошка. Возвращать все это покупщику в Порт-о-Баск не так-то просто: нужно до пристани довести груз в лодке, самому погрузить на пароход, который идет в западном направлении, а узнать, когда именно пароходик придет, нельзя, приходится ждать два-три дня после отхода судна на восток. Игра не стоила свеч, тем более что замена испорченного товара часто доставлялась не раньше чем через полгода. Поэтому обычно Дэн старался перебрать некондиционные товары и быстренько распродать по сниженной цене в надежде не слишком прогадать.

Магазинчиком он владел уже больше десятка лет. В молодости Дэн уезжал в Канаду на заработки — на Никерсонс, огромный рыбозавод в Порт-Сидни.

— Там наших полно постоянно работало. А в те годы, чтоб устроиться на работу, бумаги надо было иметь. Мы послали запрос, чтоб нам их оформили. Вот бумаги приходят, весной это было, грузимся мы на корабль. Тогда, в сорок восьмом, прямо чуть не все местные подались на материк работу искать. Корабль назывался "Пролив Кабота": только восемьдесят пассажиров мог увезти, а наших набралось сотни три. Набились как сельди в бочку, и сам я поставил чемодан на чемодан и сверху улегся. Дошли до Порт-о-Баска, а там пришлось четверо, а то и пятеро суток парома в Кейп-Бретон дожидаться. Не хотели всех нас толпой запускать в Канаду. Ну а тех, кто без бумаг, завернули, пришлось им домой возвращаться. Да какая там жизнь! Поработал я с год, пораскинул мозгами: народу в Собачьей Бухте не так уж мало, почему бы мне

там лавочку не открыть, прежний-то лавочник Ледрю в ту пору от нас насовсем уехал. Первые два года — доходов никаких, едва продержался. Ну на третий год уж стал и на жизнь зарабатывать.

Магазин приносил неплохой доход. Фарли помогал Дэну составлять налоговую декларацию, потому-то мы и были в курсе: за прошлый год доход Дэна составил тысячи четыре, по тем временам вдвое выше годового заработка рыбака или рабочего.

Билли Доллимаунт, начальник пристани, позвонил поздно, в одиннадцать, сообщил, что пароход выходит из Гранд-Анса и, по-видимому, прибудет к нам через пару часов. Всех обрадовало это известие. Дэн сразу прикинул, когда именно ему надо выезжать к пристани, а мы могли преспокойно улечься спать.

Нырнув под одеяла и тесно прижавшись друг к дружке, чтобы согреться, мы услышали далекий, прозвучавший несколько раз звук "туманной сирены" с Тюленьего острова.

Стоял июнь, месяц сплошных туманов. А от тумана добра не жди. Это не дождь — грядки не польет, колодца не наполнит. Это не лед и не снег — не поскользишь, не покатаешься. Для тех, кто в море, туман — гибель.

И все же хоть одна польза от него да есть. Цветные фотографии, сделанные при таком тумане, получаются сказочной красоты. Видно, только фотографов да поэтов туман может вдохновить... Но для Дэна отправляться одному в холодную, туманную ночь в стрекочущей моторке к скользкому причалу радости мало. Нет, нелегко достаются ему четыре тысячи в год...

В том же году мы завершили благоустройство дома. Почти через год к нам снова пожаловал "приходящий" плотник Фрэнк Оксфорд. Он довел до кондиции кабинет Фарли, вдобавок сделал пристройку к нашей маленькой, уютной гостиной, увеличив ее почти вдвое, и прорубил большое окно, выходящее на море. Гостиную невозможно было узнать, оттуда открывался теперь великолепный вид. Комната с видом на море считалась здесь роскошью, такие комнаты были только в домах приезжих.

Жители поселка, если им случалось выбирать, в какую сторону прорубить окна, обычно предпочитали, чтобы окна выходили на главную дорогу — надо же быть в курсе всех местных событий. Только приезжие способны были наслаждаться картиной штормового Атлантического океана.

С Фрэнком — во всяком случае, в роли плотника — нам встретиться больше не пришлось: когда Гавань Уилфреда официально закрыли, Фрэнк с семьей перебрался в Порт-о-Баск, поближе к парому, курсирующему в Новую Шотландию. Туда в скором времени должен был отправиться его сын в специальную школу для слепых в Галифакс. А Фрэнк устроился сторожем при местном отделении банка.

В Канаде и в Соединенных Штатах книгу Фарли "Не кричи: волки!" приняли весьма сдержанно. Однако он вскоре с головой окунулся в новую работу — задумал историческую книгу об освоении канадского Заполярья. Он читал подшивки журналов и дневники путешественников, осваивавших Север в XVIII и XIX веках. Эти книги он выписывал по межбиблиотечному абонементу из библиотеки Гостлинга в Сент-Джонсе, причем за их пересылку с Фарли не брали ни

цента и ни одной книги не затеряли, не испортили и не задержали в пути. В 1964 году канадская почта работала четко, как часы.

По понедельникам, когда я получала нашу почту, а вместе с ней и эти книги, я обычно задерживалась, чтобы поболтать с Перси Ходдиноттом, которого ужасно интересовала наша необычная почта.

— Бог ты мой, ну и чудеса! — воскликнул он, когда я показала ему письмо Фарли в ленинградский Арктический институт. — Тридцать пять лет работаю на почте — и за все время это первое письмо, которое я пошлю в Россию!

Он не отпускал меня до тех пор, пока не достал свой справочник и не описал мне весь маршрут нашего письма: сначала оно пойдет в Лондон, потом в Хельсинки, а уж оттуда в Советский Союз. Я была не меньше его потрясена сложностью этого пути.

Едва прибыв в Балину, мы с Фарли выразили желание поработать в местной библиотеке. Она была в довольно запущенном состоянии, ею почти никто не пользовался, если не считать местных ребятишек. Сын библиотекаря, Фарли, можно сказать, вырос в библиотеках Онтарио и Саскачевана. Однако здесь никто не торопился воспользоваться нашими услугами. Мы были чужаками, об этом приходилось помнить. Кроме того, многим было непонятно, каким образом Фарли зарабатывает себе на жизнь. Для кого это он пишет свои книжки? И кто ему платит за пустое времяпрепровождение? И хотя финансовая сторона писательского ремесла все еще оставалась загадкой для местных жителей, после двух лет знакомства с Фарли его признали достаточно надежным человеком, чтобы включить в попечительский совет библиотеки. Я же, как жена и секретарь Фарли, теперь также могла внести свой

вклад в жизнь нашего поселка. Обычно всякие формы самоуправления — будь то попечительский совет школы, библиотеки, церкви или муниципальная власть — везде осуществляются представителями так называемого "среднего" класса. Наш поселок отличался от материка только тем, что здесь буржуазия составляла весьма малочисленную прослойку населения. Это были самые зажиточные лавочники и те немногие лица, вроде почтмейстера или управляющего пристани, которые состояли на постоянной государственной службе, а также все начальство рыбозавода. Сюда входили также капитаны сейнеров и грузовых судов, но, поскольку они по большей части были в море, их редко привлекали к работе на суше и существенной помощи от них никто и не ждал. Доктор, священник, директор школы и учителя считались приезжими и в местные проблемы почти не посвящались. Их участие в общественной жизни зависело от длительности их пребывания в поселке. Такие кандидатуры, как полицейский, живший здесь не постоянно, или медсестра, которая не только не была местной, но к тому же еще и незамужней, вообще не рассматривались.

Как раз тех, кто принимал участие в местном самоуправлении, мы знали меньше всего. Они жили в своем тесном мирке и с предубеждением относились ко всем приезжим. Они свято верили в то, что именно они — лучшая часть общества, а, уж конечно, не рыбаки или рабочие рыбозавода, составлявшие большинство населения Балины.

В те годы участие в попечительском совете библиотеки являлось для местной женщины единственно возможной общественной работой. Считалось, что книги читают в основном женщины и дети. Мужчин в совете было раз-два и обчелся. Фарли оказался единственным мужчиной из

восьми привлеченных к работе членов совета.

Библиотека занимала небольшое, обшитое тесом и покрашенное в белый цвет здание, стоявшее на самом краю прудика через дорогу от общинной церкви. Первое заседание совета состоялось холодным ноябрьским вечером. Скудный свет проникал в квадратную комнату библиотеки сквозь узкие окна под самым потолком. Однако здесь было тепло и уютно. Удивительно, как книжные полки преображают любую, даже самую неказистую комнату. Общая площадь библиотечного "зала" не превышала двадцати метров, и хотя на полках в основном стояли зачитанные до дыр книжки малоизвестных писателей, тем не менее от одного вида книг сердце наполнялось теплом. В центре комнаты стоял длинный, покрытый линолеумом стол, вокруг него стулья — здесь читатели могли полистать книги и журналы.

Члены нового попечительского совета уселись по обе стороны стола — друг против друга, словно две соперничающие команды. Получилось так, что в составе совета нас оказалось поровну — четверо местных жителей и четверо "пришельцев". По одну сторону стола сидели Барбара Дрейк, Джейн Биллингс, Фарли и я, а напротив нас — миссис Стаклесс, миссис Доллимаунт, миссис Норткотт и миссис Пинк, библиотекарьша. Почетные члены совета — священник и директор школы — отсутствовали.

Оказалось, никто не знает, с чего начать заседание. Барбара Дрейк нетерпеливо пыталась выудить хоть какую-то информацию и насадала на миссис Норткотт и миссис Пинк, которые были членами прошлого совета. В конце концов выяснилось, что в прошлом году совет вообще ни разу не собирался, а на заседании, состоявшемся два года назад, миссис Норткотт не была по при-

чине болезни. И тем не менее все эти годы она выполняла обязанности казначея.

— Прекрасно, — деловым тоном заговорила Барбара. — В таком случае вы и останетесь казначеем, миссис Норткотт, согласны?

Трудно сказать, была ли действительно согласна тихоня миссис Норткотт и дальше исполнять обязанности казначея. Выбора у нее не было: жена механика с завода, она не посмела ослушаться миссис Дрейк. Миссис Норткотт кивнула в знак согласия, после чего вытащила из сумочки ученическую тетрадь и познакомила нас с финансовым положением библиотеки. Почерк у нее был ровный и красивый, и буквы получались каллиграфические. Это осталось у нее с той поры, когда она еще работала учительницей и относилась к чистописанию со всей серьезностью.

Мы узнали, что наша библиотека ежегодно получает от Управления провинциальных библиотек дотацию в двести пятьдесят долларов, из которых двести идет на зарплату миссис Пинк, а оставшиеся пятьдесят в уплату за отопление. Девять долларов и пятьдесят центов пошло на ремонт трех оконных рам. Подобный перерасход пробил бы заметную брешь в бюджете библиотеки, но спасло то, что во время избирательных кампаний 1962 и 1963 годов в помещении библиотеки располагался избирательный участок. Свалившиеся с неба пятьдесят долларов пополнили казну, и таким образом у нас на балансе оказалась сумма в сорок один доллар и пятьдесят центов. Тут миссис Норткотт, не скрывая своей гордости, вынула кошелек и положила его на стол на всеобщее обозрение.

По комнате пронесся гул одобрения. Все были счастливы, что долгов у библиотеки нет.

Как только мы покончили с финансовым вопросом, наступила длинная неловкая пауза,

и, воспользовавшись этим, миссис Пинк отправилась проверить, как работает обогреватель.

— А что, если на эти деньги купить новые книги? — нарушил молчание Фарли.

Миссис Пинк откашлялась.

— Денег не так уж много, чтобы на них покупать книги. И к тому же нам время от времени присылают книги из Сент-Джонса.

И она умолкла — в тот самый момент, когда мы все заинтересованно ожидали продолжения ее речи.

— Гм, а скажите, как часто они их присылают? Сколько книг в среднем вы получаете, скажем, за год? — спросил Фарли, тщательно подбирая слова и боясь, как бы не создалось впечатление, что эта библиотека самая захудалая из всех пятидесяти четырех библиотек провинции.

— Вот с последним паром пришла посылка, — сказала миссис Пинк, указав на сверток в коричневой бумаге, лежавший на столе для выдачи книг. Очевидно, она не слишком торопилась узнать, что в нем.

Барбара заявила, что нужно немедленно вскрыть посылку. В свертке оказалось шесть книжек для малышей. Мы, как полагалось, полюбовались книжками, но эти новые поступления никак не могли заменить все старье, скопившееся в библиотеке. Все эти романы были, очевидно, давным-давно завезены из Англии, действие их происходило в загородных виллах, среди розовых кущ, а героями были знатные леди и джентльмены. Помимо "художественной литературы", здесь в избытке были представлены такие допотопные издания, как, например, шеститомная "История Британской дипломатии" до 1930 года. Если не считать сборника проповедей какого-то священника из Сент-Джонса, изданного еще в двадцатые годы, во всей библиотеке не

было ни единой книги, имеющей отношение к Ньюфаундленду, равно как и ни одной книги, написанной местным жителем или вообще каким-либо канадским автором.

— Мне кажется, — начал Фарли дипломатично, — что стоит выкинуть всю эту рухлядь. Я предлагаю выбросить все старье и тем самым освободить место для новых книг.

Миссис Пинк, казалось, была поражена в самое сердце.

— Прекрасная идея, — отозвалась Джейн Биллингс. — Жаль, что мы раньше до этого не додумались, а то, чтобы сжечь весь этот хлам, могли бы устроить шикарный костер в Ночь Гая Фокса¹.

— Жечь книги? О боже! — ужаснулась миссис Пинк.

— Какой ужас! — прошептала миссис Норткотт.

— Это грех! — подхватила миссис Стаклесс.

— Надо помнить о том, что книги существуют, чтобы их читали, — резонно заметил Фарли. — И если мы обнаружим, что никто не заинтересовался книгой в течение определенного периода времени, скажем в течение двух лет, значит, ее надо списать и заменить другой.

— Но только не надо жечь! — с мольбой в голосе воскликнула миссис Доллимаунт.

— Может быть, стоит продать их. По пять центов. И выручить таким образом немного денег, — предложила миссис Стаклесс.

Это предложение всем как будто пришлось по душе. За исключением библиотекари миссис Пинк.

— Эти старые книги здесь уже так давно, — со вздохом сказала она, — что я и не знаю, как теперь без них...

¹Ночь Гая Фокса — вечер 5 ноября, когда, по традиции, отмечают раскрытие "Порохового заговора" — сжигают пугало и устраивают фейерверк.

Мы еще посовещались, откуда взять средства на новые книги и как привлечь побольше читателей. Джейн предложила, чтобы каждый из нас, у кого дома есть библиотека, порылись бы в ней и пожертвовали, что не жалко, на общее благо. Фарли в свою очередь сказал, что напишет своим издателям и попросит прислать в дар библиотеке только что вышедшие книги. Барбара сказала, что среди коллег ее мужа по рыбной торговле есть такие, кто ему кое-чем обязан, и, значит, можно попросить их пожертвовать деньги на библиотеку. Мы так увлеклись, изобретая различные источники средств на приобретение книг, что, если бы этим проектам суждено было осуществиться, библиотечные полки рухнули бы под тяжестью новых книг. При этом наибольшую активность проявила наша четверка.

— Итак, уважаемые дамы, — обратился Фарли к четверем участницам совета по другую сторону стола, поглядывавшим на нас с опаской, — что вы на это скажете? Если нам удастся пополнить библиотеку тремя-четырьмя сотнями новых книг... как, пойдут к нам читатели?

— Ах, мистер Моуэт, — отозвалась миссис Стаклесс, которая, при необходимости, умела отражать любовную атаку, — ведь за это трудно поручиться... — Хильда Стаклесс недавно овдовела и вернулась в родные места с тремя детьми-подростками из Гандера, где прожила лет пятнадцать. — Сначала надо выяснить, что людям нравится, а что нет. А ты, Нелли, как считаешь? — обратилась она к сидящей рядом миссис Доллимаунт.

— Что ж, дорогая, если б нам удалось достать кое-какие книги Горация Ливингстона Хилла, например, он здесь многим нравится, ну и еще всякие истории из жизни докторов и медсестер...

У нас ведь давно не было ничего нового из этой серии.

— А я думаю, что подобной литературе не место в библиотеке, — встревоженно возразила миссис Пинк, но тут же быстро изменила тон, чтобы никто не подумал, будто она подвергает сомнению вкус миссис Доллимаунт. — Хотя, надо сказать, их действительно очень многие любят. Очень многие.

Барбара, которой все это изрядно надоело, нетерпеливо вставила:

— Ну, разумеется, следует только приветствовать приток новых книг. Я уверена, они найдут своих читателей.

— Кроме детей, здесь книг вообще никто не читает, — сказала Джейн Биллингс. — И незачем нам копыя ломать. Я лично предлагаю ориентироваться на детей, нужно приобщать их к чтению, пока они... в общем, пока их местная жизнь не засосала...

Все согласились, что подбору книг для детей нужно уделить особое внимание.

— Очень жаль, что мистера Парди сегодня нет с нами, — сказала я. Мистер Парди был директором школы. — Мы могли бы договориться, чтобы ученики приходили сюда прямо из школы. По очереди, классами. Это их приучало бы к библиотеке, пусть даже они пока читают мало.

Барбара, Джейн и Фарли единодушно поддержали меня. У сидевших напротив были непроницаемые лица.

— Это что же... прямо посреди учебного дня... и всей толпой они повалят сюда? — осторожно спросила миссис Пинк.

— Ну да, — ответила я. — В мои школьные годы так и было.

— Не думаю, — отрезала миссис Пинк, — что

мистер Парди пойдет на такое.

— Это лучше сделать в свободное от уроков время, — вставила миссис Норткотт.

— Наш мистер Парди сторонник жесткого порядка, — вмешалась миссис Стаклесс. — Раньше четырех он детей из школы не отпускает. Он считает: ничто не должно мешать урокам.

— Но ведь чтение — это тоже учение! — произнесла наша четверка хором, подобно хору в греческой трагедии, подтверждая нашу веру в силу печатного слова.

— Да где он, черт побери, этот Парди? — прогремел Фарли, словно вопрошая, куда могли запрятать этого диккенсовского типа. Четыре дамы напротив вздрогнули, услышав эти крепкие выражения. Те немногие мужчины, что изредка появлялись в библиотеке, ничего подобного себе не позволяли. — Чтоб он на нашем следующем заседании непременно был!

— Вот именно! — поддержала Барбара. — И предлагаю назначить следующую встречу через месяц. Мне тоже о многом хотелось бы потолковать с мистером Парди!

Барбара фанатически верила в могущество просвещения и уровень преподавания в местной школе считала никуда не годным. Имея трех дочерей, она собиралась отдать их в частную школу на материке, но в начальных классах им предстояло учиться здесь. Барбара была бы не прочь заняться преобразованием местной школы, но, будучи католичкой, не имела права войти в попечительский совет сугубо англиканского учебного заведения. Ей предоставлялась только одна возможность: при всяком удобном случае критиковать директора и учителей.

На этом мы и закончили заседание, удовлетворившись тем, что обозначили главную проблему, хотя ее решение пребывало во мраке неизвест-

ности. Постановили добиться присутствия мистера Парди, этой легендарной личности, на нашем следующем заседании в декабре. Однако случилось так, что мне пришлось встретиться с ним гораздо раньше.

Спустя несколько недель ко мне обратились с просьбой, не соглашусь ли я на общественных началах преподавать рисование в старших классах. Местный священник Мэттью Уэй, человек передовых убеждений и председатель попечительского совета школы, неустанно выискивал способных людей из числа местных жителей и независимо от их религиозных взглядов приглашал на работу в школу. Так уж повелось на Ньюфаундленде, что ортодоксальная региональная школьная система запрещала местным учителям работать в школе, если их вероисповедание не совпадало с тем, которого придерживалась школа, нередко единственная в поселке.

Конечно, моя подготовка была заметно выше той, которой обладал мой предшественник — она у него насчитывала лишь несколько часов, полученных во время летних курсов повышения квалификации. Я же четыре года проучилась в художественной школе Онтарио и потом, хоть и недолго, работала коммерческим дизайнером.

Однако, после того как я дала согласие преподавать рисование, мне стало немного не по себе. Зачем навязывать свои представления об искусстве тем, кому это совершенно ни к чему? Не нарушу ли я существующий порядок вещей, не задену ли самолюбие нынешнего преподавателя, который до сих пор не сомневался в своей компетентности? Может быть, лучше умолчать о том, где и какую подготовку я получила? Однако что уж тут рассуждать, мистер Парди обнаружил нового учителя рисования и тут же прислал мне записку, в которой пишет, что в пятницу после

обеда ждет меня к себе.

Был холодный декабрьский день, когда я подошла к новому зданию школы, где должна была дать свой первый урок. Здание школы, на удивление уродливое, было предметом гордости местных жителей. От этого длинного двухэтажного строения веяло убожеством. Обшитое деревом и выкрашенное в ослепительно белый цвет, оно одиноко торчало на вершине каменистого холма, как вареное яйцо. Ни кустика ольхи вокруг. Возле одной из стен были сложены бревна, и по всему двору ветер носил древесные стружки. Под лестницей горкой были сложены пустые банки из-под краски, которые никто не спешил убирать.

Открыв массивные двойные двери, которые с громовым раскатом захлопнулись за моей спиной, я вошла в школу. И сразу очутилась в царстве мертвой тишины. Все ученики сидели в классах, коридор встретил меня дюжиной закрытых дверей. Вокруг ни души. Медленно, на цыпочках, словно боясь потревожить спящего младенца, я двинулась по коридору, выложенному квадратиками линолеума. Скорее как вор, а не как учительница. Как узнать, за какой из этих дверей сидят ученики десятого и одиннадцатого? У меня возникло сильное желание сбежать, вернее, так же, на цыпочках, выскользнуть из школы и забыть о ней раз и навсегда.

— Миссис Моузт! — точно выстрел в тишине раздался за спиной голос. Это вышел из кабинета директор мистер Парди. Ощущая себя школьницей, которая вознамерилась прогулять урок, я быстро обернулась.

— Пальто, если хотите, вы можете повесить вот сюда, — обратился ко мне директор.

Вначале надо все обговорить. Я сняла пальто, шапочку, рукавицы, толстый свитер и сапоги.

Надела туфли и, не дожидаясь приглашения, села на один-единственный стул для посетителей в директорском кабинете. Как и вся школа, кабинет был обставлен со спартанской простотой.

На вид мистеру Парди нельзя было дать и тридцати, но физиономия у него была мрачная, как у владельца похоронного бюро. Взгляд, полный скорби, устремился на меня через письменный стол.

— Сам я не очень-то разбираюсь в искусстве, — с серьезностью проговорил он.

Я не знала, как реагировать на такое признание. Может, надо выразить сожаление?

— Однако рисование вроде бы входит в школьную программу, с первого до последнего класса, для всех без исключения, — настойчиво втолковывал он мне, как какой-нибудь бухгалтер, объясняющий клиенту суть нелепого налога. — До сих пор рисование у нас вел мистер Крю, но подготовка у него слабовата. Хромает на обе ноги.

Мистер Парди говорил очень четко, тщательно выговаривая каждое слово, будто читал вслух.

— Кое-кто из наших учеников вовсе не стремится получить образование. Просто посещают школу, пока ее не окончат, а закончив, идут работать на рыбозавод. Иных устремлений у них нет.

Я хотела рассказать ему про Дороти Куэйл, которая сочиняет стихи и песни и учится печатать на моей пишущей машинке. Я бы могла рассказать ему и о многих других ребятах, которые, после того как чуть-чуть привыкли ко мне, задавали массу вопросов обо всем на свете, от археологии до зоологии. Они с интересом листали журналы у нас на кухне и задавали при этом прелюбопытные вопросы. Почему бы не сказать ему, думала я, вряд ли еще представится такой

случай. Взгляды директора, будто сваи под новой муниципальной пристанью, поражали своей прямолинейностью.

Но, удержавшись от излишней эмоциональности, я сказала, что мы ждем его на следующем заседании совета библиотеки.

— Я редко хожу куда-либо по вечерам, — ответил он. — Надо готовиться к занятиям и надо проверять тетради.

— И все-таки очень нужно, чтоб вы пришли, мистер Парди! — настаивала я. Хотя мы и были с ним приблизительно одного возраста, но он и не подумал предложить мне называть его просто по имени. — Нам очень важно, чтобы вы, директор школы, присутствовали на наших заседаниях. Мы хотим знать ваше мнение по важным вопросам, которые будут обсуждаться.

Он несколько оживился, моя лесть подействовала.

— Ну что ж. Может быть, я как-нибудь зайду.

Пришло время начинать мой урок. Вооружившись тоненькой брошюрой — учебной программой по эстетическому воспитанию для девярых, десятых и одиннадцатых классов, выпущенной для школ острова Ньюфаундленд, я проследовала за мистером Парди, который, не говоря ни слова, проводил меня по коридору до двери, на которой не было никакой таблички. Директор открыл дверь и первым вошел в класс. Двадцать три пары глаз пытливо уставились на меня, к моему удивлению, ученики поднялись с мест и молча встали возле парт.

— Знакомьтесь, миссис Моуэт! — объявил мистер Парди бесстрастным тоном и без лишних слов удалился.

Бывают в жизни моменты, когда весь опыт прошлых лет не в силах тебе помочь. Мне никогда не приходилось выступать в роли учительницы

и ни разу не случилось говорить перед большой аудиторией. А тут вдруг я оказалась лицом к лицу с двумя десятками подростков, надеявшихся, что я их чему-то научу. Даже то, что со многими я уже была знакома — они появлялись у меня на кухне, — не спасало положения.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала я.

Первым пунктом программы было представление о перспективе, но я решила пока с этим повременить. Тут нужны постоянные упражнения, как в музыке, когда без конца повторяют гаммы и арпеджио, — занятие скучнейшее и для ученика, и для педагога; тут можно сразу убить интерес к предмету у начинающих.

Я решила начать урок с натюрморта, чтобы ученики рисовали то, что у них перед глазами. Я окинула взглядом класс, пытаюсь отыскать предметы, из которых можно составить композицию для натюрморта. Но взгляду не на чем было остановиться: ни глобуса, ни цветочного горшка, ни каких-нибудь случайных вещей, обычно стоящих в классе на подоконнике. Класная комната была такой же пустой, как и все здание школы. Единственное, на чем мог остановиться взгляд, — окно, из которого были видны покрытый льдом пруд позади школы, высокие каменистые утесы и церковный шпиль вдалеке, разноцветные домики на фоне ярко-синей глади океана, и над всем этим — хмурое зимнее небо. Выразительная картина, которая пришлась бы по вкусу любому художнику.

С непонятным чувством отчаянной решимости я сказала, обращаясь к классу:

— Мне хочется, чтобы вы нарисовали дом. Любой дом. Дом, в котором вы живете или в котором вам хотелось бы жить.

Мне казалось, что второй вариант подстегнет их фантазию.

— Не смущайтесь, если выйдет не очень похоже. Может, кто-то захочет подойти к окну и нарисовать любой дом, который отсюда виден, — пожалуйста.

Ученики полезли в парты, отыскивая карандаши и бумагу. Я понятия не имела, чем они собираются рисовать, и очень огорчилась, увидев, что, кроме обычных твердых карандашей и гладких листков бумаги из обычных школьных тетрадей, ученики старших классов ничем не располагают. Использование таких малоприспособленных для рисования средств сводило вероятность мало-мальски искусного исполнения практически к нулю. Это все равно что играть на рояле, у которого лишь две октавы.

Не теряя времени, весь класс принялся за дело, но я обратила внимание, что никто не воспользовался моим предложением, никто не подошел к окну, чтобы срисовать открывающийся оттуда вид. Если не считать минутных появлений возле точилки для карандашей, мои ученики сидели на местах как приклеенные.

— Может, у вас есть вопросы, может, кому-то что-нибудь непонятно, не смущайтесь, спрашивайте! — сказала я, глядя на затылки учеников, погруженных в работу. Время от времени кто-нибудь из них поднимал голову и глядел на меня, но ни один не подозвал меня, не поднял руку. Я решила не мешать творческому процессу и не ходить вдоль рядов, выясняя, что у них получилось. И тут я оказалась перед неожиданной проблемой: чем себя занять?

На краю учительского стола лежала стопка рекламных брошюр Управления железных дорог Канады, предлагавших различную работу для молодежи. Я полистала эти брошюрки и прочла о том, какое светлое будущее ожидает каждого официанта, повара, оператора телетайпа или

тормозного кондуктора. А дальше мне ничего другого не оставалось как рассматривать лица сидевших передо мной учеников, пытаюсь угадать, как кого зовут. Вот Мюриэл Куэйл с конной светло-каштановых волос, как у всех остальных сестер. Она старшая сестра Рут Куэйл и к тому же тетка Дороти Куэйл. Затем на одной из задних парт я обнаружила еще одного представителя семейства Куэйлов — сына то ли Клэренса, то ли Чарли, кого из этих двоих, я точно определить не могла. А вот сидит Мэри Джозеф — старшая дочь Ноя и Минни Джозеф, — маленькая девчушка, вся в отца, такие же зеленые глаза и смуглый цвет лица, она также оказалась в моем классе. Был здесь и один из сыновей Сирила Оксфорда — Гебер, а может, Эдди. Точно я сказать не могла. Потом я увидела высокого светловолосого парня, очень похожего на Эффи, и решила, что это один из ее младших братьев, один из самых младших детей Гринов, еще не покинувший родительский дом. Впрочем, лица многих других были мне знакомы, только я не знала, из каких они семей.

Характерный стук деревянных линеек о парты заставил меня подняться. Зачем им понадобились линейки? Я вовсе не хотела, чтобы они, рисуя дом, пользовались линейками. Вконец обескураженная, я снова обратилась к классу:

— Прошу вас рисовать как можно проще. Пусть линии не будут идеально прямыми. Рисуйте дом так, как вам нравится. Но может, кто-нибудь из вас все же подойдет к окну и нарисует дома, которые из него видны?

Весь класс с удивлением воззрился на меня, и потом ребята стали переглядываться. Но мне никто не сказал ни слова. Может быть, я что-то не то говорю?

Взглянув на рисунки, я убедилась, что уче-

ники меня не поняли: каждый нарисовал дом в перспективе, с точками схода линий прямых и ровных, проведенных по линейке, рисунки были такими же безликими, как здание этой школы. Ни один не проявил фантазии или просто желания нарисовать как в жизни. Ни один дом на рисунке не походил на дома в поселке. Все изобразили строение с покатою крышей, которая как бы устремлена к некоей точке на воображаемом горизонте, в то время как все дома в Балине были с плоскими крышами.

Интересно, в чем моя ошибка? Однако давать новое задание было уже поздно. В следующий раз попытаюсь объяснить им иначе. Это я стараюсь научиться понимать местный диалект, но ведь они-то мою речь не всегда понимают. Пытаюсь восстановить все, что я им сказала, попробовала точно вспомнить все свои слова: "Пожалуйста, как хотите... не смущайтесь, если... Если у вас есть вопросы..." Я не могла припомнить, чтобы здесь кто-нибудь употреблял такие обороты. Они сами сказали бы как-нибудь иначе. Лучше бы я оказалась иностранкой. Тут уж сразу же было бы ясно, что мы говорим на разных языках. А тут, когда говоришь как будто на том же языке, а тебя не понимают, поневоле станешь в тупик.

Стараясь употреблять слова, которые, как мне казалось, были наиболее распространенными и обычными, я предложила им нарисовать рядом с их безликим домом людей, собак, цветы или кусты, но никто не внял моему совету. Не вполне понимая, чего от них хотят, они решили не рисковать и нарисовали дом, следуя тому стандарту, которого придерживался их предыдущий учитель мистер Крю. Только Мэри Джозеф осмелилась изобразить на окнах занавесочки. Недаром она слыла неисправимой индивидуалисткой.

Ученики мои вели себя на удивление пример-

но. Собираясь на урок, я очень волновалась, обдумывая, как поступить, если я столкнусь с грубостью или неповиновением, и что мне делать с болтунами и лентяями. Но ничего подобного я не обнаружила. Они со мной даже не заговаривали. Видимо, "хорошим" учеником здесь считается тот, кто всегда молчит и не задает вопросов.

Тогда я решила, что нужно налаживать контакт с каждым в отдельности. Я принялась расхаживать по рядам, останавливаясь возле тех, кому явно что-то не давалось. Но и эти ученики с неизменной вежливостью утвердительно кивали, когда я их прямо спрашивала, поняли они меня или нет. Мне очень хотелось узнать, что они думают о моем задании, показалось ли оно им интересным или, наоборот, скучным, может быть, им хотелось чего-то другого.

Приобщая детей к изобразительному искусству, можно полагаться только на интуицию. Преподаватель не в силах держать под контролем тот мозговой центр, который направляет движения руки, держащей кисть или карандаш. Единственное, что может сделать преподаватель, — это научить учеников видеть, внимательно рассматривать окружающие предметы и потом запечатлевать эти зрительные образы с помощью карандаша или кисти на бумаге и на холсте, используя в качестве материала глину, дерево или пластмассу. Словом, любым способом изображения, которым владеет этот преподаватель. Совершенно очевидно, что никто до меня ничему подобному их не учил.

Я просмотрела несколько ученических тетрадей, на обложках которых было выведено: "Изобразительное искусство". Неужели этот набор геометрических рисунков, плоских и лишенных эмоциональной окраски, точно сам

мистер Парди, — подходящее занятие для детей, которые смеялись и распевали песни у меня на кухне, выдумывали невероятные истории? А где на этих рисунках лодки и пристани? Или рыбаки в прорезиненных робах? Или рыбы, которых они ловят? Или дома, столы и стулья, что стоят у них на кухнях?

Часы показывали без пяти четыре. Я не знала, как мне закончить урок и отпустить детей по домам. Просто собрать свои вещи и выйти из класса? А вдруг они снова встанут навтыяжку передо мной, как перед какой-то царственной особой, ожидая, чтоб я первой вышла из класса?

— На следующей неделе, — начала я, и тут же все взгляды устремились ко мне, — я принесу предметы, которые вы будете рисовать. Я разложу их перед вами, и вы будете рисовать то, что видите.

Не проронив ни слова, они продолжали смотреть на меня.

— Есть у кого-нибудь карандаши для рисования? — спросила я. — Например, угольный или карандаши с мягким грифелем два-М или четыре-М?

И тут они, к моему удивлению, оживились. На следующий день трое учеников открыли парты и извлекли наборы цветных карандашей. Откровенно говоря, на это я не рассчитывала. Однотонность цветных карандашей не очень-то подходит для того, чтобы научить детей пользоваться различными оттенками. И все же сам факт, что кое-кто из школьников проявил интерес к моему предмету и по собственной инициативе приобрел рисовальные принадлежности, был отраден. Однако ни один из моих учеников даже не слышал о том, что существуют карандаши с мягким грифелем.

Без одной минуты четыре в класс вошел мистер Крю и тем самым помог разрешить пробле-

му. Не обращая на меня ни малейшего внимания, он открыл маленькую черную книжечку и встал перед классом. Ученики поспешно стали собирать свои книги и тетради. Они оглядывали пустые парты с тем чувством затаенной радости, которое хорошо знакомо каждому, кто ходил в школу и помнит этот знаменательный миг — четыре часа. Настало время заключительной молитвы. И чтобы меня не втянули еще в одно новое мероприятие, я решила, что пора уходить. Я мгновенно подхватила сумочку и карандаши и выскочила из класса.

13

Избиратели Балины

Мне часто приходится бывать в Сент-Джонсе по личным делам, и я могу оказать существенную и безвозмездную помощь поселку. Во время своих поездок я имею возможность общаться с полезными людьми в административных кругах, теми, кто способен оказать содействие в приобретении материальных средств на:

1. Улучшение дорог в Балине.
2. Проведение водопровода и канализации.
3. Постройку нового почтамта с телеграфным отделением в центре поселка. Такое здание сделает нам честь, станет предметом гордости наших жителей.
4. Налаживание телевизионной трансляции, чтобы каждый житель Балины мог видеть и слышать передачи о событиях в мире.
5. Организацию уборки мусора, чтобы содержать весь поселок в чистоте.

Поскольку я могу помочь в решении всех этих вопросов, я призываю вас отдать голоса за меня,

баллотирующегося на пост члена поселкового совета. Помните, я не сумею помочь вам, если не буду избран на эту должность. Прошу вас прийти отдать свой голос за меня в день выборов 15 июля.

Заранее благодарю,
Фримэн Дж. Дрейк

Экземпляры предвыборной листовки Фримэна Дрейка разносила по домам группа детей, которые не без удовольствия участвовали в таком необычном деле. В поселке муниципальные выборы прежде никогда не проводились. Самым непостижимым для меня образом был учрежден первый поселковый совет — просто семеро вызвались стать членами совета, и их кандидатуры приняли без всякого голосования. Сами члены совета решили, что мэром станет Билли Доллимаунт. С тех пор целых двенадцать лет состав совета во главе с мэром оставался неизменным, лишь одного умершего члена заменили новым. По местным законам, муниципальные выборы проводятся раз в четыре года, но, поскольку конкурентов не было, трижды избирались одни и те же лица.

Билли Доллимаунт — солидный седовласый мужчина с тяжелой челюстью — не мог не внушать доверия. Как только Ньюфаундленд присоединили к Канаде, он стал управляющим пристанью, то есть поступил на государственную службу. Одно время он был председателем попечительского совета школы, а с незапамятных времен выполнял обязанности чтеца в англиканской церкви. Будучи начальником пристани, он всегда принимал самое активное участие в розыске потерявшихся грузов. По мнению жителей Балины, Билли был одним из самых уважаемых и почтенных людей в поселке.

Совет под председательством Билли соби-
рали по понедельникам, пытаясь как можно разум-
ней распределить суммы на ремонт дорог, убор-
ку мусора и решить извечную проблему нехват-
ки пресной воды.

На всем своем почти четырехмильном протя-
жении местная петляющая "дорога" не имела
ничего общего с известными мне дорогами.
Родившись из сети тропинок, эта ухабистая до-
рога состояла сплошь из крутых спусков, резких
поворотов, а в нескольких местах проходила в
опасной близости от моря. Нигде ни ограждений,
ни дорожной разметки, ни знака "стоп". Впро-
чем, здесь они были практически не нужны,
поскольку ни один из грузовичков, ни недавно
появившееся такси не могли развить скорость
больше десяти-пятнадцати миль в час.

Куда девать мусор — вот что более всего забо-
тило совет поселка, хотя до недавнего времени
об этом никто не задумывался. С незапамятных
времен люди выкидывали весь накопившийся
мусор в океан, но вдруг оказалось, что такой
способ уже не годится. В Круглой Гавани появи-
лись крысы. В той самой бухточке, где когда-то
жило двенадцать семей, теперь теснилось трид-
цать пять. В результате после отлива на бере-
гу оставалась кошмарная свалка пустых буты-
лок, консервных банок, тухлых остатков рыбы и
вообще всякой всячины. Впрочем, и во время
прилива в мутной воде плавал мусор. И хотя
совет неоднократно обсуждал, как организовать
еженедельный сбор мусора, он никак не мог
прийти к решению, где именно определить место
свалки и откуда взять деньги, чтоб нанять му-
сорщика.

Но еще более насущной стала проблема прес-
ной воды или, точнее, ее нехватки. Колодцев
было явно недостаточно для растущего населе-

ния. Летом большая их часть пересыхала, а в оставшихся вода становилась затхлой и опасной для питья. В теплое время года новорожденные и маленькие дети постоянно страдали от желудочных заболеваний. Некоторые предприимчивые жители отправлялись на своих лодках подальше от поселка наполнять бочки и ведерки водой из пресноводных ручьев. Но как быть семьям, где главы семейств находились вдали от дома на заработках, или больным и престарелым жителям поселка?

Надо сказать, что стоимость основных услуг, таких, как водоснабжение, уборка мусора и строительство дорог, того, что в иных местах мы воспринимаем как само собой разумеющееся, намного выше там, где приходится обеспечивать все это в сложных природных условиях.

Налог каждой семьи в поселке составлял пять долларов независимо от достатка и численности семьи. В результате семейство Дрейков платило точно такой же налог, что и семья Пойнтингов. Владельцы магазинчиков платили налог в зависимости от оборота, и еще небольшую сумму совет получал от владельцев собак. Система провинциального налогообложения была точной копией поселковой, но тем не менее общая сумма поступлений была смехотворной.

Рыбозавод вообще не облагался налогом. Фримэн Дрейк утверждал, не без резона, что завод не является ни торговым предприятием, ни домовладением. Промышленные предприятия никогда налогом не облагались и едва ли будут облагаться, пока решение этой проблемы в руках таких людей, как Фримэн.

Он не слишком стеснялся афишировать свои успешные операции в Сент-Джонсе. Он претендовал на роль святого, имеющего прямую связь с господом богом: стоит только замолвить сло-

нечко нужным людям — и все неразрешимые проблемы будут решены. И улицы будут вымощены, хоть и не золотом, но все же будут, а это, утверждал Фримэн, совсем неплохо. Эти прекрасные, современные улицы в скором времени сольются с долгожданным шоссе, которое собирается проложить правительство Канады. Фримэн обещал, что если будет избран он, то поселок в ближайшем будущем превратится в современный город.

Помимо Фримэна, существовал еще целый список новых кандидатов, включавший как доктора Роджера Биллингса, так и Джейн Биллингс, управляющего рыбозаводом Виктора Мосса и заводского бухгалтера Джорджа Коссара.

Роджер имел явное политическое преимущество перед остальными. Многие опасались голосовать не за него. Конечно, по-всякому может обернуться, и все же страшновато: вдруг доктор откажется помочь, если в семье кто-нибудь заболел. Обычно врачи ненадолго оседали в далеких поселках, поэтому местные жители были озабочены тем, как бы не настроить против себя нынешнего и единственного здесь врача.

Джейн Биллингс была верна себе: она первой из местных женщин выставила свою кандидатуру на выборах. Ее избирательная деятельность стала кульминацией всех ее предыдущих устремлений. Джейн проводила встречу с избирателями в подвале новой школы, куда пригласила всех желающих, и особенно женщин. Раньше здесь женщин как действенную политическую силу никто и во внимание не принимал, и поэтому на эту встречу они явились толпой, прихватив с собой мужей и бутерброды.

Свою кандидатуру выставил и Билли Доллимаунт, но, поскольку никакой избирательной кампании ему до этого вести не приходилось,

он считал, что незачем затевать ее и на этот раз. Он считал непристойным выходить перед согражданами и обещать то, что, как он сам признавал, сделать невозможно. Жители поселка видят, как бережно он обращается с теми деньгами, что поступают от налогоплательщиков, и поэтому, безусловно, отдадут за него свои голоса.

Были и другие новые кандидаты. Один из них — Фред Фадж. Он первым оценил те возможности для частного бизнеса, которые таит в себе телефон, и основал службу такси по вызову. Однажды в среду Фред сел на пароходик, совершавший рейс в Порт-о-Баск, и в воскресенье вернулся, а рядом с ним гордо сиял выкрашенный в серо-голубой цвет подержанный "форд"-универсал. Поскольку это был первый легковой автомобиль, появившийся в поселке, все — взрослые и дети — смотрели на него с благоговением. За поездку в любом направлении Фред брал полдоллара, и работы ему хватало и днем и ночью. Таким образом, он сам был кровно заинтересован в хороших дорогах и не упускал повода сообщить своим пассажирам, что в случае его избрания приложит все силы, чтобы первым делом заняться дорожным строительством. Существовало и другое объяснение этой активности — не было дня, чтобы Фред не прокалывал шину.

В списке кандидатов Оби Кендэл был темной лошадкой. В двадцать с небольшим лет он был почти мальчишкой в этой компании. Он тоже ратовал за хорошие дороги, но на первое место все же ставил водопровод и канализацию. А для этого, пояснял он каждому, кто хотел его слушать, существует только одна реальная возможность — обложить налогом рыбозавод. Иначе откуда еще взять денег на благоустройство?

Но мало кто прислушивался к здравым рассуждениям Оби в отношении местного бюджета. Многие даже помыслить не смели о том, чтобы ущемить интересы мистера Дрейка. Слушать его речи о будущих грандиозных свершениях и верить, что его могущественные друзья полностью их финансируют, было гораздо соблазнительнее.

Я осторожно попыталась сагитировать Фарли выставить свою кандидатуру на выборах поселкового совета.

— Я же не политик, я писатель, и незачем мне вмешиваться в эти дела, — говорил Фарли. — Известно, что все это потребует массу времени: встречи, совещания, заседания, — притом, возможно, совершенно бесполезно. Я не хочу, чтобы меня дергали, терзали вопросами, что делать с ямами на дороге и почему не приезжает мусорщик. Да никто и не станет за меня голосовать. Избиратели писателям не доверяют. Мы чертовски независимы, и никто, в сущности, не знает, где лежат наши истинные интересы.

— Зато интересы Фримэна Дрейка всем хорошо известны, — ответила я.

— Естественно. Держу пари, его и выберут. Не удивлюсь, если он соберет больше всех голосов.

— У него и так слишком много власти: он богат, он работодатель... — заметила я.

— Именно такой здесь и нужен.

На материке муниципальные выборы редко назначают на середину июля — время, когда летняя расслабленность и мысли об отпуске снижают интерес к избирательным проблемам. Но в поселке Балина сезон лова омаров только закончился, сезон лова лососей только начался, и косяками в сотни тысяч появилась макрель. В эти считанные теплые недели, когда, наконец, не надо надевать пальто, радостное возбуждение овладело всеми. Еще голоса не успели подсчи-

тать, как Джейн Биллингс уже устроила у себя прием в честь победителя на выборах.

— Ведь кто-нибудь все равно победит, не правда ли? — прощebetала она по телефону, приглашая нас. — Пусть вся компания будет в сборе к моменту, когда объявят результаты. Ждем вас!

Любопытство повлекло нас в гости. Когда мы вошли, Роджер на кухне открывал первую дюжину бутылок шампанского. Гостиную превратили в бар, полный бутылок с крепкими напитками и пивом. Ради этого вечера Джейн надела вечернее платье с ниткой жемчуга.

На этот раз среди обычной публики оказались и новые лица. Били и Нелли Доллимаунт смущенно жались в гостиную, вежливо отказываясь от любого угощения, кроме чая. Они считали, что негоже пить спиртное в доме у доктора. А вот Фреда Фаджа подобные мысли не терзали. И хотя в доме Биллингсов он был только один раз, когда заезжал в своем такси за их гостем, в этот вечер он то и дело навевался в бар, каждый раз расплескивая на светлый ковер вино из рюмки. Странное это было сборище, и к моменту объявления результатов выборов дом заполнило множество людей: робких, и подобострастных, и просто подпивших.

Поселковый секретарь мистер Харви Спенсер появился с результатами голосования вскоре после девяти вечера. Бледный горбун лет пятидесяти. Свою профессию он обрел в одной из самых тяжелых жизненных школ — в туберкулезной лечебнице, где он оставил четыре года жизни и одно легкое. Впрочем, нет худа без добра, пребывание в больнице позволило ему по возвращении стать в поселке человеком особым. В лечебнице Харви научился печатать на машинке и составлять официальные письма, он стал экспертом по различным гражданским делам, оповещал сограж-

дан о сроках выплаты налогов. Трудился он в маленькой конторке, пристроенной к его дому. Он со скрупулезной педантичностью составлял официальные письма и очень усердно относился к своим обязанностям муниципального чиновника.

Он появился в гостиной Биллингсов с листком бумаги, на котором собственноручно напечатал фамилии одиннадцати кандидатов, расставив их в соответствии с количеством поданных голосов. Однако Харви Спенсер был слишком застенчив и голос у него был слишком тихий, чтобы огласить результаты голосования перед столь почтенной аудиторией. Поэтому он вручил листок Фримэну Дрейку, тот встал и откашлялся. На Фримэне был элегантный темно-синий блейзер и серые фланелевые брюки. Он поправил галстук и принял соответствующий моменту торжественный вид.

— Мистер Спенсер попросил меня огласить результаты выборов, — произнес он громко, заставив всех немедленно замолчать. — Я прочту фамилии избранных в соответствии с количеством поданных за них голосов.

И начал:

— Фримэн Дрейк.

Эта фамилия открывала список, что означало: он будет мэром. Раздались аплодисменты. Барбара подошла к Фримэну и поцеловала его. Роджер пожал ему руку, Виктор Мосс потрепал по плечу, а кто-то хлопнул по спине.

— Спасибо, большое спасибо, — с важным видом раскланивался Фримэн, как и подобает будущему мэру. — Постараюсь оправдать ваше высокое доверие. В ближайшие годы Балину ожидает дальнейший рост и процветание. А сейчас я оглашу список остальных избранных кандидатов.

Среди избранных оказались Джейн Биллингс,

Виктор Мосс, Роджер Биллингс, Фред Фадж, Дэн Куэйл-старший и Билли Доллимаунт. Последним в списке значился Билли, который был мэром в течение двенадцати лет. А Джейн Биллингс стояла в списке второй, это означало, что она теперь заместитель мэра и будет вместо Фримэна во время его отлучек.

— Итак, дамы и господа, таковы результаты, — торжественно заключил Фримэн. — А сейчас будем веселиться и поблагодарим доктора Биллингса и его супругу, которые организовали для нас эту чудесную вечеринку.

Поселковый секретарь положил свой листок на журнальный столик, и я приблизилась, чтобы еще раз взглянуть на результаты выборов. Бухгалтеру Джорджу Коссару для избрания не хватило четырех голосов. А Оби Кендэл отстал от Джорджа всего на два голоса. Оби добился на удивление высокого результата, хоть и слыл радикалом.

Только двоих членов нынешнего совета — Фреда Фаджа и Билли Доллимаунта — ничто не связывало с рыбозаводом. Но даже если бы они и захотели, обойти Фримэна Дрейка они все равно не смогли бы.

Когда появились Дуг и Марджери Макэккерн, Билли Доллимаунт с женой уже надевали плащи в прихожей.

— Хорошо, что хоть ты, старина Билли, остался в совете, — сказал Дуг. — Им не обойтись без опытного человека, это точно.

— Чего уж там, мое время прошло, — усмехнулся Билли. — Побыл я мэром не так уж мало — теперь пусть будет другой. Все течет, все меняется, так ведь?

Они ушли, а Дуг с Марджери подошли ко мне, как раз когда я разговаривала с Айрис Финли, которая преданно поддерживала своих друзей Дрейков.

— Что вам, девушки, принести выпить? — Дуг посмотрел в сторону бара. — Может, шампанского? Бог ты мой, у нас даже на свадьбе не было столько шампанского! — присвистнул он.

— Шампанское мне в нос ударяет, — подхватила Марджерри.

Поскольку шампанское также не относится к числу моих любимых напитков, мы пришли к общему мнению, что лучше выпить по чашке чая. А так как праздновать нам было нечего, мы решили, что с таким же успехом чаю можно попить и на кухне у Макэкернов. Марджерри только что испекла шоколадный торт — тут уж Фарли не устоит.

Я отправилась на поиски Фарли и услышала его голос, доносившийся из кладовки позади кухни. Он говорил громко, о чем-то споря с Фримэном.

— Ведь вам все равно... вы не поймете... Время сейчас не то, когда можно помыкать людьми. Они сами хотят быть в ответе за свое будущее... за их будущее... — Фарли произносил яркий, но несвязный монолог-призыв во славу всевозможных гражданских добродетелей, таких, как справедливость, демократия, любовь к ближнему. Последнее время он занимался этим постоянно, при каждой встрече с Фримэном.

— Почему ты, Моуэт, считаешь, что мне плевать на твое мнение? Я забочусь о людях, а они в свою очередь не забывают про меня. Ведь это они, черт побери, избрали меня мэром! Дорогой мой, они *прекрасно знают*, кто обеспечивает им работу. Такова жизнь: рыба ищет, где глубже...

Вот так они могли спорить целую ночь, но, к счастью, кто-то подошел — передал Фримэну записку. Я воспользовалась этой возможностью, чтобы увести Фарли в гости к Макэкернам.

Одеваясь, мы вдруг заметили развалившегося

в кресле Фреда Фаджа. Полузакрыв глаза, он покачивал рюмкой в такт словам, которые обращал к невидимому собеседнику. Говорил вполне связно, хотя язык у него и заплетался.

— Надеюсь, когда придет время отправиться домой, он не сядет за руль в таком виде, — заметил Дуг, пронзая Фреда колючим взглядом блюстителя закона.

Ему еще предстояло взыскать первый штраф за нарушение правил уличного движения. Автомобили, так же как и алкоголь, были здесь пока редкими явлениями. Фред поймал на себе укоризненный взгляд Дуга и отвернулся.

Мы уже выходили на улицу, когда послышался голос Фримэна, делавшего объявление:

— Дамы и господа! Мне только что сообщили, что мистер Билли Доллимаунт, наш бывший мэр, решил подать в отставку с поста члена нового совета. Лично я очень сожалею об этом, и вы, я думаю, разделяете мои чувства. Его опыт был бы нам очень полезен. Но нам ничего не остается, как ввести в совет кандидата, получившего среди остальных наибольшее число голосов, и тем самым заполнить вакансию. И этот кандидат... мистер Коссар. Я не ошибся, мистер Спенсер? Да, именно так: мистер Джордж Коссар стоит на седьмом месте.

Итак, освободившееся место займет бухгалтер рыбозавода, владельцем которого является Фримэн. Коссар поднялся и оглядел комнату, словно ожидая аплодисментов, аплодисментов не последовало. Бухгалтер, мрачный человек с тонкими губами, очень гордился тем, что он не пил и не курил.

— Пойдемте, — сказала я Марджеру. — Противно видеть все это.

Мы попытались уговорить и Айрис Финли пойти с нами, но она была поглощена беседой с

Виктором Моссом, и уходить ей явно не хотелось.

Мы вышли на улицу и направились по дороге, поднимавшейся в гору.

— Бедняга Билли! — сказал Дуг.

— Никаких шансов победить эту свору у него не было, и он это прекрасно понимал, — заметила Марджери.

— Но это же, черт побери, несправедливо, — громкий голос Фарли разорвал промозглую темноту.

— Что — несправедливо?

— То, что они просто кооптируют очередного кандидата из списка с наибольшим числом голосов. Наверняка, черт побери, полагается в таком случае проводить довыборы или что-нибудь в этом роде.

— Кто его знает, Фарли... — подумав, сказал Дуг.

Полиция не вмешивается в политику. Она должна следить за соблюдением законов, и Дуг не имел права распространяться о том, что он лично думает про тех, кто эти законы придумал.

— Я не слишком хорошо знаком с законами о муниципальных выборах. Но, знаешь, стоит, пожалуй, с ними познакомиться.

— Пошли быстрее, а то промокнем! — забеспокоилась Марджери. — Будем есть торт и забудем все хоть на один вечер. Неужто нельзя поговорить о чем-нибудь более приятном?

14

Лишь в последнее воскресенье июля мы с Фарли принялись грузить продукты и все, что нам было необходимо, на борт нашей небольшой шхуны "Веселый путешественник". Много месяцев она простояла на якоре в скалистой бухточ-

ке, ожидая, когда же наконец установится хорошая погода, подходящая для морской прогулки. Отважными мореплавателями мы себя не считали, и чем дольше жили бок о бок с необузданной морской стихией, тем все меньше испытывали желание отправиться куда-либо под парусом. И уж тем паче на этой старой утлой посудине, которая доставила нас в поселок. Если бы мы не застряли здесь настолько, что и выбраться уже было некуда, никогда бы, наверное, не полюбили это место. Казалось, сама судьба связала нас с этой шхуной.

Своей пристани или места у причала у нас не было, но Эзра Роуз предложил нам воспользоваться его причалом. Сначала мы все свои вещи: сковороды, веревки, спальные мешки, морские карты, консервы и книги — перетащили из дома к пристани, а затем погрузили все в шлюпку и уж потом, на веслах, перевезли на шхуну. Мы решили поехать отдохнуть, пока еще не знали куда — в какую-нибудь бухточку или залив, где не ступала нога человека. День был чудный, и все наши страхи скоро улеглись, погода сама манила нас в море. Был полный штиль, и, когда церковный колокол начал свой воскресный утренний перезвон, казалось, он раздается совсем рядом, хотя церковь находилась около мили от нас. Погода выдалась жаркая, а поскольку такое выпадало крайне редко, я этот день хорошо запомнила.

На скамейке у мостков сидели Эзра Роуз и Дэн Куэйл-старший и внимательнейшим образом следили за нашими приготовлениями, отмечая в памяти все, что мы берем с собой. При этом они обсуждали разные местные проблемы, но мне показалось, что прошедшие выборы интересуют их гораздо меньше, чем наши приготовления.

— Клемент Ледрю уехал отсюда богачом, и я

думаю, что доживу до того дня, когда и мистер Дрейк отчалит вот так же, — услышала я голос Эзры, поднимаясь на мостки по боковой лестнице. Говорил он будто выплевывая слова, а потом взял да и в самом деле плюнул в море. — Разве я не вкалывал на мистера Ледрю все эти годы по двенадцать часов в сутки, солил рыбу? А что получал? Всего-то пять центов в час. Я-то помню, ни центом больше. Вот и нажил себе артрит — не один год простоял в холоде на пристани, согнувшись в три погибели.

— Да, Эзра, то ли было дело полсотни лет назад, — подхватил Дэн Куэйл. — Сейчас, конечно, все не то... Тогда на пять центов можно было купить поболее, чем сейчас.

— Да не в том дело. Он ведь миллионером отсюда уехал. Как же так получается — он разбогател, а мы, бедняки, так и остались бедняками? Вот скажи, почему это, а?

Ответить на этот вопрос Дэн не смог. Он уже не раз выслушивал рассуждения Эзры по поводу экономики рыбного промысла. Да и не только он, многие другие. Как в представлении народного кукольного театра, в суждениях Эзры мир четко делился на добрых и злых. И все же когда Эзра начинал свой замечательный монолог, в памяти его собеседника тут же оживали забытые истины. Стайка внуков Дэна, удивших рыбешку под мостками, в десятый раз с удовольствием слушала его обличительные тирады.

— Взять хотя бы этого Оби Кендэла, — предостерегал он, — дай только таким молодцам добраться до власти, и к ним впору полицейского приставлять для острастки!

— Да уж, такие, как Оби Кендэл, до добра не доведут, — задумчиво поддержал его Дэн-старший, хотя в глубине души и он считал, что рыбозаводу положено платить налог. Когда-то, когда

сам Дэн состоял в совете поселка, он чуть было не убедил остальных членов совета принять действенные меры: пойти и заявить самому мистеру Дрейку, что ему, как и всем прочим крупным владельцам, следует платить налог. Но это происходило в те дни, когда после волнений среди рабочих мистер Дрейк заговорил о том, что собирается закрыть рыбозавод и перевести его в другое место, вот члены поселкового совета и побоялись идти напролом. Тогда предложение Эзры не поддержали. Ну а новый совет — Дэн был в этом уверен — на такое не решится.

К полудню мы все погрузили на шхуну. Подул легкий западный ветерок, мы были готовы к отплытию. Подплыв в шлюпке к шхуне, мы переселись в нее, а шлюпку привязали к корме.

— Попутного тебе ветра, шкипер, до самого Порту! — крикнул нам вслед Дэн-старший. Много лет тому назад у берегов Португалии он пережил кораблекрушение.

— Да мы не так далеко, — отозвался Фарли.

— Тогда до Азорских островов, значит! — заключил Эзра.

Фарли разложил карту на столе в нашей крохотной каюте. Западный ветер означал, что мы можем двигаться куда угодно в восточном направлении. Для начала решили навестить заброшенный поселок Кюль-де-Сак-Вест¹, в десяти милях отсюда.

— Там можно превосходно переночевать, — сказал Фарли, прокладывая по карте курс. — С подветренной стороны мыса отличная стоянка. Ну, дружище, — произнес он, будто заправский опереточный капитан, — пора сниматься с якоря!

На море мне не удалось подняться по службе выше палубного матроса или галерного гребца.

¹Западный тупичок (франц.).

Обычно выходило так, что мое место неизменно оказывалось у плиты, а не у румпеля. Мне с большим трудом давалось древнее искусство обуздания ветра, когда человек заставляет корабль двигаться в нужном направлении. Шхуна была снабжена старым грохочущим дизельным движком, который в случае необходимости мог помочь нам идти против течения или выбраться из коварной бухты. Но Фарли считал для себя зазорным заводить движок без крайней нужды.

Мы плыли на восток, и постепенно каменистые плоские берега уступили место высоким, величественным утесам. В такой ясный, безоблачный день, кажется, можно увидеть любой корабль, как бы далеко он ни находился, но в поле нашего зрения не было ни единого суденышка, и мы в полном одиночестве плыли по бескрайнему спокойному океану. Мне было очень жаль, что вокруг безлюдно и некому вместе с нами полюбоваться великолепной картиной.

Мы пообедали на палубе: хлеб, сыр, сардины и немного вина — наше стандартное меню во время путешествий, хотя надо сказать, на море все кажется намного вкуснее, чем на суше. На шхуне не было электричества, а значит, и холодильника. Однако даже в разгар лета мы не очень-то без него страдали. Сливочное масло, сыр, бекон и картофель хранились в специальном ящике под палубой, где было достаточно прохладно. Правда, и сама я все время мерзла, хотя на мне были толстый свитер, водонепроницаемая куртка, джинсы, толстые носки, резиновые сапоги и перчатки. Фарли, который более спокойно переносил холод, был одет полегче.

— Мы можем пройти еще немного, — сказал Фарли, оглядывая берег. — Еще только четыре часа, светит солнце и хороший попутный ветер. Ты как считаешь?

- А куда мы поплывем?
- Может, до Бешеной реки?
- Что же, давай!

— Прощай, Кюль-де-Сак-Вест, — отсалютовал Фарли далекой бухте, когда мы проплывали мимо. — Мы посетим тебя когда-нибудь в другой раз. Сегодня же нас манят иные дали.

Еще часа два мы плыли мимо неприступных утесов. Фарли сверился с картой и, наконец, направил нашу шхуну к едва видимой расщелине в каменной громаде высотой не меньше тысячи футов. Это и было устье Бешеной реки. Мы опустили грот и, включив движок, осторожно вошли в зловещую и грозную расщелину. Внезапно прямо перед шхунной встала стена бурлящей зеленой воды, мощной волной обрушившейся на наше суденышко. Шхуну качнуло — пластмассовые чашки и тарелки покатались в желоб для стока воды. Лицо и волосы мгновенно стали влажными от брызг. Фарли навалился на румпель, пытаясь вывести шхуну на середину реки, подальше от грозных стен каньона. Я кинулась спасать разлетевшиеся по палубе карты, бинокль и куртки. И вдруг так же внезапно, как бурная волна накатила на нас, все стихло. Мы плыли среди скал по широкой и спокойной реке. Впереди, в миле от нас, показались сгрудившиеся на берегу домики какой-то деревушки, окруженной задумчивыми холмами, освещенными закатным солнцем.

— О господи, — сказала я, — теперь я понимаю, почему французы называли эту реку Бешеной.

— Мы попали в волну отлива, — объяснил Фарли, надевая сухую рубашку, — но это цветочки, тут еще не такое бывает, если задует зюйд-вест.

Перспектива еще раз очутиться в яростном водовороте повергла меня в раздумье. Может, остаться здесь навсегда, на этой Бешеной реке, и

начать новую жизнь? Быть может, именно так определилась судьба тех, кто живет в деревушке, к которой мы приближались?

Вспомнив все свои мореходные навыки, я поставила фок, и мы медленно поплыли по реке.

Деревенские домики были яркие, как на картинке. Они усеяли подножие огромного утеса, выступавшего мысом, и издали казалось, будто они лепятся один над другим, точно в горных деревушках Италии или Испании. С утеса устремлялся к деревне сверкающий поток, словно поглощенный внизу лабиринтом домиков. Приблизившись, мы увидели группки людей, которые шли к причалу. Когда наша шхуна подошла к берегу, встречать нас высыпало все население деревушки. Народ толпился на маленьком причале, словно в торонтском метро в час пик. Фарли лихо развернул шхуну бортом к причалу. Люди на берегу замороженно смотрели на нас. Однако никаких приветствий мы не услышали — нас встретила гробовая тишина.

Как и у многих других поселений острова Ньюфаундленд, у этой деревушки было почтовое название, которое значилось на карте, но островитяне называли ее совсем по-другому. Так, местные называли реку Рози-ривер, и только приезжие вспоминали ее официальное имя, сохранившееся с тех далеких времен, когда эти места считались французской колонией.

На Ньюфаундленде про Рози-ривер много всякого рассказывали. Я и не мечтала попасть в эти места, они казались мне далекими, как сказочный Китай. Дорог сюда не было, а рейсовый пароход, ходивший вдоль побережья, заворачивал в устье реки, только если позволяли капризы природы: приливы-отливы, туманы и ненастье, да и то заходил он сюда не более чем на пять-десять минут. Мало кто из жителей Балины здесь

бывал, но тем не менее неизменными персонажами всех балинских анекдотов был человек с Рози-ривер. Точно такие же истории рассказывают канадцы, живущие на материке, про жителей Ньюфаундленда. "Речники" считались бездельными провинциалами, хоть и были родственниками, и говорили-то они смешно, и ходили в каких-то обносках, и вообще никак не могли взять в толк то, что их более просвещенным сородичам из Балины, с острова Джерси и других мест было давным-давно привычным. Соседские ребяташки, которые заглядывали ко мне на кухню, утверждали, что все знают про Рози-ривер, что там одни лентяи и бедняки живут. Они, например, рассказывали, что люди одеваются там в рубища. Недаром же на Рози-ривер все отправляли свою старую одежду. Была даже сложена песенка про эту Рози-ривер, и однажды Дороти и Рут с удовольствием мне ее пропели:

Над речкой Рози-ривер
Солнышко сияет,
Все парни молодые
Лежат и загорают.
Когда же, когда же
Причалит пароход?
Пособие в конверте
Лентяям привезет.

Власти предпринимали неоднократные попытки переселить "речников" в более оживленные места, вроде Балины. Сколько сюда приезжало людей уговорить местных переселиться, и все семьи как одна только отмахивались от них. И хоть доктор заглядывает в эту деревушку один-единственный раз в несколько месяцев, и в школе целый год может не быть учителя, да и почта неделями не поступает, жители поселка Рози-ривер оставались непоколебимыми в своем

убеждении: здесь их родной дом и здесь они останутся навсегда.

Итак, наконец я вижу этих легендарных людей. Они не спускают с нас глаз и следят за каждым нашим движением. Наконец мы причалили, и я занялась работой на палубе, искоса время от времени бросая пытливый взгляд на толпу, собравшуюся у причала. Подтверждая молву, одеты все были и впрямь неказисто: на маленьких девочках непомерно большие, доходящие им до щиколоток выцветшие ситцевые платишки, а мальчишки в штанах, продранных на коленях, и рваных на локтях рубашках. На краю пристани сидели, болтая ногами, три молоденькие девушки. На всех трех одинаковые красные пластмассовые сандалеты. Потом я установила, что почти на всех детях здесь такие же. Очевидно, в этом году сюда завезли одинаковую обувь. Тем же, кому меньше повезло, пришлось донашивать старые теннисные туфли.

Разглядывавшие меня в упор женщины были и в самом деле одеты в старые, присланные далекими сородичами платья из муаровой тафты, искусственного шелка, линялого однотипного ситца. Именно сюда посылала свои старые платья Барбара Дрейк, и я не могла удержаться от того, чтобы не поискать вещи, которые когда-то принадлежали ей. Волосы у всех женщин и даже у девочек старше десяти лет после самодельного перманента закручивались тугими маленькими завитками, так что головы казались покрытыми каракулевой смушкой. Мои прямые как солома волосы, видимо, вызывали у всех изумление.

В центре толпы тесной группкой стояли старики. Все они были в мешковатых брюках, в теплых фланелевых ковбойках и вязаных шапочках, все курили трубки, жевали табак и не спускали с нас глаз. Наверное, мы им казались при-

шельцами из другого мира. Ведь мы прибыли на деревянной шхуне, а таких здесь не видывали уже лет сорок. Кроме того, капитан шхуны носил длинную бороду — такую, какая была у их отцов, а ведь мода на бороды прошла тоже сорок лет назад. А вдруг наш маленький кораблик, вроде Летучего Голландца, давным-давно скитается по холодному океану, в то время как жизнь на берегу идет и идет своим чередом?

Молчание длилось долго, очень долго, наконец один из стариков осмелился обратиться к Фарли:

— А что, шкипер, на борту, кроме тебя и твоей хозяйки, никого нет?

— Никого. Мы вдвоем. Приплыли из Балины.

— Он капитан, а я — команда, — добавила я. Именно так я обычно посвящала всех в то, как мы разделяем свои обязанности.

В ответ — молчание. Люди на пристани продолжали смотреть на нас с нескрываемым удивлением. У них женщины в море не ходят, а если это и случается, то только в роли пассажирок, да и то соглашаются они на это с большой неохотой. Я посмотрела на девушек, сидевших на краю причала, и улыбнулась им. Все трое светловолосые и, несмотря на нелепый перманент, прехорошенькие. Но они в ответ не промолвили ни слова и даже не улыбнулись. Очевидно, чувство морского товарищества здешним женщинам неведомо.

— А нельзя ли у вас тут свежей рыбки купить? — спросил Фарли, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Нету, сэр. По воскресеньям не ловим. Грех.

Ну да, сегодня же воскресенье. День отдыха. Интересно, подумала я, чем они занимаются по воскресеньям? Церковь здесь была, а вот священника не оказалось.

Я спустилась в каюту и занялась приготовлением ужина из того, что было под рукой — говяжья

тушенка с картошкой. Хорошо бы, завтра кто-нибудь из здешних жителей отправился порыбачить.

Пока мы возились с ужином, толпа все не расходилась. Несколько зевак отошли, но на их место явились новые. Стало ясно, что они нас в покое не оставят. Несмотря на непрекращающуюся вахту на пристани, мы, по своей укоренившейся привычке, пили кофе на палубе, чтобы полюбоваться закатом и таким образом отметить конец еще одного дня. Когда последний солнечный луч погас на западе, все зеваки убралась с причала. И тут я увидела такое, чего ни раньше, ни потом мне видеть не доводилось: затянутые кружевными занавесками окна в деревушке засияли мягким золотистым светом керосиновых ламп. Мы с Фарли еще долго любовались этим необычным зрелищем, пока окна одно за другим не стали гаснуть — обитатели домиков ложились спать. Тогда и мы спустились в каюту, задули свою лампу и влезли в спальные мешки. Я тут же погрузилась в беспокойный сон, предвкушая завтрашнее знакомство с жизнью поселка Розиривер.

15

Все тридцать четыре домика деревушки располагались на пяточке площадью не более одного городского квартала. Казалось, деревушка бежит под уклон, а тыльной стороной упирается в стену скалы-монолита. Скала была неприступной, как южный траверс Эвереста. Мне сказали, что ни один безумец не отважился на нее забраться. Впрочем, жителям поселка Розиривер хватало забот и без всяких восхождений.

После завтрака мы сошли на берег и решили прогуляться. Недавно посыпанная гравием доро-

га поднималась по склону и исчезала в лабиринте домиков и сараев. Там и сям ее пересекали дорожки поуже. Дома жались друг к другу, как в городе. Надежные двухэтажные постройки. Легкомысленным коттеджам здесь явно не место. Но что особенно поразило меня, это цвет, в который были выкрашены дома: каких только немыслимых сочетаний красок, выпускаемых нашей промышленностью, здесь не было! Бирюзовые дома с желтыми наличниками, розовые дома с голубыми дверьми, оранжевые — с зеленым крылечком. Словно нью-йоркские абстракционисты, жители Рози-ривер были нетрадиционны в выборе окраски своих домов.

Во всем поселке не было никакого моторизованного транспорта. На всех дорожках нам попадались овцы. Они паслись, где им вздумается: ощипывали кустики выбивающейся из-под заборов травы и крошечные островки зелени, которые каким-то чудом укоренились в расщелинах скал. Их можно было увидеть даже на кладбище — единственной в этих местах ровной площадке, не занятой домом или огородом. Часток окружал любой клочок плодородной земли, ограждая от скота картофельные грядки. На Ньюфаундленде в отличие от общепринятого строительства загонов для домашнего скота жители возводят заборы, чтобы оградить свои жилища и посевы от него. Эти некрашенные частоколы из тоненьких еловых стволиков тянулись по всей деревне, так что вся она походила на один большой палисадник. Эти же чахлые елочки заменяли и веревки, хозяйки вешали на них белье в день стирки — главным образом по понедельникам.

То, что все хозяйство здесь приходилось вести на таком крошечном клочке земли, требовало от деревенских жителей невероятной изобретательности. Если бы какому-нибудь градо-

строителю предложили разместить поселок на таком зажатом между рекой и скалами тесном участке земли, он пришел бы в отчаяние и, безусловно, предложил бы выбрать другую площадку. Но все дело в том, что переселяться-то было *некуда* — на десятки миль вокруг были только голые скалы. Фарли высказал предположение, что задолго до появления европейцев индейцы из племени беотук наверняка использовали именно это место в качестве стоянки. Они не могли не оценить естественных преимуществ этого укромного уголка: он был надежно защищен от штормовых ветров, здесь было достаточно пресной воды и отсюда есть выход и к морю, и в центральную часть острова.

Пока мы разгуливали по поселку, местные жители разглядывали нас из-за занавесок. Наше появление по-прежнему оставалось главной местной новостью. Целые ватаги ребятишек глазели на нас, даже не пытаясь скрыть своего любопытства. Куда бы мы ни шли, дети не отставали от нас ни на шаг, их становилось все больше и больше, и вскоре мы с Фарли стали ходить на Гамельнского музыканта, заморозившего своей музыкой и уводящего из города крыс.

Мы немного побродили в сопровождении нашего эскорта по тропинкам и, наконец, остановились у дверей местной школы. Скромно приютившийся на задворках поселка щитовой двухкомнатный домик явно нуждался в покраске. Маленькая англиканская церковь без колокольни, находившаяся рядом, была в таком же плачевном состоянии. Без сомнения, ни школа, ни церковь не считались здесь достопримечательностью, подобно ярко раскрашенным домикам.

Мы продолжали свою прогулку, и дети уже стали болтать с нами по-дружески, однако взрослые, которых мы встречали на своем пути, лишь

вежливо кивали и спешили дальше по своим делам. Только одна любопытная толстуха в старом фартуке поверх платья не уходила от своей калитки, пока наша процессия не прошла мимо.

— Сказывали, тут приезжие разгуливают. Вот я и вышла посмотреть, — выпалила она, не сводя с нас глаз.

— А прекрасный сегодня денек, — сказал для затравки Фарли.

— Да, тепло, — согласилась женщина.

— В самый раз белье сушить, — поддержала я эту дружескую беседу, хотя на самом деле погода была не такой уж приятной — безветренно и душно. Да еще полчища гнуса вились вокруг.

— Да, милая, сегодня только и сушить, — сказала хозяйка. Она явно не хотела мне возражать.

Мы немного постояли, отгоняя гнус, и поговорили про погоду, про картошку и про наш "красивенький кораблик".

— И я страсть как люблю плавать по речке в лодке. Когда мой дома, мы часто садимся с ним в лодку и плывем. А нет его — мне одной скучно, — сказала женщина.

— А где он, ваш муж, в море? — спросил Фарли.

— Нет, добрый человек, он у меня в *бакамсе*, — ответила женщина. — Не скоро вернется. Когда самолет оттуда будет.

И, помолчав немного, она добавила:

— Да ведь он и в прошлом году в *бакамсе* был.

Мы не поняли, что она имеет в виду, и, отойдя достаточно далеко, чтобы она не слышала, Фарли спросил у одного из ребят, что такое эта женщина рассказывает про своего мужа, что с ним случилось.

— Да в *бакамсе* он, — лаконично и загадочно повторил один из мальчишек.

Было совершенно очевидно, что распростра-

питься на эту тему он больше не намерен, и нам пришлось отказаться от дальнейших расспросов. Может, этот бедняга угодил в больницу для умалишенных?

Я подумала, что за жизнь у этой женщины — появление нового лица для нее целое событие, вроде пожара, засухи или урагана. Интересно, много ли новых людей ей придется увидеть на своем веку? А я встречаю за один день в городе столько незнакомых людей! Мне захотелось узнать массу вещей: чьи это овцы, хозяйские или общие? Растет ли здесь что-нибудь помимо картошки? Куда они ходят за ягодами? Обо всем этом я расспрашивала детей, которые все еще тащились за нами, но они либо очень смущались, либо просто не понимали мою речь. Во всяком случае, они почти не отвечали мне. Наконец один храбрый малыш все-таки поведал мне, что возле речки "пропасть черники". И еще мы выяснили, что, "если пойти вверх по реке", можно увидеть множество чудес: и лососей, и форель, и лосей, и оленей, и куропаток, там и диких ягод полно, и дров для печки.

На крыльце большого желтого дома в окружении вороха древесных стружек седой мужчина что-то строгал ножом. Большой старый пес и с десяток кур бродили по двору.

— День добрый, шкипер! — приветливо крикнул он нам.

— С хорошей вас погодой! — отозвался Фарли и, воодушевленный проявленным к нему вниманием, спросил: — А что вы строгаете?

— Да метлы, как всегда... Заходите, заходите... И вы, и хозяйка ваша, — пригласил он.

Мы открыли деревянную калитку и, наконец-то оторвавшись от своих спутников, поднялись по ступенькам. Старик занимался изготовлением древнейшего предмета домашнего обихода — мет-

лы. Она состояла из грубо обструганной ручки метра в полтора, которая внизу расщеплялась на тоненькие, как папиросная бумага, стружки. Для того чтобы нарезать такие стружки, требовались умение и ловкость. Длинные стружки потом загибались вверх и связывались, образуя, таким образом, пышный пучок. На крыльце в углу уже стояла связка готовых метел. Старик поднялся, взял одну и подал ее нам, чтобы мы рассмотрели получше.

— Я их из березы делаю, что вверх по реке растет, — сказал он.

— Очень красиво получается, — похвалила я, осматривая его изделия.

— Да ты возьми себе, красавица, возьми, — предложил он.

— Ой, что вы...

— Бери, бери. В доме пригодится. Я этаких метелок тысячи штук настругаю. Рыбозаводу продаю.

— Рыбозаводу в Балине?

— Ну да, и на остров Джерси. По сорок пять центов за штуку. И вон те завтра парходом отправятся.

Подумать только, есть еще кустари-одиночки, которые зарабатывают себе на жизнь таким вот древним ремеслом.

— А где вы научились метлы делать? — поинтересовался Фарли.

Вопрос, очевидно, поставил старика в тупик, об этом его еще никто не спрашивал.

— Дак ведь тут чуть ли не каждый-всякий их мастерит, — сказал он. Точно припомнить, когда и как он овладел этим мастерством, старик не мог. В его времена каждый сызмальства учился ножом орудовать, деревья валить и воду возить. — Так вот, шкипер, звать меня Чесли Грин, — обратился он к Фарли, — а вас как величать?

— Фарли Моуэт. А это Клер, моя жена.

Я присела на верхнюю ступеньку крыльца и стала смотреть, как длинные стружки, словно в сказке, выростали на конце новой метлы. На веранду вышла и засуетилась жена Чесли.

— Пожалуйста, заходите в дом. Незачем тут сидеть. Пожалуйста на кухню, — приветливо затараторила она, давая понять, что мне не следует сидеть на ступеньках и участвовать в беседе мужчин.

Я прошла за ней на кухню. Вернее, это я так решила, но, войдя в комнату и оглядевшись, я поняла, что меня привели в святая святых — в залу, где собирались только по большим праздникам. Здесь все блестело. Стены сверкали оранжевой краской. Линолеум "под паркет" сиял зеркальным блеском, отражая хромированные ножки стульев. Повсюду пластик и искусственная пленка "под дерево". Даже шторы были пластиковые. Вся комнаты сверкала, как начищенный самовар, который служит лишь украшением. Мы прошли через залу в кухню. Хозяйка предложила мне простой деревянный стул, который, судя по всему, из года в год заботливо подкрашивался новой краской.

Кухня была раза в два больше залы, но блестела ничуть не меньше. Здесь находилась большая сверкающая никелем плита, какие топят дровами и углем. Деревянный стол и стулья были выкрашены в ярко-желтый цвет, стены — алые, и потертый местами линолеум на полу был тоже подкрашен красной краской, только другого оттенка. На столике в углу красовалось живописное нагромождение тарелок и фарфоровых чайников, несколько фирменных каталогов и толстая Библия.

— Звать меня Перл, — с широкой улыбкой сказала жена Чесли. Во рту у нее не было ни одного

зуба. — Я сейчас поставлю чайничек, и попьем чайку. Вы, милая, любите чай?

Я сказала, что люблю, и она передвинула большой чугунный чайник на горячую сторону плиты. Я про себя удивилась, что у них в ходу такой допотопный громоздкий чайник. Сперва, когда я его увидела, я решила: это просто декоративный предмет — своего рода напоминание о прошлом среди массы современных вещей вроде пластмассовой свиньи-копилки или пепельницы с изображением правительственного здания в Сент-Джонсе.

— Прекрасный чайничек, — любовно произнесла Перл. — Он еще моей прабабке служил. Воду можно на ночь оставлять, и она цвета не меняет.

На материке этому чайнику самое место было бы в этнографическом музее. В Балине все потешались бы над таким старьем.

Перл, которой по виду не менее шестидесяти, была в длинной цветастой юбке, розовой кофточке с ожерельем из стекляшек на шее. На ногах у нее были мужские носки и черные замшевые туфли-лодочки. Светло-каштановые волосы были едва тронуты сединой, и, если бы Перл вставила себе зубы, она была бы почти красавица.

Преодолев первое смущение, Перл совершенно перестала меня стесняться и все говорила, говорила без умолку, но я не всегда ее понимала. Местный диалект заметно отличался от говора жителей Балины: вроде бы и похож, но интонации совсем иные. Перл ни разу не была не только в Балине, но даже в больницу никогда не ездила. А вот Чесли три раза лежал в больнице, Перл отлично помнила, когда и по какой причине.

Чай мы пили из дорогих английских чашек, разрисованных примулами, фиалками и еще какими-то диковинными цветами, которых в Розии-

ривер никто даже в глаза не видел. "Откуда здесь такие чашки? — гадала я. — Уж слишком хороши для какого-нибудь здешнего фирменного каталога. Может, какой-нибудь прадед привез их из поездки в Галифакс, Сент-Джонс, Бристоль или Ливерпуль?" Но спрашивать я постеснялась.

Когда я стала собираться к себе на шхуну, Перл подарила мне каравай домашнего хлеба — трудно придумать лучший подарок для тех, кто живет на борту маленького суденышка и где для готовки есть всего лишь двухконфорочная газовая плитка.

Я спустилась в наш маленький камбуз, чтобы подогреть банку супа-концентрата, который мы будем есть с нашим драгоценным хлебом. Фарли задержался на палубе, чтобы починить радиоантенну: ее сорвало с мачты во время нашей борьбы со стихией при входе в устье реки. Я уже ставила на стол тарелки, как вдруг услышала приближающийся шум мотора. А через минуту прозвучало где-то приветствие и на палубу шлепнулся канат. Потом послышался скрип деревянной обшивки, трущейся о борт другого судна. Кто-то причалил к нашей шхуне, я поднялась на палубу посмотреть.

Рядом со шхунной стоял обшарпанный серенький грузовой катер балинского рыбозавода, который рабочие прозвали "морской воробей". Обычно его использовали для всевозможных грязных работ, как, например, вывоз в море рыбных отходов. Однако в это лето он курсировал вдоль побережья, скупая сельдь у речных рыбаков. На селедку хорошо идет треска, но бывают годы, когда селедки не хватает. Катер мы сразу узнали, но никак не ожидали увидеть на его борту рядом с капитаном нашего священника Мэттью Уэя. В Балине мы виделись с ним нечасто, потому что, имея три прихода, Уэй был все время в разъездах.

— Ну и встреча! — воскликнул Фарли.

— Как добрались? — спросила я.

— Да, слава богу, все в порядке. Сегодня спокойный денек, — сказал он и, вынув носовой платок, вытер потный лоб. — Я, знаете ли, плохо переношу морскую качку. Но сегодня море, как говорится, плоское, как тарелка. Словом, дошли хорошо, — сказал он, смеясь. Ему было жарко в сутане с закрытым воротом.

— Идемте к нам, вниз, — предложил Фарли Узю, когда капитан "морского воробья" отправился в поселок. — У нас наверняка найдется что-нибудь для укрепления нервной системы. — Фарли вытащил из камбуза бутылку вина.

— Как же так, вы не переносите моря, а епископ посылает вас именно сюда, в эти края? — спросил Фарли.

— Кому-то надо было ехать, — с усмешкой, но твердо сказал Мэттью. — Если бы не эти морские "путешествия"... А так мне здесь очень нравится. Здесь столько прекрасных людей. И работы в приходах хватает. По горло.

— А как часто вы приезжаете сюда, в Рози-ривер? — спросила я.

— При первой же возможности. То рейсовым пароходиком, то этим грузовым катером рыбозавода, а то и санитарным, если они сюда направляются. По воскресеньям я редко сюда наведываюсь, но народ особо не сетует. Своего священника в Рози-ривер никогда не было. Так что насчет чудес они не обольщаются, — он засмеялся. — Может, и напрасно... Вот ведь сегодня я добрался до них, и меня не укачало, разве это не чудо?

— Тут, наверное, все ревностные прихожане? — спросила я.

— Я бы не сказал, — снова усмехнулся Мэттью, но уже не так весело.

— Здание церкви обветшало, — сказал Фарли.

— Так мы новую будем строить! Давно пора. Нельзя забывать, что в такой глуши это особенно важно. Люди здесь подолгу предоставлены сами себе, никакой помощи ниоткуда, — продолжал Мэттью. Он тщательно выбирал слова, не желая задеть свой самый маленький и бедный приход. — Но эти "речники" — удивительно независимый народ. Хотя в общем-то, чтобы выжить, приходится быть такими.

— А скажите, Мэттью, как давно существует это селение? — спросил Фарли.

— Точно сказать не могу. Старые кресты на кладбище — деревянные, а дерево ведь сохраняется не так долго. Самая старая из здешних прихожан — старуха девяноста восьми лет, она говорила, что и бабка ее родилась здесь. Значит, если подсчитать, то получается, что их семья живет здесь с начала прошлого века. Конечно, и предки той старухи тоже могли жить здесь. Только мы этого не знаем. История таких маленьких местечек неизвестна. Ведь никаких письменных документов нет. Мы видим, что у жителей английские фамилии, вот и все. Вероятно, выходцы откуда-нибудь из Дорсета или Девона¹, как и большинство жителей Ньюфаундленда.

— Да, Рози-ривер найти нелегко. Даже в ясный день можно плыть вдоль берега и не заметить узкого устья, — сказал Фарли.

— Именно. Зато уж если попадешь сюда, невозможно не восхищаться. Широкая река, деревья, страна изобилия. А вы бывали в верховьях реки, на ее притоках? — спросил Мэттью.

— Как раз после обеда туда собираемся, — ответила я.

¹ Графства в Великобритании.

— Может, и вы составите нам компанию? — предложил Фарли.

— О нет, нет, — ответил он с грустью в голосе. — Спасибо, конечно, за приглашение. Но мне здесь много нужно успеть, завтра должен прибыть, если, конечно, не опоздает, пароходик, плывущий на запад. Надо договориться, чтобы подвезли лес для строительства новой церкви, потом отслужить обедню, совершить крестины да еще навестить больных. Ну и надо искать второго учителя. Занятия должны начаться через три недели, а учитель у нас всего один.

— Так один все-таки есть? — спросила я.

— Да, нам повезло. Несколько лет назад сюда приехал с острова Пасс молодой учитель. Женился на местной девушке, здесь и остался. Но найти второго учителя — проблема. Не много находится желающих целый год прожить в такой глуши. Есть у меня на примете двое подходящих юношей. Оба они с острова Джерси и в этом году закончили школу. Я мог бы рекомендовать их в качестве учителей, но они ехать сюда не хотят.

— Скажите, Мэттью, почему все так пренебрежительно относятся к местным? — спросил Фарли. Священник покачал головой.

— Люди вообще стремятся быть выше других. Мне кажется, что это самый тяжкий порок.

— А насчет учителя надо бы дать объявление в "Торонто стар", — подсказала я. — Или, может, даже в "Нью-Йорк таймс". Десятки людей предложили бы свои услуги. Почему вы этого не делаете?

— Господь с вами! — воскликнул священник с неподдельным испугом. — Разве кто-нибудь из больших городов согласится сюда приехать? В Розе-ривер? Да ни за что! И жалованье здесь очень низкое, очень.

— Ну и что же? Найдутся люди, молодые и образованные, даже выпускники университета, которые захотят сюда приехать, хотя бы из жажды романтики.

— Едва ли они здесь надолго задержатся.

— Уверен, что на один учебный год их хватит. Разве с местными жителями дело обстоит иначе?

Мэттью прикидывал так и эдак, размышляя вслух, задавал нам вопросы, он не верил, что такое возможно: житель современного города пожелает добровольно переселиться на десять месяцев в Розы-ривер.

— Что ж, мне пора, — сказал он наконец, ставя на блюдце пластмассовую чашечку. — Каждый раз, когда я навещаю сюда, Флора Мэй ждет меня к себе на обед.

— Кто это, Флора Мэй?

— Флора Мэй Грин. Прекрасная женщина, очень добрая и очень деловая. У нее и учителя обычно останавливаются, она же местная телеграфистка. В общем, нечто вроде местной власти. Никакого официального положения она, правда, не занимает, но в поселке практически все делается или по ее инициативе, или с ее одобрения.

— А не приходится ли она родственницей Чесли Грину, тому, что делает метлы? — спросила я.

— Не думаю. — Священник помолчал. — Нет. Дело в том, что две трети местных жителей носят фамилию Грин. Можно подумать, что все они родственники, но это не так. Мне пока, правда, не удалось определить все их родственные связи, но сами они прекрасно знают, кто кому родня. Будьте уверены.

— Последний вопрос, Мэттью, прежде чем вы отправитесь по своим делам. Не знаете ли вы,

что имеют в виду местные жители, когда говорят, что кто-то "в бакамсе"?

— В бакамсе? — переспросил Мэттью. — А, наверно, имеется в виду Баканс! Ну да, Баканс. Это шахта в самом центре Ньюфаундленда. Вот уж лет пять каждое лето многие из жителей Розе-ривер отправляются туда на заработки. В шахту спускаются, ведут разведку. Работать приходится вдали от населенных мест, но это их, как видно, не смущает. В общем-то, к изоляции они с детства привыкают, но только там, на шахте, с ними ни жен, ни детей нет. На исходе каждой четвертой недели начальство отпускает всех по домам, потом снова собирает. Их доставляет сюда гидроплан. Местная детвора любит, когда он прилетает. Если поживете здесь, сами увидите. Работа местных людей на шахте заметно изменила их жизнь. Осенью рабочие возвращаются домой с немалыми деньгами.

— Значит, люди здесь не такие уж бедные? — заключил Фарли.

— Ну да! Потому мы и спешим построить новую церковь, пока средства есть, — сказал священник и зашагал по дороге в деревню.

Ташившаяся за нами по пятам радостная толпа ребятишек последовала за Мэттью Уэем, и вскоре они скрылись в лабиринте домов и садов.

К северу от деревни Розе-ривер (она же Бешеная река), постепенно расширяясь, текла между высоких отвесных скал. На вершинах рос густой еловый лес. Дальше река разделялась на три рукава: один устремлялся на север, другой — на северо-запад, а третий, самый узкий, — на запад. Мы выключили движок, и, пока изучали карту, решая, в каком направлении нам двигаться, шхуна по инерции плыла среди величественной тишины.

Практически первые карты этого мрачного края были составлены знаменитым капитаном Куком задолго до его плавания в южные районы Тихого океана навстречу своей славе и гибели. Когда он в составе английской экспедиции обследовал побережье, включая и реку, ему едва исполнилось двадцать лет. До сих пор современные карты основываются на картах Кука. Я попыталась представить себе, как он, в морском костюме XVIII века, перегибается через борт лодки и методично, через каждые несколько ярдов, бросает лот-линь, чтобы определить, где рифы и мели.

— Боже, ты только за борт посмотри! — воскликнул Фарли. — Сажень¹ тридцать глубины, и так до самого берега! Наш якорь даже до дна не достанет. Гляди, сколько здесь мысов, на карте они помечены как "ветродуи". В такие места лучше не соваться. А вон, кажется, удобное местечко для стоянки, в западном рукаве. Хотя, если задует северный ветер, нам не сладко придется.

Бухточка, которую мы наконец нашли, оказалась очень живописной. С трех сторон нас окружал густой хвойный лес, почти вертикально поднимавшийся по склону крутого утеса. Высоко над нашими головами горный водопад рассыпал свои сверкающие и словно лишенные земного притяжения брызги и затем ручьем бежал в сторону моря. К северу от нас тянулась вдаль цепочка ледниковых валунов, а вода за бортом была настолько прозрачной, что было видно дно на глубине чуть ли не двадцати футов².

Как только мы встали на якорь, я улеглась на корме и принялась разглядывать подводный мир. Стайки неизвестных мне маленьких рыбешек де-

¹Морская сажень равняется 182,5 см.

²Один фут равняется приблизительно 30,5 см.

ловито шныряли туда-сюда, не обращая на меня никакого внимания, медленно плыла куда-то морская звезда. Гребешки, раскрыв свои раковины, колыхались вдоль корпуса шхуны, точно подводные летающие тарелки. Я не отрываясь глядела в глубину, и мне вдруг пришла в голову мысль написать когда-нибудь книгу о жизни подводных существ.

— Эй, подними-ка голову, — прервал мое созерцание голос мужа.

Лысоголовый орел с шумом уселся на ветке негустой ели. Через минуту к нему присоединился второй. Два орла, сидя рядом, янтарными глазами разглядывали соседний лес и на нас обращали внимания не больше, чем на какую-нибудь морскую живность. За ту неделю, что мы провели в бухточке, я видела не меньше десятка этих величавых птиц, которых люди в поселке называли по-старинному "грифами". На орлов здесь не охотились, считалось, раз они питаются падалью, их мясо несъедобно.

За шхуной на буксире тащилась пластиковая шлюпка, которую мы весьма оптимистично нарекли спасательной. Обычно же мы пользовались ею для вылазок на берег, надежно поставив шхуну на якорь. На шлюпке мы пересекли западный приток и заплыли в ручей, где было так много форели, что, даже не будучи умелыми рыболовами, мы за полчаса наловили себе рыбы на обед. Мы собирали чернику и ели ее с молоком и сахаром. А потом мы набрали на заросли вики — дикорастущего горошка, который когда-то спас мореплавателей, страдавших от цинги. Я потратила больше часа, собирая эти маленькие горошины, чтобы хватило на двоих. Впрочем, у меня как раз была уйма свободного времени.

Еще мы ловили похожих на маленьких спрутиков головоногих моллюсков. Они плавали

идоль берега, и их можно было ловить руками. И хотя, сваренные в воде, они были жесткими и безвкусными, как резина, мы все равно их съели. Если у обитателей Розы-ривер такое обилие даров природы, непонятно, почему у остальных жителей побережья эти люди вызывают насмешки и жалость.

Однажды мы рискнули взобраться на вершину утеса, который возвышался над нашим крохотным пристанищем. Нам захотелось отыскать место, откуда начинается водопад. Почти два часа мы с большим трудом карабкались по отвесным скалам и скользким камням, хватаясь, чтобы не упасть, за хилые маленькие елочки. Достигнув вершины перешейка, отделяющего речной бассейн от моря, мы снова увидели Атлантический океан, простиравшийся до самого горизонта.

Мы были на седьмом небе от счастья (такие же чувства, наверное, испытал когда-то Кортес): ведь мы были там, куда не ступала нога ни одного мужчины, не говоря уже о женщинах. Наверняка мы были здесь первыми. Мы посоветовались, как нам отсюда спускаться, представив себе, что будет, если один из нас упадет и сломает ногу в одной из скалистых расщелин, где могут жить орлы, но отнюдь не люди. Спускались мы с гораздо большей осторожностью, нежели поднимались, но обнаружить истоки водопада нам так и не удалось.

Вечером здесь делать было нечего. Мы взяли с собой книги — библиотечку "На необитаемом острове", которую мы выбрали на случай, если нас, подобно Робинзону Крузо, занесет бог знает куда. Фарли изучал справочник "Птицы восточных районов Северной Америки", медленно-медленно читал "Анну Каренину" Толстого, а я "Князя" Макиавелли.

Одним из развлечений было и радио, если уда-

валось что-нибудь поймать: высокие скалы служили помехой радиосигналам. Каждый вечер и пять часов мы оба замирали, пытаясь уловить знакомый голос диктора из Сент-Джонса, читающего ежедневный прогноз погоды: "А сейчас прогноз погоды для тех, кто в море..." — доносился далекий голос, заглушаемый громким треском, а потом военный оркестр исполнял бравурный марш.

Уныло и монотонно диктор объявил, что на побережье ожидается "юго-западный ветер, умеренный, до сильного" и что "во время тумана и измороси видимость уменьшится до трех миль или даже до нуля". Это означало, что если мы покинем свою идиллическую бухточку и спасительные скалы, то попадем в такой туман, что ничего не разглядеть на расстоянии вытянутой руки. Морские прогнозы всегда более оптимистичны, чем реальность. Поэтому мы решили с места не двигаться, тем самым, к своему удовольствию, оправдывая еще один день праздного уединения. Вот уж девять дней, как мы не встретили ни одной живой души.

Иногда по радио мы натыкались на едва слышную радиопостановку или программу классической музыки. И тогда вспоминали о той жизни, от которой мы были оторваны. И все-таки радио очень полезная вещь. Оно в какой-то степени информирует о том, что происходит в мире, но его всегда можно выключить, если слушать больше не хочется. Я часто задумывалась, знают ли на канадском радио обо всех этих далеких и забытых богом уголках, где слушают их удивительные передачи.

Если звук не пропадал, мы обычно слушали десятичасовой выпуск новостей. После этого читали по очереди вслух "Трое в лодке" Джеромом К. Джерома — самую смешную книгу о при-

ключениях на воде, когда-либо написанную на английском языке. Хотя она и появилась в 1889 году, но даже семьдесят лет спустя заставляет смеяться всех.

— Когда-нибудь, — сказала я Фарли, задувая лампу, — ты напиши смешную книгу и про нашу шхуну, и про все наши приключения. Они ведь действительно очень невероятны. Такой благодатный сюжет.

— Угу, у-у, — отозвался он сонно. — Может быть, когда-нибудь напишу.

16

В один из тихих дней позднего лета мы снова прибыли в Собачью Бухту и сразу увидели на берегу толпу старых женщин, одетых в черное, — похоронную процессию. Умер Джон Куэйл. Смерть девяностолетнего старика не была неожиданностью, уже много месяцев он чувствовал себя все хуже и хуже. Но когда мы принялись сгружать вещи, нам сообщили действительно потрясающую новость — дом Пойнтингов сгорел дотла.

Мы пошли взглянуть на все еще дымившееся пепелище. Всего лишь пять дней назад это было жилище одиннадцати человек. Когда начался пожар, ни Розы, ни Гарлэнда дома не было. Не оказалось ни старшей сестры Эдит, ни старшего сына Гэрольда. Младшие находились под присмотром двенадцатилетней Мейзи и бабки, слепой и глуховатой старухи. Пожар начался оттого, что шестилетний Фрэнки, неся на второй этаж масляную лампу, случайно ее перевернул, загорелась постель. С этой минуты лампа, уютно светившаяся в окне, уже не казалась мне ни безобидной, ни волшебной. Фрэнки не знал, что ему делать,

когда загорелась постель, и начал плакать. Но на его плач никто не обратил внимания. В доме всегда хныкал кто-нибудь из детей. Остальные, включая трехнедельного новорожденного, спали наверху. К счастью, старуха Пойнтинг учуяла дым. Позвала Мейзи с улицы и велела посмотреть, в чем дело. Плача навзрыд, Мейзи вывела из дома в крошечную темноту детей и бабушку, вынесла младенца. Погибла, угорев в дыму, только старая славная собака-водолаз, которая вносила свой вклад в бюджет семьи: ее щенков распродавали соседям.

— Слава богу, никто не сторел, — сказала Дороти, возвратясь с похорон прадеда. — Так полыхало, почище чем в Ночь Гая Фокса.

Я подумала, что не мешает приобрести парочку огнетушителей. В поселке никакого противопожарного оборудования не было. Совет поселка часто обсуждал этот вопрос, но оборудование стоило немалых денег, к тому же быстро доставить его к месту пожара по местным ухабистым дорогам и хлипким мосткам очень трудно, и дело так и не сдвинулось с мертвой точки.

— Где же теперь будут жить Пойнтинги? — спросила я.

— Перебрались к Мануэлю Тибо, — сообщила мне Дороти. У Мануэля Тибо — брата Розы — семья была ничуть не меньше сестриной.

— Говорят, набилось их там как сельдей в бочке, — с высокомерной гримаской сказала Рут Куэйл.

— Как же они теперь? — спросила я и поежилась: ветерок напоминал, что лето кончилось.

— У них будет другой дом, — вставил пятилетний Лерой, у которого и пожар, и все сопутствующие ему волнения вызывали необычайный восторг.

— Правда? Где? — обрадовалась я. Во всем

поселке незанятых домов наперечет, я даже не знала, где такие есть.

— Я его зову "Дом с привидениями", — припечатала Дороти, заклеив тем самым строение. — В нем никто не живет бог весть с какого времени. Дом рядом с рыбозаводом: такой серый, его ни разу не красили.

Дом этот мне давно примелькался. Давным-давно заброшенная хибара стояла с подветренной стороны от вонючего разделочного цеха. Невозможно было представить, что в таком месте кто-то может поселиться.

— Так им и надо, — сказала Мелита Куэйл, когда я днем пришла в магазин. — Слава богу, что они убралась. Не очень-то приятное соседство.

Обычно доброжелательная, Мелита никакого сочувствия к семье Пойнтингов не проявила. По правде говоря, никто из клана деловитых Куэйлов не пожалел об их отъезде. Ведь семья Пойнтингов нисколько не пеклась о благе поселка. И все-таки мне их недоставало. Их дети стали неотъемлемой частью нашей жизни. Немало потребовалось времени, чтобы они начали улыбаться при встрече и махать рукой, в конце концов наши отношения стали гораздо теплее, чем простое знакомство. Я надеялась, что когда-нибудь между нами завяжется дружба.

Через несколько дней к нам зашли двое пареньков, оказалось, что они собирают деньги в помощь Гарлэнду Пойнтингу. Мы дали двадцать долларов, сочтя, что дать больше — неразумно, меньше — некрасиво. Нам не совсем было ясно, по скольку в таких случаях принято "скидываться". Везде, где бы я ни жила до этого, неожиданные потери в жизни людям компенсировала страховка. В поселке страховкой пользовались немногие, как раз такие, как мы, — приезжие, кто давно уже не надеялся, что в случае несчастья

друзья или соседи смогут помочь.

— Пока идет неплохо, — сказал один из парней. — Уже почти триста сорок долларов собрали, а весь дом три сотни стоит. Стало быть, и на дрова для плиты, что им дали, хватит. Стульев и кроватей им натащили, одежонки для ребят...

— Дом стоит всего триста долларов? — спросила я с недоверием.

— Да, миссис. Он когда-то принадлежал папаше Харви Спенсера, бедняга умер лет двадцать назад.

— Дом старый, это точно, — сказал второй парень.

— Дырявый, как корзина, ветер в нем гуляет, — добавил первый. — Если Гарлэнд поднатужится и доведет дом, пока не задул первый норд-ост, тогда в нем жить можно.

Тут они переглянулись, и я поняла, что во время такой благотворительной миссии им неловко говорить то, что они думают. Ведь никто ничего такого от Гарлэнда не ждал, и не без основания — всем было ясно, что он за человек. И все же Гарлэнда не покинули в беде — ведь и он, и Роза, какими бы они ни были, и их дети жили здесь, как же не помочь им.

В своей "мучной" куртке — старой тужурке, которую он специально надевал для такой операции, Дэн Куэйл-младший принес нам муку. От бесчисленных мешков, которые он перетаскал на своих плечах, она побелела — мука в нее въелась. Мука продавалась только мерами по пятьдесят или сто фунтов, и Дэн на своих двоих доставлял ее покупателям, поскольку ни дорог, ни машин в поселке не было.

Он тяжело плюхнулся на тахту — немного передохнуть. В школе снова начались занятия, и младшие дети могли помогать ему только после четырех дня. Мелита уже в пятый раз ожидала ре-

бенка, и поэтому ее помощь в магазине была невелика. К тому же, сказал Дэн, ее мучают "турунки", из-за этого ей приходится полеживать. Я постеснялась спрашивать, что за напасть эти "турунки". Лишь гораздо позже я разобралась, что Дэн имел в виду фурункулы.

Мы потолковали о бедах семейства Пойнтингов. В те дни без этой темы не обходилась ни одна беседа.

— Да, не повезло им, это верно. Так и дом-то у них был никудышный. Сколько раз приносил им мешки с мукой, сам все видел, хотя в дом они меня никогда не звали. А все оттого, что электричества у них не было. Не хотели они, чтобы соседи к ним совались, чтоб видели, как они живут, — с усмешкой добавил Дэн. — И новый дом они быстро испоганят. Ох, уж этот Гарлэнд... — Дэн укоризненно покачал головой. — Задолжал мне сто пятьдесят долларов, но я ему долг простил. Когда случился пожар, я сказал ему: "Забудь о долге, нет его".

Сто пятьдесят долларов были для Дэна-младшего деньги немалые, но и он не мог не поддержать семейство Пойнтингов. Доходы у Дэна были невелики, а расходы все росли. К тому же все четверо детей ходили в школу, надо было покупать учебники и тетради. Да еще платить за школьное обучение каждую четверть. Школьный налог не был включен в муниципальный, который по этой самой причине и был очень низким. Такая своеобразная система по иронии судьбы ущемляла именно многодетные семьи, а именно здесь таких было большинство. Но даже если кому-то не захотелось иметь детей, то получить информацию о контроле за деторождением было делом нереальным. Наш доход с Фарли вдвое превышал доходы Дэна, но никакого школьного налога мы не платили, потому что детей школьного возраста у нас не было.

— Требуют, чтобы мы купили школьную форму, — сказал Дэн. — А где я возьму столько денег на всю ораву? В школу мои ребята ходят в том, что дома носят.

— А кто велел покупать школьную форму? — спросила я.

— Миссис Дрейк, ну и миссис Биллингс тоже, эти заправили наши. И новый клуб они организовали: "Семья и школа" называется. Говорят родителям: если купите форму, вам же от этого выгода. Только никак в толк не возьму, в чем тут выгода.

Я этого тоже понять не могла, но прекрасно себе представляла ход мыслей Барбары Дрейк. Она считала, что школьная форма обойдется дешевле, чем всякие платица, свитеры и юбочки. Видно, ей даже в голову не приходило, что в большинстве семей детские вещи переходят от одного ребенка к другому, пока их не донашивают до дыр.

— Синяя юбка и белая блузка для девчонок и белая рубашка и темные брюки для мальчишек. Наряжают как на свадьбу, — ворчал Дэн.

Он ушел, и я стала готовить бутерброды к обеду.

— Надо же, — сказала я Фарли. — Уверена, что Дэн и Мелита вовсе не хотели пятого ребенка. Их дети уже ходят в школу. Они просто не знали, что сделать, чтобы он не родился.

— Почему ты знаешь? — возразил Фарли. — Вдруг именно этот ребенок и станет заботиться о них в старости.

— Сейчас не те времена. Дети разлетаются из родного гнезда...

— Ты права. Но старый уклад мгновенно не изменишь.

— Знаешь что? Возьму и организую информационный центр, буду раздавать книги и брошю-

ры. Пусть все узнают, что я могу их просветить, как избежать беременности. Уверена, здесь ни о чем таком даже не слышали. Они полагают, что эти дела связаны с фазами Луны и приливами и отливами. Клянусь, мне Айрис рассказывала.

— Учти, если ты такое учудишь, к тебе станут относиться хуже, чем к Пойнтингам. Да и наша бездетность всем тут внушает жалость.

— А ведь ты прав, — сказала я, подумав. — Они, пожалуй, скинутся и купят мне билет в один конец на первый же пароход.

— Вот-вот. Лучше не лезть в чужие дела.

Я и не лезла. Любое, даже доброжелательное вмешательство в дела чужой семьи может весьма плачевно кончиться. А вдруг Дэн и Мелита без ума от счастья, зная, что в их доме снова появится маленький? Видно, только одна я воспринимала все трагически: фурункулы на ногах, задубевшие на морозе пеленки на веревке.

К середине октября холодный дождь забарабанил по окнам с унылой методичностью. Семейство Дрейков все еще находилось в Массачусетсе, поэтому "светская жизнь", в которой они задавали тон, временно отошла на задний план. Дуг Макэккерн с Марджери на полтора месяца уехали в Оттаву, там Дугу предстояло пройти переподготовку. Айрис Финли уже несколько недель чувствовала себя неважно и в гостях показывалась редко. Нас ничто не отвлекало, и мы с головой ушли в работу.

Даже наш верный друг, Дороти Куэйл, все реже показывалась у нас. Она училась уже в десятом классе, и ей теперь много задавали на дом, а поскольку мать ждала ребенка, Дороти приходилось помогать и в магазине, и по дому.

Рут Куэйл, которой только что исполнилось пятнадцать лет, бросила школу и пошла работать

на завод, где уже работали старшие сестры. Я частенько видела, как Рут в белой шапочке и пальто поверх белого халата торопливо шагала против ветра, спеша домой на обед. Она подкрашивала губы, и на ее темной головке торчали кудряшки самодельного перманента. Дороти и Рут по-прежнему были закадычными подружками. Каждое воскресенье гуляли вместе, заходили в гости то в один дом, то в другой, то по девчоночьи хихикали, а то со всей серьезностью поверяли друг другу самое заветное, которым делятся девушки-подростки во всем мире.

Вот уж два года, как Фарли засел за книгу о викингах — первых европейцах, которые пересекли Атлантику и достигли Северной Америки. Он перечитал множество саг, изучил навигационные карты и пришел к выводу, что первые европейцы, которые достигли нашего континента, вначале побывали на полуострове Лабрадор и на острове Ньюфаундленд. Его теория опровергала шовинистические взгляды некоторых американских ученых, утверждавших, что викинги миновали весь северо-восток континента, бодро двинулись в Массачусетс, где климат здоровее, но теория эта требовала подробного обоснования и доказательств.

Я рисовала карты для будущей книги, размечала маршруты путешествий и места высадки — словом, пыталась придать материалу наглядность. Работы был непочатый край, и в каком-то смысле нам даже повезло, что погода была ужасной и нас мало кто навещал. Все долгие мрачные недели, предваряющие начало солнечных дней и появление первого снега, мы были по горло в работе.

— Не желаете откусать дичинки? — спросил как-то Ной Джозеф в один из морозных вечеров. Вместе со своей женой Минни он стоял на пороге

нашего дома в своей темной тужурке. Загадочно улыбаясь, он бросил тяжелый мешок на кухонный пол. Осенью каждый, кто шел с подозрительно разбухшим рюкзаком или вез его в лодке, старался по возможности не попадаться на глаза. Охота на лося без лицензии запрещалась, а из жителей поселка мало кто мог занять такую лицензию. Это было дорогое удовольствие, и лицензии были достоянием "спортсменов-охотников", приезжавших издалека. Чего мы только не готовили из лосятины: и тушили, и жарили, и делали фарш, и ели в соусе кэрри и *pes plus ultra*¹ в виде рубленых котлет. Из мяса лося так же, как и из говядины, можно готовить всякую всячину.

Ной говорил, что денег за мясо ему не надо, это подарок. Но мы-то знали: в конце концов мы сумеем как-нибудь его отблагодарить. Нередко мы предлагали ему пару бутылок рома, который достать в поселке намного сложнее, чем лосятину. Подобного рода обмены совершались незримо и неслышно между мужчинами, и, как правило, встречи в таких случаях затягивались.

Ной и Минни садились прямо у нашей печки-камина. Открытый огонь в доме был здесь в диковину. В большинстве местных домов имелся современный электрокамин, тепла от него больше, а забот намного меньше.

В тот вечер Минни, не закрывая рта, рассказывала про свой новый морозильник — домашнее новшество, которое внедрило повсюду абсолютно новый способ хранения продуктов. Морозильник значительно упрощал охотничий промысел Ноя Джозефа. Раньше Ной вынужден был зимой хранить мясо в сугробе за домом, что было край-

¹Помимо всего прочего (лат.).

не рискованно: неожиданно нагрянувшая оттепель могла раскрыть его потайной склад.

Мы поговорили о морозильнике, о том, что в нем можно хранить долгие месяцы: хлеб, молоко, рыбу, ягоды, а также мясо. Когда все, что можно было сказать по этому поводу, было произнесено, Ной умолк. Молчаливый, да еще в гостях — на Ноя это не похоже. Чувствовалось, что его что-то гнетет, и только после нескольких попыток Фарли удалось заставить Ноя рассказать, что у него на душе.

Проработав много лет "проводником" Фримэна Дрейка, Ной стал считать себя выше простого рабочего рыбозавода и в каком-то смысле другом мистера Дрейка, то есть его советником по всяким важным вопросам: где лосось лучше клюет, как выследить тура. Не раз сопровождая на охоту все семейство Дрейков, Ной считал себя близким человеком и для миссис Дрейк с девочками.

В последнее время среди рабочих рыбозавода снова усилилось недовольство, и Фримэн стал груб со всеми, даже с Ноем.

— Будто я для него работяга простой, — с грустью рассказывал Ной.

Перед отъездом в Бостон Фримэн не попрощался с Ноем и, в отличие от прошлых лет, не обсудил с ним планы дальнейших охотничьих вылазок.

Все это сильно задело Ноя, он даже сказал Минни, что подумывает отказаться от своей должности.

Я не воспринимала всерьез обиду Ноя. Для меня, городской жительницы, служба по найму была единственным способом заработать на жизнь, а таким людям приходится мириться с плохим характером хозяев. Нравится нам это или нет, но мы вынуждены все это терпеть, как терпим гвоздь в ботинке: хромаем, но продолжаем

идти. Ной же так поступать не хотел.

— Знаете, милая, Ной так переживает, — вмешалась Минни, — что я ему сказала: "Лучше будем жить на пособие, чем тебе служить у мистера Дрейка".

— На пособие жить не будем! Это я тебе точно говорю. Только и мириться с оскорблениями я тоже не намерен, — заявил Ной.

Ной очень стойко относился к ударам судьбы, он был точно упругий каучуковый мячик, и этот человек наверняка найдет выход из положения, даже если ради этого ему пришлось бы расстаться с новым морозильником. На черный день всегда можно приторговывать "дичиной", хотя, если полицейский застукает, можно и в тюрьму угодить. В одном только Ной был абсолютно уверен: чем бы ему ни пришлось заниматься, своего поселка он никогда не покинет и ни в какие дали на поиски работы не поедет.

Единственный раз в жизни Ной покинул родные места. В начале второй мировой войны, когда ВМС США начали строить военно-морскую базу в Ардженшии¹, сотни мужчин и совсем еще мальчишек, те, которые по старости или по молодости не могли быть призваны в английскую армию, отправились в поисках работы на строительство. Зимой 1942 года, когда Ной взошел на борт парохода, думая, что лучше поработать за наличные, чем жить в долг, ему было всего пятнадцать.

Хотя детство Ноя было далеко не безоблачным, за всю свою жизнь он еще никогда не оказывался в столь жестоких и нечеловеческих условиях, как в Ардженшии. Всю зиму рабочие трудились на строительстве без выходных, по десять часов в сутки. Спали в переполненных бара-

¹Городок на южном побережье Ньюфаундленда.

ках, которые часто не отапливались. В шесть утра, когда было еще темно, рабочие вставали и очередь за завтраком. Простояв полчаса на морозном ветру, они вваливались в столовую, где предстояла отчаянная схватка за кружку, тарелку и ложку. Постоянно не хватало и столовых приборов, и еды. Рабочие отпихивали друг друга, стремясь поскорее добраться до прилавка, где были галеты, хлеб, черная патока и чай. И это было все, на что они могли рассчитывать до обеда. На обед, как и на ужин, подавалось одно и то же: колбаса с бобами. Ной выучился есть без ножа и вилки. Жестикулируя руками, Ной показывал, как это делалось: надо, наклонив тарелку, насыпать бобы на кусок колбасы, а затем свернуть ее вдвое наподобие бутерброда. Так можно было быстро расправиться с первым блюдом и побыстрее перейти к хлебу с джемом, если это к тому времени еще оставалось на столе.

Проработав три месяца будто в концлагере, Ной плюнул на все и отправился домой. Первый опыт общения с миром индустрии оказался для него и последним. Уже в пятнадцать лет он понял, что жизнь в его поселке лучше, чем в какой-то Ардженшии. Разбогатеть он не разбогатеет, но хоть на родине останется. Никогда больше не встанет в очередь за куском колбасы, даже если рыбозавод закроется навсегда. А такого Ной вовсе не исключал.

— Когда-нибудь, — предсказывал Ной, прищурив глаза, — если мистер Дрейк слишком возомнит о себе, наши соберутся с духом да так окатят его, как ему и не снилось. И останется он в одиночестве, как выброшенный на берег кит. Черным станет такой день для него, но сдается мне, что скоро он наступит.

Айрис Финли, единственную дипломированную медсестру на всю больницу, санитарка нашла однажды лежащей на полу в ее комнате: очевидно, та уже несколько часов была без сознания. Доктор Биллингс поместил ее в одноместную палату и, когда Айрис пришла в себя, начал целую серию анализов. До получения результатов доктор предписал Айрис полный покой. Однажды вечером, через несколько дней после случившегося, я отправилась навестить ее.

Айрис полусидела в подушках. Куда девались ее былая энергия и задор? Бледная, слабая, она с усилием улыбнулась, когда я вошла. Было странно видеть ее в постели и больной — ведь всю свою жизнь она сама выхаживала больных. Голос ее был печален и тих, на мои расспросы о здоровье она отвечала очень уклончиво. Сказала, что в последнее время у нее случались головокружения и что, вероятно, это сердце. Это наследственное. Электрокардиограмма не показала никаких отклонений, да и жалобы на сердце звучали неубедительно для сравнительно молодой еще женщины — ей не было и сорока.

Я принесла ей почитать несколько романов, но на тумбочке у ее кровати уже высилась стопка книг. Их до меня принес Виктор Мосс.

— Какой он внимательный, правда? — спросила она меня, слегка оживившись.

Потом снова умолкла, будто меня не было.

Я попыталась пересказать ей весь хаос местных новостей и сплетен, но она меня почти не слушала. Не зная, чем ее занять, я принялась рассказывать ей об исследованиях, которыми мы с Фарли занимались, заинтересовавшись плаванием викингов на Ньюфаундленд и Лабрадор, но и это оставило ее безучастной. Наконец пришла сани-

тарка, принесла ужин Айрис: стакан имбирного эля и бисквиты, но та от всего отказалась, сказала, что есть не хочется. Я даже обрадовалась, когда время моего визита истекло.

Перед тем как выйти на холодный осенний ветер, я остановилась, чтобы застегнуть пальто. И тут из своего кабинета вышел, надевая на ходу пальто, Роджер Биллингс. Джейн, прогуливая одну из своих собак, уже ждала его у входа на улице.

— Зайдем к нам, выпьем по рюмочке, — предложила Джейн.

— Да-да, заходите. Подкрепиться не мешает, дорога не ближняя, — подхватил приглашение Роджер.

Перспектива выпить рюмочку в студеном вечер и погреться у камина после удручающего посещения Айрис была слишком большим соблазном. И потом мне хотелось узнать, что думает Роджер о ее болезни.

— Мм-да, — сказал он, поглаживая подбородок, усевшись в свое любимое кресло с подголовником, — причин может быть несколько. Надо запастись терпением и подождать. Анализы мы направили в Сент-Джонс в лабораторию, только результаты мы получим бог знает когда.

Нашу беседу прервала одна из служанок, она принесла записку, где сообщалось о том, что у кого-то заболел ребенок. Человек, ожидавший у черного входа, готов отвезти доктора к себе на Ханн-остров. Роджер допил свою рюмку и вышел.

— Результаты анализов мало что изменят, — сказала Джейн, как только за Роджером закрылась дверь. — Все это слишком давно тянется, пора кому-нибудь поставить точку подо всей этой историей.

Не слишком понимая, что она имеет в виду, но и не желая задавать вопросов, я все же изобра-

вила на лице озабоченность, ожидая продолжения.

— Ничего хорошего из этого все равно не получится. Да и общественность ее осудила бы, хотя об этом и так уже все знают. Я бы сказала, что это неудачный пример для подражания. Айрис безусловно надо отсюда уехать. Ну, а Виктора отсюда не отпустят.

— Айрис должна уехать?

— Чем скорее, тем лучше. Если это просто невинный флирт, еще куда ни шло. А что, если они с Виктором решатся на какую-нибудь глупость, вроде того чтобы вместе бежать? Как тогда все мы будем выглядеть?

Я была потрясена, поскольку всегда считала, что между Айрис и Виктором не было ничего, кроме товарищеских отношений.

Айрис почти со всеми была в дружбе. И Виктор тоже, хотя он был сдержаннее и суше. Признание Джейн тем не менее не проясняло для меня кое-каких моментов, почему, например, Айрис так тоскует по островку Джерси. Можно предположить, что их роман с Виктором начался, когда она работала там медсестрой. Я раньше как-то не задумывалась над тем обстоятельством, что Айрис появилась в поселке месяца через два после того, как Виктор был переведен сюда на рыбозавод. Но все это тем не менее не объясняло, почему Айрис оказалась в больнице и была похожа на привидение.

— Бедная Айрис, она, наверное, очень переживает, — вздохнула я. — Переживает свой отъезд, — добавила я, надеясь услышать еще какие-то подробности.

— Еще бы! Конечно. И все это из-за того, что случилось в последние дни.

— А что случилось?

— Она пыталась отравиться.

— Отравиться? — тихо, почти неслышно выдохнула я.

— Одним словом, поступок, достойный мелодрамы, — продолжала Джейн. — Это еще одна причина, почему ей нельзя больше оставаться здесь. Роджер был вынужден сообщить о случившемся в министерство здравоохранения. У него не было другого выбора.

— О ее попытке отравиться?

— И об этом, конечно. И о ее... пылкой страсти к Виктору. Еще месяц назад Фримэн решился обсудить ситуацию с Роджером. Для него Виктор как работник представляет большую ценность. Хорошие управляющие на дороге не валяются. Если мужчинам в его возрасте кажется, что у них любовь, это вовсе не значит, что так оно и есть. Надо же было что-то предпринять. За Айрис беспокоиться нечего — на медсестер спрос огромный. Ей даже лучше устроиться работать в крупную больницу, где штат больше.

— Но она ведь такая работающая... Все эти годы...

— Да, она отличная медсестра и сможет найти себе работу в любом другом месте. Ей еще крупно повезло, что Роджер вовремя ее откачал. Еще бы часок-другой — и...

Из этого дома надо срочно уходить. Я залпом допила рюмку, встала и сказала, что пора домой, ветер усиливается.

Весь путь до дома я только и думала что о печальной судьбе Айрис и Виктора. Если они любили друг друга, сколько людей знало об этом? Знала ли Глиннис? Вероятно, нет, она мало с кем общается. И Виктор, и Глиннис, и Айрис — каждый из них по-своему одинок.

Невозможно было поверить, что Айрис хотела умереть. В ней всегда было столько жизненной энергии! Как нелегко ей будет начать новую

жизнь вдали от полюбившихся мест.

Через неделю Айрис выписали из больницы, и она перебралась в свою квартирку, предназначенную для персонала. Снова начала работать медсестрой, но только временно, пока министерство здравоохранения не подыщет ей замену. Айрис уведомили, что она освобождается от работы по причине ее "стресса", явившегося результатом десятилетней работы в глуши. Однако ей пообещали, что будут ее всячески рекомендовать в одну из больниц Сент-Джонса. Но Айрис не выносила этот город: именно оттуда приезжали самодовольные девицы-медсестры, которые если и задерживались в Балине, то лишь недели на две, не больше. Меньше всего на свете она хотела бы работать рядом с такими в городе.

В первые дни после больницы Айрис безучастно глядела в окно, но мало-помалу ее настроение как будто улучшилось. Поскольку приближалось рождество, она решила докончить четыре свитера, которые вязала для четырех дочурок семейства Дрейков. Рисунок был один, только цвета разные. С возвращением Фримэна, Барбары и их свиты Айрис снова зачастила к Дрейкам. Она с нетерпением ждала приезда этого шумного семейства с детьми, с собаками и сборищами по вечерам.

Барбара, как и все, погруженная в предпраздничную суету, могла препоручить верной Айрис массу дел, скажем заботу о трехмесячном щенке, которого до поры спрятали на складе рядом с заводским причалом. Собачонка эта, английский сеттер, предназначалась Фримэну в качестве рождественского подарка в пару к его псу-медалисту по кличке Хантер. Айрис любила собак не меньше, чем детей, и ей было совсем не в тягость прогуливать щенка по вечерам. Ей было даже полезно побродить одной. Собаке

она присвоила временную кличку Куини и носилась с ней, как с ребенком. Несколько раз она заходила к нам с Куини, которая шаловливо тянула поводок. Айрис рассказывала о себе, а Куини дремала возле печки.

Однажды Айрис сказала нам, что возвращается в Шотландию, мать стареет, нуждается в помощи. В другой раз — что она собирается отправиться работать среди эскимосов. Она старалась не упоминать Виктора Мосса и, только если говорили о друзьях, произносила в общей массе имена Виктора и Глиннис. Она льнула к друзьям с настойчивостью человека, которому необходимо самоутвердиться. Возможно, так оно и было. Несколько раз Айрис упоминала, что благодарные пациенты собираются обратиться с просьбой в министерство, чтоб ее восстановили на прежнем месте.

Преподобный Мэттью Уэй все пытался убедить Айрис, что в Сент-Джонсе ее ждет интересная жизнь: во-первых, там незамужние женщины (он не сказал одинокие) могут найти любую работу, во-вторых, там есть клубы для желающих и спортом заниматься, и развлечься. И еще есть вечерние курсы при Мемориальном университете, где можно изучать любой предмет, какой только пожелаешь. Но все это было слабым утешением для Айрис, она не могла свыкнуться с мыслью об отъезде.

За несколько дней до рождества мы с Фарли оторвались от пишущей машинки и от чертежной доски. Хоть мы и не закончили работу, но как же продолжать затворничество в такие компанейские дни. Мы отдохали, это было приятно. Пару раз я пекла: то фруктовый пирог, то печенье, а пока Фарли вместе с Дугом Макэкерном ходили в лес за рождественской елкой. Вокруг росли тысячи елей, и все же нелегко было найти среди

них стройное деревцо, на котором с той стороны, откуда ветер, не было бы сломанных веток.

Каждый год в канун рождества Фримэн Дрейк посылал в контору рыбозавода ящик спиртного. К тому времени все сейнеры уже стояли на якоре у пристани и завод прекращал работу. Когда рабочие и работницы приходили за последним в году жалованьем, их зазывали в маленький домик заводоуправления, там среди конторских шкафов и пишущих машинок их и угощали "рюмочкой к рождеству". Женщины редко отваживались принимать участие в столь будничном праздновании, но мужчины в большинстве случаев с удовольствием опрокидывали свою рюмочку в присутствии заводского начальства. Обязанности бармена исполнял Виктор Мосс, он аккуратно разливал ром, следил, чтобы никто не "причащался" больше двух раз. Фримэн Дрейк и Барбара в это время пожимали руки каждому рабочему или работнице, желали счастливого рождества.

— Необходимо для поднятия духа, — так оценивал Фримэн эту процедуру. — Рабочие должны знать, что их уважают.

Оби Кендэл не остался на "рождественскую рюмочку". Забрал жалованье и вместе с Эффи отправился по магазинам покупать подарки. И только когда он стал расплачиваться, обнаружил в конверте с деньгами записку: «С 24 декабря Вы больше не работаете в фирме "Мороженая рыба Балины"».

Он не показал записку Эффи ни тогда, ни после. Однако смекнул, что подарки следует покупать подешевле. Он стиснул зубы в порыве бессильной ярости. Что теперь делать? Вернуться на Великие Озера, жить вне дома по восемь месяцев в году? Может, переехать всей семьей в Онтарио, там есть работа? Но что скажет на это Эффи? Она очень робеет в присутствии

чужих, ей наверняка будет одиноко в этих больших городах. Эффи не такая, как те женщины, на материке, которые ходят на работу, а когда возвращаются домой, кормят мужа магазинной колбасой и хлебом. И как в таком городе растить детей — станут топтаться, как куры на пяточке, не помня ни предков, ни своей родни, не зная даже, как зовут соседей.

И Оби решил, что никуда не поедет. Несколько месяцев сможет протянуть на пособие. Зато появится свободное время, много времени, чтобы поговорить с людьми, убедить их, что нечего им за этот рыбозавод держаться, как большинство местных. Еще целая зима впереди.

В последние светлые минуты наступающих декабрьских сумерек Оби обвил рукой Эффи, и, согнувшись под ветром, они зашагали к дому.

18

В январе, в ту пору, когда прямо с берега можно было видеть китов, прудик, что между школой и церковью, замерз и стал гладким как зеркало. Айрис часто ходила на пруд то с одной, то с другой из младших девочек Дрейков, они, как и большинство детей в поселке в ту зиму, учились кататься на коньках. Мы махали друг другу, когда я шла на свой урок, нагруженная всевозможными моделями для рисования: поплавками рыбацких сетей, бутылками из-под вина "кьянти", керамическими плосками.

К этому времени я уже полюбила свои уроки. Мне наконец удалось научить ребят определять пропорции на глаз, а не с помощью линейки. Кое-кто из учеников подавал надежды. Особенно один мальчик и одна девочка. Как только я их

отучила от линейки, они стали рисовать не хуже меня. Еще несколько учеников рисовали вполне прилично. Но, как всегда случается, встречались и такие, которые были просто не в состоянии нарисовать хоть что-то отдаленно напоминающее реальный предмет.

— На каком уровне бутылки находится верхний край миски? — спрашивала я. — Какова ширина миски по сравнению с шириной стоящей позади корзины? Какую часть скатерти при этом вы видите?

Именно так спрашивали и нас преподаватели, когда я училась в художественном училище в Торонто, и в нужный момент (просто чудо!) эти вопросы пришли мне на память.

Сначала нежелание моих учеников задавать вопросы или просить о помощи ставило меня в тупик. Но потом я поняла, что это просто такая манера, а не отсутствие интереса. Здесь дети не вскакивают из-за парт, чтобы задать свой вопрос или ответить на мой. И в школе, и дома они прежде всего заботились о том, чтобы не унижать друг друга, демонстрируя свое превосходство. Я так и не разобралась, в чем дело: оттого ли они вели себя так, что за подобную обиду грозила расплата после школы — скажем, расквашенный нос, — или просто так у них было принято. Как бы то ни было, только сомнительные достоинства конкуренции, которая так поощрялась в мои школьные годы, здесь, слава богу, не прославлялись. По крайней мере до этой зимы.

В тот год зима была необыкновенно холодная и столько повсюду было льда, что преподобный Мэттью Уэй решил воспользоваться таким божьим даром, чтоб научить местных ребятишек играть в хоккей. Канадский "национальный" спорт был практически неизвестен большинству детей в поселке, которые еще не знали, что су-

ществует телевизор, и поэтому не имели возможности наблюдать, как люди то и дело калечат друг друга.

С большим трудом Мэттью удалось обеспечить достаточное количество коньков, а клюшки и шайбы пришлось заказывать в Корнер-Бруке. "Все течет, все меняется", — говорила я себе, но испытывала смешанные чувства, видя, как дух соперничества внедряется вместе с этой игрой там, где без него отлично обходились. И хотя я слышала столько оправданий этому, все-таки никак не могла взять в толк, что хорошего в том, что одна группа людей выходит против другой с откровенной целью — выиграть. Выиграть что? Получить сомнительное удовольствие от того, что противник окажется униженным? Именно отсутствием духа соперничества можно объяснить нежелание моих учеников спрашивать во время урока, демонстрируя свое тщеславие. Успехи, как и неудачи, каждый держал при себе.

Поборник организованности христиан, Мэттью Уэй никогда, очевидно, не ставил под сомнение достоинства спортивных состязаний и к концу зимы организовал хоккейные команды и на острове Джерси, и в нашем поселке. А на следующую зиму намечались хоккейные встречи между этими двумя командами.

Однако в отношении Рози-ривер Уэю не так повезло: коньков не нашлось ни у кого и к тому же в поселке не осталось ни одной ровной площадки, чтобы залить хоть небольшое хоккейное поле. Местные об этом ничуть не сожалели. "Речники" упорно не желали состязаться не только с прочими жителями Ньюфаундленда, но и со всем остальным миром.

Отсутствие здоровой конкуренции являлось характерной чертой и всех местных торговцев.

Мои ученики испытывали постоянные трудности с приобретением принадлежностей для рисования. Школьный бюджет вообще не предусматривал таких, и потому мы пользовались только теми, которые могли купить ученики. В самом начале учебного года я попросила крупнейших поставщиков школьно-письменных принадлежностей братьев Ханн заказать несколько десятков карандашей для рисования. Поскольку свой заказ на осень братья уже отослали, пришлось ждать января, чтобы после переучета сделать заказ на карандаши. Но в январе, сообщили мне братья без тени смущения, заказ отправлен не был, это сделали только в феврале. Словом, к марту никаких карандашей для рисования не поступило. В отчаянии я отказалась от дальнейших попыток. К тому же я знала, что от любого другого здешнего торговца бесполезно ожидать большего. Поэтому, покопавшись в своих запасах, я кое-как наскребла достаточное количество наполовину использованных карандашей и снабдила ими класс.

Только однажды урок мой закончился полной неудачей. Я попросила учеников нарисовать конверт для патефонной пластинки. Я придумала условное название "Народные песни такой-то страны", но не указала страну, предоставив им самим возможность выбрать. Я посоветовала ребятам сходить в библиотеку и поискать в книгах или журналах фотографии той страны, которую они выберут.

На следующий день ни один не пришел с выполненным заданием. Они абсолютно не имели понятия, как собирать информацию помимо учебников. Потом до меня дошло, что я могла бы сама сообразить и принести в класс книги и журналы, показать ученикам, как надо ими пользоваться.

Хотя у меня и не было соответствующего опыта, мне все же захотелось поучить их английской словесности. В то время в поселке еще были живы отголоски устного фольклора, тогда как по всей Канаде лавина телевизионных шоу, фильмов и музыкальных записей в корне меняла всю систему детского восприятия. Подражая взрослым, некоторые ребята в поселке все еще придумывали сказания, истории и песенки, которые представлялись на суд домашних и друзей.

Я считаю, что у каждого народа существует свой особый талант. Например, большинство итальянцев прекрасно поют, русские пляшут, а голландцы рисуют. Что же касается жителей острова Ньюфаундленд, то они в большинстве своем умеют, любовно подбирая слово за словом, складывать стихотворение или песню. При этом в школьных программах начисто отсутствует стимул к развитию подобного дарования. Но даже если бы что-то подобное возникало, атмосфера скуки, царящая на уроке, непременно задушила бы все в корне.

Когда мне сказали, что Дуга и Марджери Макэкернов переводят в другое место, эта новость подкосила меня. Скоро я останусь без самых близких своих друзей, поскольку и Айрис вот-вот уедет.

Макэкерны перебирались в Гранд-Фолс, Дуга переводили в участок, где было шесть полицейских. Расположенный в центре Ньюфаундленда и в двух днях пути от нашего поселка, Гранд-Фолс, с его целлюлозно-бумажной фабрикой, полностью зависел от промышленной компании. Шоссе, железная дорога и телевидение соединяли его с остальным миром. Там имелось ледяное поле для игры в кэрлинг, кинотеатр, а в зале

клуба ветеранов по субботам организовывали танцы. Далеко позади остались наши прогулки четвером по берегу моря, когда столько ловилось омаров, столько рыбы...

Для Дуга, как полицейского, такой переезд означал коренное изменение характера работы — возвращение в мир борьбы с нарушителями уличного движения и ежедневные разъезды в патрульной машине. Дуг стоически принял сообщение о своем переводе — практически неизбежном после трех лет пребывания в поселке. Переезды с места на место по указанию начальства являлись неотъемлемой частью обязательств, которые он принял, поступив на работу в полицию. Марджери также смирилась с переездом, хотя и без всякого энтузиазма.

— Скатертью дорога, — отозвалась Джейн Биллингс на эту новость. Она считала, что как полицейский Дуг слишком мягок: мало кого арестовывал. Несравненно больше она ценила предшественника Дуга, молодого полицейского, который регулярно посещал все свадебные торжества исключительно для того, чтобы выявить неуловимый источник спиртного, которое по праздничным дням распространялось по поселку, как перекаати-поле.

Отъезд жены полицейского (равно как и жены любого должностного лица "не из местных") полагалось отмечать прощальной вечеринкой, организацию которой брали на себя женщины.

— Это будет для нее сюрприз, милочка, — почти прошептала в трубку позвонившая мне Нелли Доллимаунт. — Она не должна знать, что мы готовим. Позвоним ей, попросим прийти под каким-нибудь предлогом.

— Я не скажу ей ни слова, — поклялась я.

Светло-голубой домик Доллимаунтов стоял рядом с пристанью. Для Билли — начальника

пристани — это было важно, поскольку в его обязанности входила встреча судов в любое время дня и ночи. Нелли очень гордилась своим домом, обставленным самой что ни на есть модной мебелью, которую только могли предложить здешние каталоги. Ведь Билли был государственным служащим, и его зарплата была много выше, чем у большинства других жителей поселка. В те времена мы еще не могли себе позволить тратить на "красивую" жизнь столько, сколько Доллимаунты.

Нелли утащила меня в спальню, где прямо на бирюзовое покрывало горой были сложены влажные пальто гостей. На самом видном месте сидела большая кукла, одетая в бальное платье, отделанное ручной вышивкой. Я причесалась, подмазала губы и проследовала за Нелли в гостиную.

Гостиная была полна женщин. Среди них оказались жена начальника почты миссис Ходдинотт, миссис Стаклесс и миссис Норткотт, с которыми я была знакома по библиотечному совету. Жена священника Тельма Уэй, а также жены рыболовного инспектора, бухгалтера рыбозавода и директора школы. Пришли также Айрис Финли с Джоан Ноузуорти, которая недавно приехала из Сент-Джонса ей на смену.

Как это ни странно, но, когда все молчаливым кружком сидели в гостиной, именно Айрис старалась завести общий разговор. Ее никто не поддерживал, и дальше сдержанных улыбок дело не пошло. Хотя мне и приходилось общаться кое с кем из женщин на заседаниях в библиотеке, но, как только мы оказались в незнакомой обстановке, они словно не знали, о чем говорить ни со мной, ни друг с другом.

Мне сидеть молча было тягостно. Уже давно выработавшаяся привычка заполнять паузы лю-

бой беседой так глубоко укоренилась во мне, что мне не оставалось ничего иного, как занимать разговором других. Но сейчас все мои усилия завязать общий разговор кончились провалом. Мимоходом я бросала фразы — как удивится Марджери, как мне жалко, что она уезжает, какая дождливая была весна, как сильно опоздал на прошлой неделе пароход. Но никто этими возможностями не воспользовался. Я чувствовала себя, как актриса перед равнодушным зрителем. Кроме Айрис, только я из всех присутствовавших чувствовала необходимость что-то сказать. И вот мы принялись слушать бесконечный монолог миссис Парди, которая перечисляла слова, произнесенные ее двухлетним сыном перед ее уходом. Как только она замолкла, никто не нашел что добавить.

Шел уже десятый час, когда Нелли пошла звонить Марджери — предложить ей зайти якобы для того, чтобы посоветовать, какие лучше сшить шторы. Нелли вернулась в гостиную очень возбужденная: Марджери прийти отказалась! Дуг вышел в море на патрульной лодке на поиски пропавшего человека. Марджери считала, что ей надо дежурить у полицейского радиопередатчика, на случай если поступит какое-нибудь сообщение.

Эта новость, которая могла прозвучать погребальным звоном по нашей вечеринке, вдруг неожиданным образом ее оживила.

— А кто пропал? — спросила Тельма Уэй.

— Да этот, Элайс, — недовольно пробурчала Нелли.

— Хм-м, — отозвалась миссис Стаклесс.

— Жалость какая! — прокудахтала миссис Норткотт.

— Как глупо! — сказала миссис Ходдиотт.

— Глупо отправляться искать его в такой час! —

эхом отозвалась Нелли.

Меня удивило то, что этот хор не выражал никакого сочувствия к судьбе бедняги Элайса, и все-таки новость внесла оживление. Как я вскоре узнала из разговора, Элайс Бакстер был хорошо известен тем, что частенько отправляется в своей моторке охотиться на птиц и до ночи не возвращается. Он никогда не берет достаточно бензина для старого мотора и еще знаменит тем, что вечно пропадает. Двадцати восьми лет от роду, он все еще был холостяком и жил вдвоем с матерью. Из всего этого следовало, что его считали ветрогоном и простофилей и еще нарушителем общественного порядка, хоть и не злостным. Получалось, будто именно он сорвал нашу вечеринку, задуманную как сюрприз.

Айрис вдруг поднялась и сказала, что невозможно вот так сидеть и молчать весь вечер. Мы решили, что кому-то надо пойти в участок и откровенно рассказать Марджери, что это в ее честь мы организовали вечеринку и что пусть кто-нибудь другой подежурит у приемника. Я вызвалась пойти первой, и мне наконец удалось убедить крайне удивленную Марджери пойти с нами на девичник.

Время уже шло к одиннадцати, и я решила, что будет подан ужин, но ошиблась. Откуда ни возьмись появились карточные столики, и женщины разбились на группы по четыре человека.

Я должна признаться, что в карты не играю, абсолютно лишена этой способности. Так же, как некоторые люди лишены музыкальной памяти, так и я лишена какого-то мозгового центра, который управляет числами и символами и делает необходимый отбор. И хотя я достаточно настрадалась во время первой немой части вечера, должна сказать, что вторая часть оказалась и

того хуже. Теперь вместо молчаливого ожидания мне пришлось заниматься тем, чего я делать не умела. Я мучительно ощущала свою неполноценность. Очевидно, на Ньюфаундленде в карты не играют только те, у кого для этого есть серьезные религиозные мотивы.

С самого начала моим партнерам стало очевидно, что я совершенно не способна составить им партию. Мне даже было трудно держать в руках тринадцать карт. Едва я пыталась их переложить в другую руку, карты падали мне на колени — на всеобщее обозрение. Все терпеливо объясняли мне правила игры, и все же ни одного путного хода я сделать не могла. Когда же подошла моя очередь сдавать, то тут мой позор достиг апогея. Я уверена, что мистер Ходдинотт смог бы рассортировать недельную почту быстрее, чем я сдать карты на четверых.

Женщины играли с непостижимой сноровкой и мастерством: их натренированные руки скользили по вееру карт, перекладывали, вытягивали нужную.

Нелли, которая не участвовала в игре, потому что готовила легкую закуску, то и дело посматривала из-за моего плеча и, чтобы я не задерживала игру, подсказывала мне, с какой карты ходить. Я чувствовала свою беспомощность, мне это все страшно надоело, я была близка к тому, чтобы разреветься.

Когда наконец игра закончилась, стали раздавать призы. Был первый и второй приз, и был утешительный приз. Естественно, именно его я и получила — стеклянную пепельницу с надписью *Сувенир из Балины (Ньюфаундленд)*.

Подали закуску, и тут я поняла, что совершила антиобщественный поступок. Каждая женщина, за исключением Марджери, что-то для данного случая специально испекла. Но, когда Нелли меня

приглашала, она ничего об этом не сказала. Как и в карточной игре, снова я попала впросак. Все всё знают и умеют, кроме меня.

Сославшись на головную боль, Айрис ушла рано. Остальные не расходились часов до двух. Мы все вместе шли под руку по дороге. Когда подошли к тому месту, где дорога раздваивается, я бодро пожелала всем женщинам доброй ночи и отправилась в сторону Собачьей Бухты.

— Боже мой, вы что, одна пойдете до самого дома? — воскликнула миссис Норткотт.

— Как, милая моя, без попутчика? — подхватила миссис Стаклесс.

Все хором принялись убеждать меня, что одной ночью далеко ходить не стоит. Миссис Ходдинотт сказала, что разбудит своего брата, он живет поблизости, и тот подвезет меня на грузовике. Миссис Стаклесс предложила мне переночевать у нее. Все были поражены, когда я заверила их, что мне самой хочется пройтись и что темноты я не боюсь.

Итак, бесстрашная, как заклинатель змей, я двинулась домой. Половинка луны освещала неровную дорогу. Ни в одном окне не горел свет, впервые меня не провожали взглядами из окон. Прямоугольники домов вместе с падавшими от них тенями образовали шахматное поле из серых, черных и темно-красных клеток. Спящая на крыльце собака приоткрыла глаз, глянула на меня, но лаять не решилась. Море за домами было темным и спокойным. До самого горизонта бежала по воде светлая дорожка лунного света. Картина была сказочно красивая. Такой не увидишь нигде в мире.

На карточные посиделки меня больше не приглашали. Видимо решили, что я туповата, вроде Элайса. А того обнаружили на следующий же день — живой и невредимый, он преспокойно плыл по течению в своей лодке.

Тем не менее я все больше и больше осваивалась среди женщин Собачьей Бухты. Они привыкли считать меня каким-то недоразумением, птицей из чужой стаи. Я никогда не стану для них своей, но все же моя непохожесть перестала отталкивать их.

Весной, через шесть лет после рождения четвертого чада, у Мелиты и Дэна Куэйла-младшего родился пятый ребенок. Едва Мелита с новорожденным прибыли из больницы домой, к ним повалил поток посетителей. Малыша назвали Дэниелом (Дэнни), как отца и деда.

В честь отцов и дедов здесь часто называют новорожденных. Первый сын в семье Куэйла-младшего был назван в честь прадеда, покойного Джона Куэйла, которого после смерти величали не иначе как "бедный дедушка Джон". Второго сына назвали Лероем в честь отца Мелиты. Считалось, однако, что только мальчишки должны наследовать эту традицию. Девочек в поселке называли самыми различными именами, скажем, называли именем красивого цветка, редкого драгоценного камня или в честь какой-нибудь звезды экрана.

Бабушка новорожденного, Лиззи Куэйл, каждый день деловито, словно челнок, сновала от своего дома к дому сына. Всю свою жизнь она лишь одним и занималась — проблемами своих детей. Можно было только удивляться ее выносливости: ей было за пятьдесят, а в доме подрастало семь дочерей да еще сын. Но это была лишь

половина выращенных ею детей. Когда Лиззи ходила еще в невестах, она уже знала, что ее ждет: надо рожать детей, надо продолжать род. Так уж повелось еще с той поры, когда дети часто гибли от неизвестных болезней, женщины часто умирали от родов и много юношей и мужчин находили свою гибель в море. Я часто думала: сколько же страданий выпало ей, прошедшей через шестнадцать беременностей и родов, перенесшей столько жизненных тягот...

А может, она предпочла бы жизнь вроде моей, с бесконечной учебой, переездами, с честолюбивыми замыслами, которые мои родители и учителя воздвигали передо мной? С моим поздним замужеством и с тем, что у меня нет детей? Сдается мне, что ни за что на свете она не поменялась бы со мной местами.

Лиззи и Дэн-старший могли гордиться своими шестнадцатью детьми. Все они выросли работящими и бережливými, с раннего детства познав трудности жизни. Только один Чарли был в семье белой вороной. Внешне он был не лишен фамильных черт — чуть приземистый и шире в кости, чем его старший брат, Дэн-младший. Жил Чарли в дальнем конце Собачьей Бухты в маленьком запущенном домишке, с которого, как обгоревшая после загара кожа, отслаивалась розовато-оранжевая краска. Это был семейный бунтарь: единственный из Куэйлов, кто принимал участие в неудачно закончившейся забастовке 1958 года. С тех пор Чарли не удавалось найти в поселке постоянную работу.

Дэн-старший, мастер в упаковочном цехе и к тому же член совета поселка, не слишком ладил с сыном, он не разделял его радикальных взглядов. Год, а может и больше, Чарли с женой Бланш и двумя детьми жили на пособие по безработице, но их родственники старательно обходи-

ли эту тему. Если родители, братья или сестры мимоходом, ненадолго заглядывали к Чарли, то ни заводские дела, ни жалование рабочих рыбо-завода не обсуждались. Говорили в основном о погоде, о детях, о болезнях, о том, кто умер.

В семье Куэйлов рыбаков не было. В молодости Дэн-старший выходил в море матросом на разных судах, но до тех пор, пока ему не перевалило за сорок. Тогда-то ему удалось найти постоянную работу на рыбозаводе и осесть на берегу. Вот почему ни один из его четырех сыновей не овладел ремеслом рыбака, которое обычно передается от отца к сыну.

У Эзры Роуза все было наоборот — шестьдесят лет ловил рыбу и обучил этому делу обоих своих сыновей, но они еще в юности уехали из поселка и так и не возвратились. Эзра знал, где водится рыба, и часто хвастал, что носом ее чует. Но ему давно уже шел восьмой десяток, и старик понимал, что одному ему рыбу не ловить — слишком он стар, надо, чтобы в лодке рядом был рыбак помоложе. Мне думается, что Эзра, как никто, вошел в положение безработного Чарли Куэйла, и вот Чарли, которому было уже за тридцать (по годам уж давно не ученик), перенял опыт у старого рыбака.

Каждый год, стоило Эзре нанести очередной слой сурика на свою лодку, они вдвоем почти ежедневно выходили в море. И впервые за много лет жизнь улыбнулась Чарли, он начал уверенней смотреть в будущее. Теперь можно сказать чиновнику соцстраха, что пособие по безработице не требуется.

Ближайшим другом Чарли был Оби Кендэл. Их жены Эффи и Бланш были сестрами, и они часто все вместе собирались то у одних, то у других на кухне. Пока женщины говорили о детях, мужчины обсуждали дела на рыбозаводе и

мечтали, что настанет время, когда положение рабочих улучшится. В конце концов и Оби и Чарли пришли к выводу, что надо организовать профсоюз. Никто, кроме них, так четко не видел необходимость этого. Никто, кроме них двоих, не мог отважиться на такое.

Раз как-то вечером они неожиданно-негаданно заявили к нам.

— Может, вы, сэр, нам поможете? — обратились они к Фарли. — Нам надо войти в контакт с каким-нибудь профсоюзом, чтобы кто-нибудь из них приехал сюда.

— Вот-вот, давно пора! — сказал Фарли. — Только так можно разорвать удавку, которую рыбозавод накинуд на поселок. Да это же феодализм чистой воды, вот что! Значит, так: я мало что знаю о профсоюзах, но могу узнать. Если вы мне это доверите, я сделаю все, что в моих силах, — бесстрашно заключил он.

Наша дружба с Дрейками зашла в тупик неразрешимых противоречий. В последнее время мы редко общались, но совсем не встречаться в нашем замкнутом мирке было невозможно. Время от времени мы сталкивались то с Барбарой, то с Фримэном на дороге, в магазине, на почте или на заседаниях библиотечного совета. Мы постигали каноны социальной терпимости, известные каждому жителю Балины: надо уметь поддерживать отношения даже с теми, кто думает и поступает иначе.

С первым же пароходиком, идущим на запад, мы отправили письма с запросами в разные профсоюзы работников пищевой промышленности. В тот год пролив Кабота покрылся льдом, и иной раз парому, плавающему между Ньюфаундлендом и Новой Шотландией, требовалось несколько дней для одного рейса. Мешки с нашей почтой задерживались в Порт-Сидни по неделе. Помимо

телеграфной и все еще ненадежной телефонной связи, другие наши контакты с остальным миром были прерваны.

Мы упорно ждали, и ответ пришел, но выяснилось, что ни один профсоюз не желал связываться с такой ничтожной малостью, как горстка рабочих рыбозавода в какой-то Балине на далеком Ньюфаундленде. Нам писали: нет смысла посылать сюда своего человека, чтоб организовать у нас профсоюз.

— Черт побери! — сказал расстроенный Фарли, повернувшись к Оби. — Надо же как-то заманить их сюда! Вы-то, ребята, сами, без посторонней помощи, организовать профсоюз не сможете.

— Им, в Канаде, плевать на нас, — подытожил Оби.

— Ну нет, так просто сдаваться нельзя. Времена меняются. Да и люди тоже, — ободряюще сказал Фарли.

— Ну вот, а я всю зиму старался, доказывал нашим, ведь у нас, знаете, иных убедить труднее, чем поймать макрель тресковым неводом, — сказал Чарли. — Есть тут хорошие парни, и они готовы действовать, если только найдется такой, кто войдет в рулевую рубку.

20

Когда в тот период мы встречались с Фриэмном или Барбарой, единственное, что нам оставалось, — это поговорить об Айрис Финли и ее проблемах.

— Просто не понимаю, — сказала Барбара однажды вечером, когда мы с женщинами вызвались клеить кармашки на библиотечные книги. — Ей предлагают работу во многих местах. Пришел запрос из отдела здравоохранения индейцев Сас-

качевана, есть еще одно хорошее место в Манитобе. Ну и любая работа в Сент-Джонсе всегда к ее услугам, а она все никак ни на что не может решиться.

Миссис Стаклесс и миссис Ходдинотт слушали с молчаливым вниманием. В поселке все считали, что министерство здравоохранения "переводит" отсюда Айрис, но та ехать не хочет.

— Все, что можно, мы для нее сделали. Но она никак не хочет понять, что происходит, — продолжала с упреком Барбара. — Мы ей даже Куини разрешили взять с собой — ведь она так привязалась к собаке. Но и это не помогло.

Среди рабочих рыбозавода день ото дня зрело недовольство, но в поселке все же оказался оазис, который приносил все больше радости и удовлетворения, — библиотека. Появление новых книг, которые мы закупили и получили в дар, увеличило количество читателей. За один год посещаемость возросла втрое, а это означало, что втрое увеличилась и дотация из управления ньюфаундлендских библиотек. Большинство наших новых читателей были дети, и именно на них мы в первую очередь ориентировались. С большим скрипом мистер Парди позволил наконец проводить в библиотеке раз в месяц специальные библиотечные часы в пределах школьного расписания. Более того, сам мистер Парди взял у нас почитать несколько книг. А в больнице Айрис Финли выделила специальную полку под библиотечные книги, чтоб читали пациенты.

Когда я позвонила Айрис в больницу, санитарка сказала, что та отдыхает. Я просила передать, что звонила, но ответного звонка не последовало. Дня три я регулярно названивала Айрис, наконец она подошла к телефону. Голос слабый и подавленный. Она обещала, что "как-нибудь за-

скочит”, но, когда точно, не знает. Мне хотелось сказать ей что-нибудь ободряющее, и я сама пообещала заглянуть к ней, если окажусь недалеко от больницы. Но так уж вышло, что всю неделю я не выходила из дому.

Мы с Фарли были по горло в работе. Приближался срок сдачи рукописи. Кроме работы над картами, мне пришлось перепечатывать окончательный вариант для редактора. Фарли если и печатает на машинке, то одним пальцем, и пишет как курица лапой. Мы работали, не поднимая головы всю неделю. Косой весенний дождь за окном дважды переходил в снег. Посуда лежала немытая, постели не меняли, полы не подметались.

За работой я все старалась представить себе, как эти безымянные пришельцы из Исландии и Гренландии справлялись со здешним климатом. Ведь тут холодно и сыро, правда, в отличие от Гренландии, на Ньюфаундленде масса диких зверей и птиц, можно охотиться, и хорошие пастбища для скота, в избытке лес — для дров. Историкам и археологам достались лишь отрывочные факты из жизни этих отважных людей, пересекших холодные моря тысячу лет назад. Ужасно интересно разгадывать тайны викингов и тех далеких времен, но мы очень устали. Кроме того, Фарли успели поднадоесть его дикие герои с жутким обычаем вырезать коренных жителей новых земель и не щадить друг друга, если дело доходило до стычки. Нам хотелось поскорее отослать рукопись в издательство, чтоб забыть о ней.

В те дни лишь один человек навещался к нам, и не однажды. Эзра Роуз навещал нас в самое ненастье. Когда завывал ветер, порывы серого дождя хлестали по земле, а море так штормило, что не выйдешь рыбачить, я так и ждала,

что вот-вот раздастся знакомое шарканье ног о коврик у входной двери. Если ему ничего другого не оставалось, как только глядеть из окошка на собак и ребятишек, Эзра шел к нам. В каком еще доме, как не в нашем, мужчина до обеда сидит дома, не трудится, как другие, а день за днем бог знает чем занимается, стучит на пишущей машинке.

Несмотря на всю свою занятость, мы бросали работу и садились пить с Эзрой чай. В гостях он долго не задерживался — ровно столько, чтобы поведать нам новости окружающего нас мирка и новости большого мира, которые он услышал по радио.

— Я вот как считаю: ни к чему в праздники бог весть куда мотаться на свою погибель, — заявил он как-то в один ветреный понедельник. Шел второй день пасхи, Эзра слушал утренние новости местной радиостанции в Галифаксе, где сообщалось о том, сколько народу погибло в автокатастрофах на Атлантическом побережье во время праздников. Подобные новости потрясли тех, кто всю жизнь прожил, не зная автомобилей. Для Эзры, как и для остальных жителей Ньюфаундленда, праздник — это день, когда не надо ходить на работу: День пикника — 24 мая, Ночь Гая Фокса — 5 ноября и рождество. И почему это люди в далекой Новой Шотландии и Нью-Брансуике так странно живут, почему в праздники у них столько народу гибнет? Известные Эзре автомобили-лесовозы или даже новое такси Фреда Фаджа никак не вязались в его сознании с катастрофой. Тогда еще дети, взрослые, собаки и овцы могли спокойно бродить по ухабистым дорогам поселка.

Эзра рассказал, что на специальном пароходе привезли кирпич. Он предназначался для строительства новой почты — первого здания совре-

менной постройки в поселке. В шестидесятые годы правительство застроило всю страну новыми почтами, чтоб поднять свой авторитет во множестве маленьких городков и поселков.

В конце недели Эзра заглянул снова. На сей раз ругая за опоздание местный пароходик. И хоть сам он никогда и никуда не плавал, тем не менее неукоснительно следил за расписанием. Западный опоздал на три дня.

— Нету в мире никакого порядка, — брызжал он, — людям подолгу приходится пароход ждать. Медсестра Финли наверняка не успеет туда, где ее ждут.

— Медсестра Финли? Айрис?

— Ну да. Видел я, как она садилась на пароход.

— Куда же она отправилась?

— Да вроде насовсем смотала удочки. С тюками и чемоданами.

— А с нами даже не простилась... — проговорила я с удивлением и печалью.

— Так и со мною тоже, хотя я к ней и заходил, — сказал Эзра.

Значит, Айрис уехала, ничего никому не сказав и даже не дождавшись вечеринки с картами, чтобы все пожелали ей счастливого пути. Уезжавшие через неделю Дуг и Марджери были задеты тем, что Айрис не зашла к ним попрощаться. Своего нового адреса она никому не оставила. Даже семейство Дрейков, уехавшее как раз на той неделе в Англию на конференцию рыбопромышленников, не знало, куда именно направилась Айрис. Правда, Роджер Биллингс установил, что не в Сент-Джонс.

Поползли всякие слухи, почему Айрис уехала так внезапно, не сказала никому, куда едет. Не знал об этом даже больничный дворник, который поднес ей к пристани вещи. Может быть,

знал Виктор Мосс, но, даже если знал, никому об этом не проговорился.

Через два месяца, в начале июня Айрис не стало. Скончалась она в небольшом городке на севере Манитобы — покончила жизнь самоубийством. Она работала там районной медсестрой, лечила индейцев. Ее обнаружила вторая медсестра, забеспокоившись, что Айрис не вышла на работу. Она ввела себе сильную дозу какого-то наркотика. Она и из жизни ушла как истинная медсестра: точно знала, сколько надо лекарства, чтобы убить себя. Айрис оставила записку, но никто из ее друзей в нашем поселке так и не узнал, что в ней было.

Люди, которым она отдала столько сердца, оказались удивительно скупы на проявление своих чувств. О ней невозможно было говорить громкими словами. Барбара и Фримэн обсуждали только то, как она ушла из жизни. Роджер Биллингс просто процитировал из учебника статистику самоубийств. Девочкам Дрейки не сказали, что Айрис покончила жизнь самоубийством, и те поверили, будто она умерла от какой-то инфекционной болезни.

Виктор Мосс решил на некоторое время уехать. Сказал, что уже лет пятнадцать не был в отпуске. Надо свозить Глиннис к родственникам в Уэльс. Все эти годы она почти не выходила из дома.

Наши соседи по Собачьей Бухте, узнав о смерти Айрис, отнеслись к этому так же, как к нашему общему несчастью. Обычный поток посетителей резко сократился. Иногда только заходила Дороти Куэйл, да и то одна, оставив дома своего непоседливого брата Лероя и смешливую сестричку Сьюзи. Дороти все еще мечтала стать медсестрой, но теперь ей пришлось задуматься, почему человек, так многого достигший в жизни, вдруг решил умереть.

Одновременно лишиться Айрис и расстаться с Макэкернами оказалось для нас вдвойне тяжело. Теперь мы познали, насколько ограничены наши возможности в таком обособленном месте, как наш поселок. Те, с кем мы тесно подружились, все-таки нас покинули. Новая медсестра была полной противоположностью Айрис: угрюмая, она постоянно жаловалась на жизнь, и главной ее заботой было уехать отсюда как можно скорее. А новый полицейский оказался холостяком и тоже весьма хмурой личностью. Мы общались с Биллингсами да время от времени — с Дрейками, но это удовольствия не доставляло.

Мрак и холод окутали нас вместе с июньским туманом, когда мы ждали на пристани величественный старый "Бакальё". Мы решили, что на некоторое время нам надо отсюда уехать, и вот мы отправились в отпуск на материк — в те далекие края, которые находятся к западу от паромного причала Порт-о-Баска и которые для всех жителей Ньюфаундленда ассоциируются со всей остальной Канадой.

21

— Так, значит, вы уезжаете, Клара? — Минни Джозеф неслышно, как кошка, возникла из тумана, когда мы ждали на пристани паром.

— Отдохнуть, Минни, — ответила я. — Навестим родных и друзей и через месяц обратно.

— А скажи-ка, милая, в Торонто вы не заглянете?

— Заглянем.

— Наша Мэри туда уехала. Как раз на старое рождество. И я так скучаю по ней! Как было бы хорошо, если б вы ее навестили. У меня тут на бу-

мажке адрес записан, — она вытащила из кармана листочек.

— Конечно, Минни! Обязательно навестим.

Когда корабль отчалил, время было уже близко к полуночи. Всю ночь противотуманная сирена жалобно выла. Прибыли в Порт-о-Баск в восемь утра, как раз вовремя, чтобы успеть на паром "Уильям Карсон". Во время шестичасового пути до Новой Шотландии туман рассеялся, и к тому времени, когда мы добрались до аэропорта в Сидни, небо стало совсем ясным и можно было отчетливо видеть идущий на посадку "Вэнгард" канадской авиакомпании. Рейс был местным, самолет делал посадку в семи городах, и закончился этот утомительный перелет, когда в Торонто была уже полночь. Что поделаешь, это единственный "прямой" рейс между провинциями Атлантики и центральной Канадой. Из самолета мы вышли помятые и измученные, но гордые тем, что удалось преодолеть расстояние от нашего поселка до Торонто всего за двадцать девять часов. В худшую погоду на это могло бы уйти и три-четыре дня.

Было уже два часа ночи, когда по бетонированному полю аэродрома мы подошли к почти пустому зданию аэропорта. Жара влажным полотенцем обволокла нас. Днем температура воздуха была за тридцать градусов, и неподвижный ночной воздух почти не охладился. Мы ведь теперь на юге Онтарио, где растут персики, виноград, помидоры и табак, где летом надевать пальто нет надобности. И это Торонто, где мы просто взяли наш багаж и вышли на улицу, причем нам и в голову не пришло искать вокруг знакомые лица. Уже в такси я подумала: что почувствует, как поведет себя в ночном калейдоскопе машин, шоссежных дорог и чужих лиц тот, кто впервые попал сюда? Мы ехали со скоростью миль сорок в

час — по современным меркам медленно, но вчетверо быстрее, чем я привыкла за последнее время. Снова я ощутила непривычную скорость.

Мы ехали, и я, как никогда раньше, разглядывала дворики домов, мелькающих вдоль шоссе. Раньше ни деревья в цвету, ни зеленые лужайки с клумбами аютиных глазок и ноготками перед домом не привлекали моего внимания. Кругом стандартные приметы городского быта: садовая мебель, кабинки летних душей, бассейны-лягушатники для детей. Все так непохоже на то, что совсем недавно нас окружало. Я постаралась взглянуть на все это глазами человека, который впервые в Онтарио, — глазами моих соседей из Собачьей Бухты, тех людей, для которых рыбацкие лодки или причалы были повседневностью, которые искренне изумлялись, зачем мне приспичило такое фотографировать. Интересно, как бы они отнеслись к этой бесконечной веренице разновысоких коттеджей с аккуратными лужайками? Поразили бы их воображение широкие, в четыре полосы, автострады, которые даже ночью забиты несущимися автомобилями?

На несколько недель мы погрузились в городскую жизнь. Смотрели фильмы в кинотеатрах с кондиционером, где были не скамьи, а кресла со спинками. Смотрели телевизор. Сходили к зубному врачу, подлечили зубы. Я купила кое-что из одежды и постриглась. Бродила по заманчивым магазинам — которые теперь назывались "бутик"¹, — наполненным всякой всячиной из Индии, Дании или Италии — стран для меня экзотических. Мы обедали в греческих и венгерских ресторанчиках, я видела бесконечные толпы покупателей и студентов на Блор-стрит. Торон-

¹От французского "boutique" — лавка; здесь — магазин модной женской одежды.

то не казался мне теперь нудной классной дамой, какой представлялся в студенческие годы, десять лет назад. Я досыта впитывала городскую жизнь.

Тем не менее она мне скоро наскучила. Я стала думать о том, что делается там — дома, где остались люди, чья жизнь стала частью моей жизни. Перешла ли Дороти в следующий класс? Много ли рыбы идет в сети Эзры и Чарли? Посадила ли, как всегда, тетушка Тиль картофель на своем огороде? Как поживают дети Пойнтингов? Всех их — детей, бабушек и собак — мне захотелось поскорее увидеть. Я даже стала скучать по тамошним туманам.

Чтобы навестить дочку Минни Джозеф, пришлось отправиться на западную окраину города, где я никогда раньше не бывала. Ничем не примечательная улица, вдоль которой тянулись обветшалые дома и палисадники без единой травинки. Только большие деревья, посаженные еще в начале века, спасали улицу от полного запустения. Как это непохоже на пригород Торонто, с его лужайками и ноготками.

Тетушка Ида, у которой жила Мэри с подружкой Дорис, занимала второй этаж узкого трехэтажного каменного здания. Первоначально оно предназначалось для одной семьи, хотя за последние пятьдесят лет в него набились три или четыре.

Я поднялась по ветхой лесенке и прошла через тускло освещенный коридор. Переступив порог, я вдруг оказалась в кухне — точь-в-точь как любая кухня в нашем поселке. Очевидно, тетушка Ида постаралась воссоздать здесь кухню, в которой прошло ее детство. Как дровяная плита в любой нашей кухне, электрическая плита здесь занимала центральное место, а вся мебель располагалась вокруг. Большой деревянный стол,

выкрашенный в голубой цвет, стоял в окружении четырех стульев, на полу — коврик из линолеума. Старенькие кружевные занавески, вышедшие из моды даже в нашем поселке, облагораживали вид, открывавшийся из окна на обшарпанный дом напротив. Ярко-желтые стены кухни были голы, если не считать двух календарей: один из бакалейной лавки Ньюфаундленда, чьим владельцем был некто Госс, а второй — выпуск находящегося по соседству общества Армии спасения. На первом была картинка: ферма, чистенькие ребятишки, аккуратные заборчики и бокастые коровы. Точно такая же пасторальная сценка была на календаре в кухне у Матильды Роуз. С календаря Армии спасения смотрел печальный лик Иисуса. Стену украшала также старая выгоревшая и неумело раскрашенная фотография отца тетушки Иды, снявшегося еще до первой мировой войны в одном из португальских портов.

Практически тетушка Ида проделала то же самое, что и я, только наоборот: из Балины переселилась в Торонто. Я тоже отправилась в Балину, прихватив с собой любимые книги, керамические пепельницы, плетеную мебель и коврики ручной работы, а также доверху набитую карандашами вездесущую банку из-под джема "Данди". Только я расставляла пластинки с записями классической музыки, а тетушка Ида ставила в вазы с изображением ниагарского водопада искусственные розы.

— Входите, милая, садитесь, — с радушной улыбкой пригласила она меня. — Как это славно, что вы зашли нас навестить.

Тетушка Ида, маленькая, хрупкая старушка лет семидесяти, с седенькими волосами, собранными на затылке в пучочек, страдала болезнью ног. Ее лицо несло отпечаток прожитых лет и

нелегкой жизни, и только карие глаза, как и у Эзры Роуз, смотрели молодо, весело.

Мы с тетушкой Идой сели к кухонному столу — на деревянные стулья с тисненым орнаментом. В комнату вошли Мэри с Дорис и застенчиво переминались у двери. Постояли-постояли и сели наконец на продавленную тахту — так хорошо знакомый мне атрибут кухонной мебели. Мэри улыбалась, но в разговор не вступала. Ни тетушке, ни ей даже в голову не пришло познакомить меня с Дорис Риггс, которая родом тоже была из поселка, но с ней я раньше не встречалась. Мы как бы поменялись ролями. Если прежде мне случалось чувствовать себя неловко на пороге чужих кухонь, то здесь, в Торонто, Мэри и Дорис чувствовали себя не в своей тарелке в комнате, точь-в-точь повторявшей известную им кухню на Ньюфаундленде.

Мэри, которой шел восемнадцатый год, стала как будто поживей, чем раньше. На ней была красная нейлоновая блузка и темно-красные эластичные брюки со штрипками, губы накрашены помадой. Хорошенькая девушка, невысокая, легкая — в отца. Ей бы танцовщицей стать или гимнасткой. Девятнадцатилетняя Дорис была гораздо крупнее. Все говорило за то, что с годами она располнеет, уже сейчас намечается второй подбородок. Стоило Дорис улыбнуться, и на щеках у нее появлялись ямочки, но при этом обнажались и неровные зубы. Волосы зачесаны кверху, стянуты в пучок и скреплены лаком.

Я задала несколько вопросов об их работе, о том, нравится ли им Торонто, но потом оказалось, что говорить больше не о чем. К счастью, паузу заполнила тетушка Ида: не закрывая рта, она все говорила и говорила на близкую всем тему — про Балину. Она рассказывала о шхуне ее отца "Софи и Ида", о том, как однажды они с

сестрой решили отправиться на остров Джерси, повидать дружка ее сестры.

— Бедный папаша так осерчал, что даже назвал нас паразитками!

Она покатывалась со смеху, а Мэри и Дорис сидели с вымученными улыбками, из чего следовало, что они уже не раз слышали эту историю. Рассказать о том, как она жила все годы после того, как покинула поселок, тетушке Иде было нечего, видно, ничего примечательного с тех пор в ее жизни не произошло.

В тот день я одолжила у брата старенький "моррис", захотелось покатать девушек по городу. Их удивило, что я откуда-то достала машину, но еще больше — что я умею ее водить.

Мы припарковались на огромной автостоянке в самом центре города, чуть южнее собора св. Джеймса, только тут Мэри оживилась и стала рассказывать мне о своей жизни в городе.

Из поселка они уехали сразу после рождества. У них с собой было по чемодану и деньги, которые они скопили за год работы на рыбозаводе. В январский шторм им только за двое суток удалось добраться до Новой Шотландии, оттуда началось их путешествие на разных автобусах, и в конце концов они прибыли в Торонто. Девушки не предполагали, что целых трое суток им придется добираться автобусом без всяких удобств. И на питание они потратили больше, чем рассчитывали. Наконец подъехали к самому уродливому зданию в Торонто — автовокзалу на Дандас-стрит, и здесь кто-то помог им взять такси. Водителю они назвали лишь улицу, на которой живет Ида Баффет. Они еще не понимали всей важности нумерации домов: в поселке все знали, кто в каком доме живет, и было бы просто глупо присваивать домам еще какие-то номера. Все равно, что людей нумеровать. Так-

сист, который им попался, судя по всему, был святой человек; он возил их по улице взад и вперед, останавливаясь то у одного дома, то у другого, спрашивал, не знает ли кто, где живет Ида Бафсет. К счастью, им повезло, кто-то знал ее дом.

С тех пор в Торонто они бывали лишь в двух местах. Девушки всего-то и знали что фабрику игрушек, на которой работали и куда каждое утро они ездили на трамвае и откуда на том же трамвае возвращались вечером. Дома ужинали, после ужина смотрели телевизор. И еще одно место они знали — дом, где помещалось местное отделение Армии спасения и куда тетушка Ида хаживала по воскресеньям.

Их жизнь показалась мне настолько безрадостной, что я никак не могла понять, что же заставляло их жить в Торонто. Почему они не плюнули на все и не бросились сломя голову на поезд или на автобус, который доставил бы их в Сидни, потом паромом до Порт-о-Баска, а оттуда рейсовым пароходом до поселка? Ведь там даже у самых бедных людей жизнь краше. Даже у Розы Пойнтинг, которая вечно носится со своим выводком, и то в жизни больше радостей. И если я могла проводить время с родными или друзьями, рассказывая по театрам, ресторанам и картинным галереям, то Мэри и Дорис знали лишь свою фабрику и те улицы, которые видели из окна трамвая, трясущегося по Квин-стрит.

Я радостно принялась рассказывать про все те места, куда любила ходить в юности: Хай-парк, зоопарк на Ривердейл и сад Эдвардс, для девушек эти названия звучали экзотикой, подобно неведомым рекам Китая. Ни этих мест, ни как туда проехать они не знали. Даже ни разу не рискнули спуститься в торонтское метро.

Мы вошли в древний собор св. Джеймса —

этот построенный в прошлом веке оплот тишины. В соборе было прохладно, кто-то наигрывал органную прелюдию Баха. Обстановка в соборе разительно отличалась от знакомой девушкам церкви св. Петра в поселке, и обе никак не могли поверить, что и этот собор — тоже англиканская церковь.

После посещения собора я решила оставить машину на стоянке и прогуляться с моими спутницами по улицам, надеясь, что так они скорее научатся самостоятельно передвигаться по городу. Гуляя, мы дошли до угла Квин-стрит и Йонг-стрит и там остановились как замороженные, любуясь искусством художников, оформивших витрины фирм "Итон" и "Симпсон", магазины которых тянулись по Йонг-стрит. Чванливые манекены, разодетые в элегантные костюмы, глядели из оформленных с безукоризненным вкусом витрин куда-то вдаль. Их вид произвел на Мэри и Дорис неизгладимое впечатление, куда более сильное, чем пыльный интерьер собора.

— Ух ты! Вот бы мне такие! — сказала Дорис, с восхищением глядя на брюки-дудочки, красовавшиеся на манекене.

— Ой, ты только взгляни, миленькая, на этот ковер! — воскликнула Мэри. — Большой, пушистый, точь-в-точь как в каталоге. Вот бы такой маме моей.

Потом мы подошли к зданию коммерческого банка на Кинг-стрит. Когда-то оно считалось самым высоким во всем Британском содружестве наций, но сейчас рядом строилось еще более высокое здание Государственного банка Торонто. В лифте мы поднялись на тридцать первый этаж, чтобы оттуда полюбоваться панорамой.

— Боже мой, какой тут ветер! — воскликнула

Дорис. Ветер растрепал ее прическу, пока мы шли по галерее.

Мэри запахнула на себе жакет. Длинные волосы хлестали ее по лицу.

— Ух, как задувает! — крикнула она. Знакомая стихия — ветер — целиком захватила их, и обе совершенно забыли о городе внизу.

Мы глядели сверху на остров Торонто, который отсюда казался крошечным садиком, я рассказала девушкам, где можно сесть на прогулочный пароходик, который везет туда. Правда, я сознавала, что такая прогулка — ничто в сравнении с путешествием в летний день на лодке к островкам Дальний и Далекий — любимое развлечение бакинских ребятишек. Мне и самой нравилось плавать на эти давно заброшенные острова, где можно найти то битую фарфоровую посуду, то причудливой формы печные дверцы, то ветхие колонки от винтовых лестниц. На этих островах тебя встречали лишь крики чаек да пение жаворонков. Может быть, незримое присутствие предков на забытых островах взволновало только меня? Интересно, бывали ли там Мэри и Дорис? А может, в их глазах именно покрытый пылью архипелаг именитого озера Торонто с аккуратными цветочными куртинами, фонтанами, газонной травкой и переполненными мусорными баками и является раем цивилизации? Прекрасным и манящим, только потому, что он находится в самом центре сказочного Торонто.

Страшно было подумать, что они кинули и что могут приобрести взамен.

В сравнении с прошлыми воспоминаниями город в тот день показался мне совсем чужим и далеким. Когда мне было столько же лет, сколько сейчас этим девочкам, я работала в центре города в бюро по устройству вновь прибывших, таких вот, как Мэри и Дорис, и по ока-

занию помощи одиноким, таким, как тетушка Ида. Я и мои коллеги слепо верили, что мы возвращаем этим людям то, что они потеряли, — чувство человеческой общности. Но до того самого дня, когда я увидела город с высоты смотровой площадки на крыше банка, я еще не понимала, каково в Торонто людям, лишенным корней. Станут ли они когда-нибудь полноправными его жителями?

Мы еще погуляли по городу, побывали в разных местах: в Квинз-парке с его клумбами и скульптурами, осмотрели внушительное здание законодательного собрания провинции Онтарио. Прокатились на метро. Я объяснила девушкам, как проходить через турникет и как надо быстро войти в вагон, чтобы не прихлопнуло автоматическими дверьми.

В конце дня я повезла их ужинать к моему брату, в его скромный коттедж в восточной части Йорка¹. Мы поехали по авеню Донлендз, и мои спутницы рассматривали фигурки, стоящие на газонах перед домами, изображавшие то фламинго, то гномика, то негра-пехотинца. Им все здесь нравилось, так же как и дом моего брата. Брат работал лаборантом, а его жена была учительницей. Их дом был обставлен неплохо, хотя и без особой роскоши. Правда, в гостиной на полу лежали ковры, стояли мягкие кресла, а на стенах были картины в рамах.

Поздно вечером я отвезла девушек на квартиру тетушки Иды.

— Как только возвращусь в Балину, непременно передам привет вашим, — пообещала я. — Это будет уже на следующей неделе. Пусть порадуются, что вы живы-здоровы, что у вас все в порядке.

¹ Район Торонто.

Я ведь знала, что хотели девушки передать со мной и что хотели бы услышать их родители.

22

Туман — извечное проклятье побережья — до- нимал нас в июне, когда мы уезжали, и вот теперь, в июле, мы снова вернулись к нему. В самое теплое время года капризная погода скрыла от нас солнце. В марте и то чаще выдаются солнечные дни.

Только что отстроенное пассажирское судно "Тавернер" полно пассажиров. Кстати, это первый теплоход, построенный в Канаде. Большая часть пассажиров — туристы, спешившие воспользоваться коротким здешним летом. Именно они занимали лучшие каюты, к неудовольствию пассажиров из числа местных жителей. Туристам не терпелось увидеть неповторимые пейзажи, но им не всегда везло с погодой, всю неделю здесь мог господствовать густой туман и ничего не видно, а слышен только хриплый гудок теплохода. Порой лишь перезвон корабельных склянок, крики невидимых чаек да еле виднеющиеся сквозь туман величественные скалы свидетельствуют о том, что корабль пристал к берегу.

Все же эти люди, отказавшиеся от солнечного тепла, от комфорта цивилизации, только чтобы проехаться вдоль побережья Ньюфаундленда, были не ординарными туристами.

Они наверняка постарались заранее кое-что разузнать о здешних местах, хотя Национальное управление железных дорог Канады этот маршрут не рекламировало. Очень немного канадцев и американцев знали о том, какие существуют средства передвижения по Ньюфаундленду. Еще местное управление туризма не начало реклами-

ровать остров как обитель чудаков, которые спят и видят, чтобы туристы приехали и полюбовались их волшебным краем. Еще Ньюфаундленд не превратили для поборников духовной контркультуры в некий канадский Катманду¹.

Рейсовые суда предлагали скромный сервис: никаких развлечений и никакого алкоголя на борту. Пассажиры, путешествующие в одиночку, обычно объединялись по признаку пола в трех- или четырехместных каютах, еда была самая простая, но обильная. Тем не менее из такого путешествия лишь немногие возвращались довольными. Все, что они видели, было им в диковинку, все интересовало. "Чем люди на Ньюфаундленде зарабатывают себе на жизнь?" "Неужто такая плохая погода здесь все время?" "Есть ли у них здесь больницы и врачи?" "А школа?" "Неужто даже телевидения нет?" "Как, вы сказали, называется та рыба, что мы ели на завтрак?"

Совсем недавно и я сама задавала подобные вопросы. Теперь мне приходилось на них отвечать, рассказывать туристам из Скарсдейла или Скарборо, в какой следующий порт мы заходим, и я добавляла, на манер старожила, что, если ветер не переменится, мы проследуем в Балину, не заходя в Гранд-Анс.

За ужином мы сидели рядом с молодым человеком из Пенсильвании². Он ехал в Гранд-Анс, намереваясь пробыть там год. Его, антрополога, направил туда недавно созданный при Мемориальном университете факультет антропологических и социальных исследований в Сент-

¹Столица Непала, которая в 70-е годы считалась центром движения "хиппи".

²Штат в США.

Джонсе. Юноша пояснил, что Гранд-Анс привлекает его тем, что, будучи изолированным, он все же имеет много общего с материковой Канадой. Особенно интересуют его "взаимоотношения хозяина и гостя" и "распределение обязанностей в многодетной семье".

— Вам следует быть поделикатнее при сборе материалов, — посоветовал Фарли.

— Я не собираюсь ни от кого скрывать цели своей работы, — возразил он. — Так и представлюсь: антрополог-социолог, и точка.

— Видите ли, местные жители не очень-то жалуют приезжих, которые собираются у них что-либо выведать, хотя бы и в интересах науки. Кроме того, учтите, слово "антрополог" им ничего не говорит, — сказал Фарли.

— Поверьте мне, — с апломбом произнес молодой человек, — уж я знаю, как войти к ним в доверие, нас этому научили.

По расписанию теплоход должен был прибыть в поселок около девяти вечера; стоя на палубе в опаловой дымке заката, я перебирала в памяти весь дальнейший путь. Вот над мерной океанской волной раздалось знакомое позвякивание буя у Тюленьего острова. Туманная сирена громко прозвучала откуда-то с затянутой дымкой вершины утеса над нашими головами.

— Через семь минут, — сказала я мужчине, облокотившемуся рядом со мной на поручень. Этот высокий долговязый молодой человек оказался из Калифорнии.

— Через семь минут мы причалим, — повторила я.

Точно так и случилось, и я почувствовала невольную гордость.

В тот субботний вечер вся пристань была заполнена людьми, отъезжающих или встречающих среди них было немного. Большинство пришло

на пристань просто людей посмотреть и себя показать.

— Нас встречают, как английскую королеву, — сказал калифорниец, когда сквозь дымку он наконец разглядел толпу на пристани.

— Так принято, — бросила я как можно небрежнее. — Тут приходят на пристань просто из любопытства.

Но сказать по чести, даже после пяти лет жизни на Ньюфаундленде я не могла, как этот мой спутник, остаться равнодушной к торжественному моменту — причаливанию судна.

Когда бы я ни приезжала в Торонто, ни разу я не чувствовала такой теплоты. У нас так приветствуют только команду-победительницу соревнования на Кубок Стенли¹.

Здесь же так встречали всех. Ничей приезд не оставался незамеченным.

Как всегда, на пристани был Дэн Куэйл-младший: он ждал товара, чтобы загрузить свою шлюпку. С ним был одетый с иголки младший неженатый брат Обри. В руках он держал чемодан.

— В Садберри едут, — сказал Дэн о своем восемнадцатилетнем брате и его друге-ровеснике, которые вместе отправлялись искать счастья. — Говорят, там работы непочатый край.

В толпе я заметила Эдит и Мейзи Пойнтинг. Губки подкрашены, новые симпатичные плащики, а на голове — кудряшки самодельной завивки. Нет, никуда они не едут, просто так пришли. Я остановилась, чтобы перекинуться словом со своими учениками, и они похвастались, что на экзамене по изобразительному искусству они получили высокие оценки и теперь еще год

¹Самый престижный приз в североамериканском профессиональном хоккее с шайбой.

хотят походить в школу, чтобы закончить ее. Я даже приветливо помахала рукой нашему надувшемуся от важности полицейскому капралу Фрейзеру, и он кивнул в ответ. Вид у него был такой серьезный, словно он был поглощен ловлей преступников.

Погрузив наш багаж поверх наполнивших шлюпку бакалейных товаров Дэна, мы отплыли вместе в сторону Собачьей Бухты. Как всегда, детвора, старики и все местные собаки в сумерках бродили у мостков, ожидая нашего возвращения домой. Их радость была скупа, но само их присутствие говорило о многом. Встречавшие быстро опорожнили шлюпку и понесли наши вещи. Дети спорили друг с другом, кто понесет наши чемоданы, спешили, кто первый расскажет всем, что мистер и миссис Моузт возвратились и они это видели собственными глазами. В тот день Дэн уже заходил к нам, протопил печь. Дороти аккуратно сложила всю нашу почту стопкой на рабочем кухонном столе.

— Хорошо, что вы вернулись, — сказала она. — Без вас дом темный стоял. — Она прошла за нами в кухню, следом за ней потянулись Сьюзи с Лероем. Они с любопытством наблюдали, как мы снова обживаем свой дом: выкладываем из морозильника еду, чтобы разморозилась, регулируем нагреватель горячей воды — словом, расставляем все по своим местам. Вскоре к нам заглянул их отец. Он уже разложил в лавке товары, которых должно хватить на неделю, и вот теперь заглянул к нам в гости, а заодно решил шугануть младших детей домой спать.

Только Дороти он разрешил остаться. Она принесла показать, как выполнила мое задание по машинописи, которое я задала ей на время моего отъезда.

— Тут без вас такое было! — сказал Дэн, из-

немогая от желания немедленно выложить все.

— А что случилось?

— На прошлой неделе на рыбозаводе чего было! Все рабочие из фасовочного цеха ушли домой. Повесили ножи — и по домам. И все тут. А следом за ними — упаковочный! Им паковать стало нечего. Говорят, пятьдесят тонн рыбы протухло на причале у рыбозавода.

— Рано или поздно это должно было случиться, — сказал Фарли, комментируя известие.

— Наверное, давно уже замыслили, но решили дождаться, пока мистер Мосс уедет в отпуск, а мистер Дрейк с женой отправятся на реку лосося ловить. Только мистер Дрейк узнал, что стряслось, — сразу на вертолет и мигом сюда. А здесь его тухлой рыбкой встретили. На заводе ни души, только Гэс Барнс, сторож, машины сторожить остался. Мистеру Дрейку и в голову не могло прийти, что такое может случиться, иначе дома сидел бы.

— А как сейчас? Забастовку объявили? — спросил Фарли.

— Да, сэр. Сказали: не пойдем на работу, пока не будет профсоюза и пока не прибавят зарплату, и все такое. Словом, все, что сейчас им недодано. Оплачиваемый отпуск и прочее. Могу поклясться, не скоро они этого добьются, да и добьются ли — еще на воде вилами писано. Фримэн Дрейк — крепкий орешек. Сказал, закроет, мол, завод да и переведет в другое место. Вот так-то... Да уж, хлебнем мы здесь горюшка. Все уже лишнюю монету истратить боятся.

После событий в Северном Сидни, в которых и сам он участвовал, мысли Дэна Куэйла-младшего были не о рабочих. Он беспокоился о том, что теперь они станут меньше покупать у него в лавке. В общем, наш верный сосед, наш давний друг Дэн переходил на другую сторону баррикады.

Я не знала, что ему сказать. Наступила гнетущая тишина. Фарли заерзал на стуле, поднялся и пошел искать свою трубку и табак.

Я переключилась на Дороти. Вот уже год, как я учила ее печатать на машинке. Ее привлекал стук двух пишущих машинок, ежедневно доносившийся из окон нашего дома, и ей очень захотелось самой научиться печатать. Чтобы она могла практиковаться, Фарли отдал Дороти свою старую портативную машинку. Однако на наши занятия она могла приходить только после школы и притом если не была занята в магазине и если не надо было сидеть с новорожденным Дэнни, так что свободного времени у нее оставалось совсем мало.

Мы с Фарли пришли в восторг, увидев ее работу: несколько страничек, заполненных тренировочными комбинациями букв. Я похвалила Дороти. Ведь если учесть, что печатать ей приходилось лишь поздно вечером, сидя на кровати, где все никак не могла заснуть младшая сестренка Сьюзи, то ее труды заслуживали всяческих похвал.

— А что, Дэн, молодец у тебя дочка! — сказал Фарли. — За что ни возьмется, любое дело у нее так и спорится: взять хоть учебу в университете или курсы медсестер. Она своего добьется.

При упоминании об университете Дэн возмущенно хмыкнул.

— Дороти — старшая, — сказал он жестко, — и должна помогать мне в лавке. Да и зачем девчонке дальше учиться. Образование поможет ей детей растить, что ли?

Я ушам своим не верила: неужели в наше время можно использовать этот затасканный аргумент! Но мне следовало помнить, что для Дэна это все было внове. Мемориальный университет в Сент-Джонсе открылся лишь несколько лет

назад, а до того времени уезжать на учебу в Канаду или Англию было привилегией богачей.

В тот вечер я чуть было не сцепилась с Дэном, но, к счастью, сдержалась. Позднее я поняла, что его соображения были не лишены смысла. Действительно, станет ли Дороти счастливее, станет ли лучше от того, что ее пошлют учиться в университет за шестьсот миль от родного дома, в город, которого ее родители и в глаза-то никогда не видели? И будет она жить в одиночестве все лучшие свои годы, когда девушки выходят замуж, а раз так — она обречена либо остаться старой девой, либо выйти замуж за чужака, а значит, навсегда проститься с родным домом. Мне следовало бы помнить о печальном примере Мэри Джозеф и Дорис Риггс.

Я рассказала Дороти о том, что видела Мэри с Дорис в Торонто. Особо не распространялась, просто сказала, что они живут у тетушки Иды Баффет и что обе нашли работу. Правда, я добавила, что Мэри скучает по дому и поговаривает о возвращении в поселок.

— Гм, глупо сейчас возвращаться, — сказал Дэн. — Рыбозавод-то закрылся. Лучше им там пока пожить. Отцу Мэри нынче несладко придется. В этом году Ной не поехал на Рози-ривер с мистером Дрейком.

— Куда ни кинь — все клин, хотя никому от этого не легче, — сказала я Дороти в надежде как-то подбодрить ее. — Сейчас лето, и, раз Рут тоже бастует, вы обе могли бы поразвлечься. Устроили бы пикник на пляже, съездили бы на лодке на остров Дальний, как в добрые старые времена.

Дороти потупилась и искоса взглянула на отца.

— Рут замуж выходит, — выдавила она. — В августе.

— Замуж? — удивилась я. — Надо же... Вот здорово! Я так люблю гулять на свадьбах. А кто же счастливый избранник?

— Сесил Тибо.

Это имя ничего мне не говорило.

— Вы его, верно, не знаете. Он часто ездил работать на Озера, но в этом году не поехал. Остался дома и поступил на завод.

И Дэн Куэйл-младший умолк. Его сестрице Рут только что исполнилось шестнадцать, и мы знали, что она уже ожидает ребенка, хотя вслух об этом никто не говорил. Ребенок должен родиться к рождеству, а его отец будет сидеть без работы, пока не кончится забастовка.

При мысли о том, что Рут выходит замуж и скоро станет матерью, я вдруг подумала: сколько же времени мы здесь прожили? То, что Рут выходит замуж так рано, меня не удивляло, ведь большинство ее сестер также выходили замуж еще до двадцати. С другой стороны, прошел всего лишь год с тех пор, как Рут и Дороти, школьницы, сидели у меня на кухне, хихикали и делились секретами. Я подумала: ведь у них почти нет отрочества — этого незабываемого перехода от детства к взрослой жизни, который у многих в нашем западном мире продолжается чуть ли не всю жизнь. Здесь же этого перехода попросту не существует.

Шла неделя за неделей необыкновенно дождливого лета, люди размежевывались на два лагеря. Друзей подбирали тщательно и осторожно. Разговоры велись с оглядкой, и в мужских беседах, у причалов и в лавках, и когда женщины собирались на кухне, судили и рядили по-всякому. Ни для кого не было секрета, что зачинщиками забастовки явились Оби Кендэл и Чарли Куэйл. Но кто с ними заодно, никто не знал.

Однако то, что более десятка молодых парней, которые обычно ездили на заработки на Великие Озера, в тот год не поехали, не осталось без внимания. Пошли работать на рыбозавод, зарабатывали гораздо меньше, чем на Озерах. Я до сих пор диву даюсь — почему. Может, решили свести счеты с местными воротилами, рассчитаться за прошлое?

Ежедневно Фримэн Дрейк наталкивался на экономическую проблему: в море есть рыба, и рыбаки ее ловят, но на рыбозаводе в поселке нет рабочих и некому обрабатывать улов. По его команде сейнеры везли улов на ближайший рыбозавод, на островок Джерси, но и там среди рабочих начались волнения. В середине лета Дрейк прибавил жалованье — по пять центов в час для женщин и по семь для мужчин.

Фримэн отказывался говорить с теми, кто выступал от имени профсоюза. Он отрицал само существование такого профсоюза и, казалось, недоумевал, как это местные жители могут быть такими неблагодарными, когда он построил в поселке рыбозавод, специально чтобы дать им работу, не говоря уже о его деятельности в качестве мэра. Разве он не старался превратить это захолустье в современный город? После многочисленных утомительных совещаний, писем и телефонных звонков — в помощь совету поселка — вот она, благодарность!

Тем не менее они с Барбарой не отказывались от своих летних развлечений. Всей семьей ездили на прогулки на лошадях, нередко к ним присоединялись доктор Биллингс и его жена. Когда эта кавалькада, в английских костюмах для верховой езды, проезжала со звонким цокотом по поселку, это было великолепное зрелище. Проезжая мимо нашего дома в Собачьей Бухте, они обходились без приветствий. В солнечные дни

играли на лужайке в крокет. Специально для этой лужайки когда-то был завезен нарезанный кусками дерн с острова Принца Эдуарда. А в ясную погоду все отправлялись на яхте "Сэр Фрэнсис Дрейк" на пикник куда-нибудь на побережье.

Дэн Куэйл-старший, совсем недавно командовавший тремя десятками женщин в упаковочном цехе, проводил лето у себя в Собачьей Бухте, красил дом свежей краской и размышлял над своими проблемами. Его десятая дочь Рут выходит замуж за парня, который, как известно, стоит за профсоюз. Его третий сын Чарли — главный зачинщик забастовки, а старший сын Дэн — противник забастовки и вот уже несколько месяцев с отцом не общается. Средний сын Клэрэнс никому не говорит, за кого он. А замужние дочери — Люси, Клара, Эрнестина, Анна, Робина, Альма, Дора, Ева и Мюриэл — тоже темнят и помалкивают о том, какой лагерь они с их мужьями поддерживают. Как же тут свадьбу справлять, если в семье ладу нет? Кто на свадьбу-то придет? Кто будет помогать готовить, приводить потом все в порядок? Лиззи Куэйл, которая уж десятую дочь замуж выдавала, просто не знала, к кому подступиться.

Решили, что на сей раз придется отказаться от Приходского зала, от гофрированной бумаги и от приглашений, написанных от руки. Рут с Сесилом обвенчаются в церкви, потом возвратятся домой, где будет устроен ужин для тех, кто захочет прийти. Кто-нибудь в поселке может и неодобрительно отозваться насчет такой бедной свадьбы, только не то сейчас время. Этим летом, только толпа соберется у прихода, обязательно начнутся стычки. Теперь, когда в поселке появился и второй полицейский, кто-нибудь из двоих непременно присутствовал на каждой

свадьбе. И если друзья Сесила по профсоюзу немного выпьют и станут наседать на тех родичей, кто выступает против забастовки, одному богу известно, что из всего этого может выйти.

Дэн не мог посетовать про себя: если бы весной Сесил Тибо вернулся на Великие Озера, все было бы намного проще. Однако он вынужден был признать, что парень этот ему нравится — и ведет себя достойно, и добрый трудяга. Люди говорят, что он хорошо себя показал, когда работал на Великих Озерах... За три года от палубного матроса дослужился до четвертого помощника главного механика. И как только могло случиться, что он стал забастовщиком?

В день свадьбы туман отступил от берега, раздернулся, как гигантский театральный занавес, и позволил солнцу пробиться к земле. И сразу все почувствовали, что на дворе лето. Рут сияла в том же подвенечном платье, которое год назад на свадьбу надевала ее сестра Мюриэл. В воздушном бирюзовом платье Дороти, ее лучшая подруга и племянница, выступала подружкой невесты.

Нельзя сказать, что на свадьбу сошлось мало гостей. Одни лишь семьи Куэйлов и Тибо уже довольно приличная компания, хотя Дэн-младший и Мелита, а также еще две сестры с мужьями на свадьбу прийти отказались, поскольку выступали против профсоюза. Гости заполнили кухню, гостиную и даже часть дворика. Дети сновали туда-сюда. Все столы были тесно уставлены самыми нарядными фарфоровыми тарелками, наполненными угощением. По такому случаю семь замужних сестер объединились и испекли пироги, приготовили сэндвичи и большой свадебный торт весь в завитушках. Широкий мягкий диван

в гостиной был завален подарками. В общем, свадьба удалась на славу.

Девятнадцатилетний жених Сесил совершенно не походил на своих родственников Тибо. Светлые шелковистые волосы, длинные худые руки, и росту он был высоченного. А в семействе Тибо все кряжистые, кудрявые крепыши. Эзра Роуз, а он знал все и про всех, поведал нам, что Сесил — "дитя любви". Это сообщение вызвало у меня невольную улыбку — ведь сам-то Эзра родился задолго до того, как его мать вышла замуж.

Сесил подошел к Фарли поболтать. Но не о забастовке — о ней не говорил никто, поскольку в такой день эта тема была под запретом. Сесил заговорил о книгах и о чтении. Рассказал, что когда работал на рудовозе, то во время вахты у него бывало много свободного времени, вот он и пристрастился к чтению. Даже прочел книгу о работе спасательных судов "Над свинцовыми волнами", которую Фарли написал несколько лет назад.

Услышать такое, да еще на свадьбе в Собачьей Бухте, в поселке, где личность писателя совсем непопулярна, — невероятно!

— Гарлэнд! Ну-кась, иди ко мне! — визгливо окликнула своего мужа-выпивоху Розы Пойнтинг. Тот явился на свадьбу уже под мухой.

Гарлэнд не пропускал ни одной свадьбы. Но ему даже в голову не приходило побриться или надлежащим образом одеться, как остальные. Словно собака, вынюхивающая дичь, бродил он из комнаты в комнату, не обращая ни малейшего внимания на свою супругу. Единственным напитком, кроме кофе или чая, которые разливали неутомимые сестры Рут, была "запеканочка".

— Черт-те что, ее и пить-то невозможно, — бурчал Гарлэнд, опрокинув в себя бокал приторного

напитка. Мне было понятно его отвращение, меня тоже подташнивало.

Когда сгорел их дом, Дэн Куэйл-старший поначалу даже обрадовался, что встречаться с Гарлэндом, Рози и их детьми-замарашками больше не придется. Но вот они, тут как тут, да еще стали ему хоть и дальними, но все же родственниками, поскольку Сесил приходится Рози племянником.

— Ну и лодырь этот Гарлэнд! — вздыхал Дэн-старший.

— Он вроде меня, — вставил Фарли, — человек свободной профессии.

— Что правда, то правда. Никогда толком не работал, только на себя, да и то через пень-колоду. Слава богу, сегодня хоть драки не учинил, ему-то наплевать, вернутся рабочие на завод или нет.

После свадебного застолья Мэттью и Тельма Уэй зашли к нам. Обычно они старались не пропускать подобных приглашений, но в то лето они буквально выбились из сил: слишком много парней осталось дома.

Я готовила на кухне чай, Тельма сидела рядом. Не часто встречаются жены священников такие, как она, кому удалось найти свое место в жизни и чувствовать себя совершенно счастливой. Мать четверых очаровательных детишек, она была женщина уравновешенная и к тому же прекрасная хозяйка. Тельма преподавала в воскресной школе, а недавно организовала специальный кружок для девочек-подростков, учила их почитать бога и свое отечество, а также готовить, шить, вышивать, пытаясь раскрыть перед ними новейшие достижения современности. Все свободное время, если оно у нее оставалось, Тельма занималась сама, будучи студенткой-заочни-

цей университета. Она искренне верила, что живет правильно, и я ей от души завидовала. Но в тот вечер она казалась очень усталой, сказала, что погода скверная, дети почти все время торчат дома. Скорее бы наступило первое сентября, когда все четверо наконец-то отправятся в школу.

Весельчак Мэттью в тот день тоже был непохож на себя. Этот человек, который поднял жителей Розы-ривер на постройку новой церкви, а жителей острова Джерси — на постройку Приходского зала, который научил местных мальчишек играть в хоккей, вдруг заговорил о том, что теперь епископ может командировать его на работу бог знает куда.

— Беспорядки на заводе, — сказал Мэттью, прихлебывая чай маленькими глотками, — нарушен извечный порядок вещей.

— Да для такого местечка, как наше, это — революция, — сказал Фарли.

— Причем интересно, как все разделились! Когда я навещаю прихожан, кое-что узнаю: старые привязанности, старые страхи. Люди еще не забыли дни Рену и Ледрю. Некоторые до сих пор поминают их, как благодетелей, хотя прошли уже годы. Вспоминают, например, как миссис Ледрю посылала суп больным. А кое-кто считает и семейство Дрейков продолжателями той же самой... ну, как это...

— Династии? — подсказал Фарли.

— Да нет, традиции, если хотите. Эти люди по традиции считаются источником всех благ. Кто же, как не они, договорились насчет сбыта, привезли издалека оборудование — словом, взялись за то, к чему здесь никто не знал как и подступиться.

— Хотя ради этого людям пришлось лезть в кабалу? — спросил Фарли.

— И эти же самые люди боятся, что наступят тяжелые времена, когда они окажутся без хозяина, — сказал Мэттью.

— Так же, как боятся оказаться без доктора, — добавила Тельма. — Известно ведь, что доктор Биллингс отнюдь не приветствует забастовку, вот они и боятся, что, если они войдут в профсоюз, он перестанет их лечить.

— Ну нет, черт побери, он не посмеет! — взорвался Фарли.

— У меня такое впечатление, — призналась Тельма, — будто Роджер не столько сам против забастовки, сколько Джейн. Она-то решительно против.

— Его жене, — сказал Фарли, поморщившись, — следовало выйти замуж за магараджу. Он бы ей подошел по всем статьям. Осыпал бы ее драгоценными камнями, и ездила бы она на слоне...

Мы покатались со смеху, представив себе, как Джейн Биллингс восседает верхом на слоне. Для тех, кто видел, как она горделиво проносится верхом на лошади по дорогам поселка, представить себе такую картину было вовсе не сложно. Держать в своих руках узду — это она любит. Я вспомнила все известные мне конные статуи королей и императоров. Лошади-мужчины. Лошади-женщины. Королева Елизавета принимает парад.

— Скажите, Мэттью, какого черта вы отказываетесь вмешаться? — спросил Фарли. — Вы ведь священник, черт побери, а не рабочий на заводе! Почему вам не прочесть проповедь и не призвать всех объединиться и встать на защиту своих прав? Почему бы вам не призвать рабочих на острове Джерси присоединиться к братьям и сестрам, бастующим в нашем поселке?

— Фарли, сын мой, все не так-то просто, как может показаться с первого взгляда, не забы-

вайте, что я единственный священник в округе и на всем побережье. Мой долг их венчать, хоронить, утешать и нести им слово божье. Чью бы сторону я ни взял, остальные отшатнутся от меня и от церкви, а это внесет еще больший раскол.

— Но ведь если, черт побери, эта заварушка затянется, раскол все равно неминуем. Кстати, знаете почему в тридцатые годы в забастовке фермеров на западе участвовало так много священников? Никто не обладал такой независимостью, никто не пользовался таким уважением, как служители церкви. Фермеры были слишком бедны, а над учителями стояли попечительские советы...

— А надо мной епископ, — усмехнулся Мэттью.

— Так вот, если вы и ваша братия не наставите народ на путь истинный и не увлечете его собственным примером, значит, вы не многого стоите и ваш авторитет равен нулю, — сказал Фарли.

— Кстати, у меня есть одна любопытная новость, которой я хочу поделиться с вами, — понизив голос, сказал Мэттью. — Но только между нами. Скоро сюда приедет католический священник, он поможет мне наставить людей на путь истинный. У него большой опыт разрешения различных конфликтов в таких вот поселках, где хозяин один — предприниматель—и люди не привыкли отстаивать свои права. Родом он с Ньюфаундленда и для нас в сегодняшней ситуации человек очень подходящий. А то, что он католик и прихода у него здесь нет, это к лучшему.

— Так пусть приезжает побыстрее, — сказал Фарли. — Я ведь пытался добиться, чтобы сюда приехал кто-нибудь, кто помог бы организовать

профсоюз, но, видно, я поторопился. Даже если бы такой человек и нашелся, его вряд ли приняли бы с распростертыми объятиями. Жители Ньюфаундленда не привыкли прислушиваться к советам со стороны.

— Да, мы народ провинциальный, — сказал Мэттью.

— Дело не только в этом. Просто срабатывает защитная реакция. Кто лучше разберется в здешних болячках? Вы только посмотрите, сколько бед натворили британцы, когда правили здесь.

— Не такое это было плохое время, — возразил Мэттью. — Они нам и немало хорошего оставили: больницы, железную дорогу, публичные библиотеки...

— И пособия по безработице! — подхватил Фарли. — Жалкие шесть центов в день. Два столетия они пили народную кровь. Грабили, а ничего взамен не давали. Разве что тарелку супа, если какой-нибудь бедолага заболит.

— Немного терпения, — сказал спокойно Мэттью, — и лед тронется. Скорее, чем вы думаете!

23

В ту осень выдался небывалый улов трески. Рабочие завода бастовали четвертый месяц. Ближайший рыбозавод на острове Джерси постоянно работал сверхурочно, и тем не менее переработать всю лавину выловленной рыбы он не мог. Фримэн по-прежнему терпел убытки от рыбозавода в Балине — надо было выплачивать по займам банкам и провинциальным властям и жалованье администрации завода, с которой тоже все обстояло не блестяще.

Виктор Мосс, раньше времени возвратившийся из своего отпуска, стал поговаривать об уходе на

пенсию. Они с Глиннис надумали открыть небольшую гостиницу в каком-нибудь курортном местечке Уэльса.

А главный бухгалтер Джордж Коссар просил перевести его в Сент-Джонс. Утверждал, что там школы лучше, у него ведь дети, но все прекрасно понимали — истинная причина совсем не в этом, а в той гнетущей обстановке, которая действовала на всех. Необходимо было что-то предпринять.

Однажды утром в октябре весь поселок взбудоражило известие: рыбозавод снова начинает работу, но с новыми рабочими! На завод были наняты люди, три года назад переселившиеся сюда из Гавани Уилфреда, но до сих пор еще не определившиеся на новом месте. Кроме того, брали людей из Рози-ривер, из Гранд-Анса и из других далеких мест, если удавалось их уговорить.

Так что рабочие вновь заполнили фасовочный и упаковочный цеха, и конвейер снова пустили в ход. Дэн Куэйл-старший опять стал работать мастером упаковочного цеха, но, к его счастью, дочерей его среди молодых работниц на этот раз не оказалось. Забастовщики ненавидели новых рабочих, Дэн опасался за них. Работа шла медленно, но в конце концов рефрижератор "Гора Сноудон" загрузили мороженым филе, готовя его к отправке в Бостон.

Штрейкбрехеры не ожидали такой неприязни, с какой им пришлось столкнуться. Те, у кого были лодки, однажды в штормовое утро обнаружили, что кто-то ночью перерезал причальные канаты. А то вдруг оказывалось, что сети для ловли омаров изрезаны так, что чинить их нужно не один месяц. Если бы жители поселка имели машины, наверняка их поцарапали бы и разбили бы ветровые стекла.

Пришлось штрейкбрехерам одному за другим убраться восвояси, в свои пусть бедные, зато безопасные поселки. Когда к ноябрю на заводе осталось лишь с десяток издерганных работников и столько же запуганных рабочих-мужчин, Фримэн Дрейк понял, что пора ставить точку. Да и не сошелся свет клином на этом рыбозаводе. В местах, где постоянно ощущалась нехватка рабочей силы, все его заводы получали солидные субсидии, так что местные власти не смеют лишить предпринимателя, который дает людям работу, финансовой поддержки. Что он потеряет, если закроет именно этот рыбозавод? В конце концов реальные деньги вложены только в сейнеры и рефрижераторное судно, а их можно перемещать куда угодно.

Тем не менее дом, который Барбара с такой тщательностью меблировала и украшала, придется покинуть. И конюшни придется оставить, а это потеря, особенно для детей. Не имея дома в Балине, будет уже не так удобно пользоваться охотничьим домиком и домиком для рыбной ловли. И, конечно же, Фримэну Дрейку больше мэрсом не быть. Но он наотрез отказывался вести переговоры с рабочими.

Первой уехала Барбара. В начале декабря она с четырьмя дочками, преданной Эдной, двумя собаками, тремя пони и двумя лошадьми отбыла на "Горе Сноудон" в Массачусетс. Они забрали с собой большую часть мебели. Вот тогда-то и поползли слухи.

Не один год Фримэн грозил, что уедет, и многие уже не верили, что он когда-нибудь решится на такое. Когда же Дрейки отправили мебель и Фримэн официально сложил с себя полномочия мэра, все поняли, что это серьезно.

На доске объявлений рыбозавода появился бумажный листочек с отпечатанным на машинке

извещением о закрытии предприятия "Мороженая рыба Балины". Далее сообщалось, что компания прекращает попытки наладить здесь работу в связи с нежеланием рабочих сотрудничать.

Забастовка прекратилась сама собой — предприятия больше не существовало. Фримэн Дрейк выложил свой последний козырь.

Та зима была долгой и холодной. Был создан "комитет действия", который должен был найти возможность открыть в поселке какое-нибудь другое предприятие. Комитет возглавил Мэттью Уэй, который свои надежды связывал с развитием народных промыслов: вязания, изготовления стеганых одеял и моделей кораблей. Но все это была плохо оплачиваемая и нерегулярная работа для женщин и стариков. Стать экономической базой основной рабочей силы эти промыслы не могли.

В тот год большая часть семей жила на пособие по безработице. Во всех бедах люди обвиняли Оби Кендэла, Чарли Куэйла и их друзей. Многие встревожились не на шутку: что, если в поселке теперь вообще не будет никакой работы? Кое-кто из гарней начал подумывать о том, чтобы поискать работу на Великих Озерах и в других местах. Чувство солидарности, которое так пленяло меня в жителях Балины, стало иссякать.

Как-то мартовским утром, когда небо затянули свинцовые тучи, я выглянула из окна и заметила, что к нам на крыльцо поднимается какой-то верзила в хорошо знакомой всем форме канадского полицейского. Я открыла ему с чувством легкого испуга, которое всегда возникает, если по ту сторону двери стоит страж порядка.

— Дуг! Дуг Макэжерн! — радостно вскрикнула я, открыв дверь. — Какими судьбами?

Из своего кабинета появился Фарли.

— Привет, старина! С чем пожаловал? Может, понизили в должности? Сослали в глушь?

— Да нет же, нет! Я только что прилетел.

Действительно, на рассвете мы слышали шум садившегося на воду гидроплана, но решили, что кто-то заболел в поселке и это прилетел врач. Значит, ошиблись.

— Мы ввосьмером прилетели.

— Восемь полицейских! С чего бы это?!

— Вы разве не слышали, что у вас тут ночью произошло?

— Нет. А что?

— Да все разнесли к чертям собачьим! Разгромили принадлежащий компании магазин. Тополами порубили конюшни. В доме Дрейков все стекла перебили. Какой-то умник перерезал канаты яхты "Сэр Фрэнсис Дрейк", и ее понесло в конец каньона, прямо на скалы, а ночью дул восточный ветер, и яхту разбило в щепки. Что же это делается?! Сдается мне, что ущерб тысяч на сто потянет, не меньше. А там пресса пронюхает. В общем, слушайте сообщения радио.

Все это было для нас словно гром среди ясного неба, вон что творилось всего в какой-то миле от нашего дома, а мы ничего и не подозревали. Старый канал передачи новостей больше не действовал: приносивший нам новости Эзра Роуз лежал с артритом, а детвора из Собачьей Бухты с утра была в школе. Ной и Минни Джозеф, часто звонившие нам по телефону, сообщая последние известия, теперь были вынуждены отказаться от телефона, поскольку за него нечем было платить. А Дэн Куэйл-младший, все еще не остывший от своей ненависти к профсоюзу, больше не приходил к нам поболтать. Если нам слу-

чалось зайти к нему в лавку за покупками, с нами говорить он не отказывался.

— Капрала Фрейзера известили, по-моему, около полуночи, — начал рассказывать Дуг, присев с чашкой чая на тахту. — Как только он увидел, что происходит, он сразу же вызвал по радиации подкрепление. Сержант велел лететь и мне, поскольку я здесь служил и скорее отыщу зачинщиков.

— Неужели? Я, конечно, не прошу, чтобы ты назвал мне фамилии...

— Самое забавное заключается в том, что если я и могу кого-нибудь назвать, то это те, кто выпить любит. Сейчас же дело совсем не в этом! Тут замешаны парни, на которых я раньше ни за что бы не подумал. Один, например, каждый год красил у меня участок. А теперь придется его сажать за решетку. А с ним еще около десятка других, на всех у нас даже места не хватает.

— Многое здесь изменилось за последние месяцы. Ты не поверишь... — сказала я.

— Да, слышал уж... Сплошные неприятности. Фрейзер просит, чтобы его перевели. Говорит, все равно куда, хоть на Лабрадор. В последние дни — ни минуты покоя. Все тут прямо вверх дном перевернулось. Кстати, знаете, чем занимался Фрейзер прошлой ночью, когда началась вся эта заварушка? Дежурил на главной пристани, хотел застукать молоденьких шлюх на месте преступления. Смит, второй полицейский, преспокойно спал после дежурства. Те, кто учинил этот погром, наверняка знали, что стражи порядка заняты своими делами.

— Ты сказал — шлюх? — переспросила я.

— Ну да, которые берут деньги за услуги. У нас это преследуется законом, — с кривой усмешкой сказал Дэн.

— Да знаю я, чем шлюхи занимаются. Только я никогда не думала, что здесь... у нас...

— Две сестрички. У Фрейзера уже были подозрения, но застукать их он все никак не мог. Поэтому, как только причалил идущий на запад пароход, а это было примерно в час — в два ночи, Фрейзер по радиации связался с капитаном. Там они, конечно, ошиваются обе на пристани, ждут. На пристани больше-то никого не должно быть: сильный ветер дул и дождь лил. Капитан ему сказал: мол, на корабль взойшли. Тут, уж конечно, Фрейзер на всех парах жмет на пристань, а капитан подсказал, где поискать.

— А откуда ему знать?

— Капитан-то не знает?! Словом, одну Фрейзер застукал. Даже дверь не потрудились запереть. Фрейзер как заорет: "Сколько он тебе дал?", а та: "Один доллар" — и бумажку протягивает. Бедная девчонка! Может, решила, что раз уж забастовка, то и ей должны заплатить побольше?

— Ну и что с ней будет? Ее привлекут за...

— Эту привлекут. А сестру ее, видно, в последний момент кто-то предупредил. Та мигом по сходням и деру вверх по тропинке. Поймать ее Фрейзер так и не смог. Ну, а в это самое время парней двадцать, а может и больше, поджидали за горой своего часа, чтобы отправиться громить хозяйское имущество.

— Дуг, — сказала я, осторожно подбирая слова, — я знаю, что ты не имеешь права разглашать служебную тайну и называть фамилии, но у меня такое чувство, будто я знаю, о каких девушках шла речь. Что с ними теперь сделают?

— Гм, не знаю. Та, которую Фрейзер застукал, наверное, получит год в колонии для малолетних в Сент-Джонсе, — равнодушно сказал Дуг. — Ну вот, мне пора!

Он поднялся, надел свой еще влажный плащ и фуражку.

— Мы сейчас дежури́м посменно — каждый по четыре часа в сутки, — охраняем то, что осталось от собственности Дрейков. Прежде чем заступать на дежурство, я хотел бы вздремнуть пару часиков, а то ведь меня подняли прямо с постели в четыре утра. Рад был повидать вас. Очень рад.

— Дуг, скажи, а как Марджери поживает? Как там вы живете в Гранд-Фолсе? — спросила я, сообразив, что, кроме местных бед, мы ни о чем не успели поговорить.

— Марджери в полном порядке. Кстати, собиралась сама написать вам о нашей главной новости: у нас будет ребенок. Наконец-то дождалась!

— Как здорово! — сказала я.

— Надеюсь, что меня здесь надолго не задержат, — сказал Дуг, разглядывая свои забрызганные грязью башмаки. — Везет мне как утопленнику. Из всех полицейских мне противнее всего вмешиваться в заводские конфликты. Только меня послали служить на Ньюфаундленд, тут же пришлось столкнуться с забастовкой на лесопилке. И вот опять влип в такую же историю.

24

После отъезда Фримэна Дрейка занимавшая пост его заместителя Джейн Биллингс стала мэром Балины. Но ее маленькое королевство уже не являлось примером послушания, каким оно было когда-то. Джейн оказалась капитаном взбунтовавшегося корабля. Те, кто поддержал

забастовку, никогда не смиряются снова с унижительными условиями труда, которые они испытали в полной мере. Те же, кто был против забастовки, не желали прощать ее зачинщиков.

Оби Кендэл отсидел пять месяцев в тюрьме за нарушение порядка. Выйдя на свободу и вернувшись домой, он выставил свою кандидатуру на муниципальных выборах, победил и стал членом совета поселка. После отъезда Виктора Мосса и Джорджа Коссара два места в совете оказались вакантными. Оби сразу же вызвался войти в состав "комитета действия". Он размышлял так: рыба еще не перевелась в море, а в поселке простаивает без работы рыбозавод, следовательно, найдется человек, который захочет, чтоб он снова заработал. Оби верил, что все еще образуется.

Перси Ходдинотт ушел на пенсию за неделю до того, как официально открыли новое кирпичное здание почты. Отца сменил сын Сидни — деловитый молодой человек, который, не в пример своему отцу, не отличался ни компанейским характером, ни любознательностью.

В вестибюле нового здания, где ярко горели лампы дневного света, пол сверкал кафелем, а объявление на дверях гласило, что на почту вход с собаками воспрещен. Каждая семья имела почтовый ящик. Теперь, если тебе не надо купить почтовых марок или послать перевод, приходи, ни о чем не спрашивая, бери свою почту и иди себе домой.

— Непривычно как-то, — жаловалась Дороти, выкладывая нашу почту на кухонный стол. Как только ей исполнилось шестнадцать, родители настояли, чтобы она бросила школу, и теперь она целыми днями работала в лавке. Поход за почтой отца, нашей почтой и почтой Роузов был

для нее в известной степени разрядкой.

Дороти уселась на тахту, сняла с головы платок и расстегнула молнию на куртке. Июль выдался неожиданно теплый. А до этого так долго стояли холода, что мы уже забыли, что такое тепло.

Я просмотрела почту. Из шести писем в трех конвертах — счета, несколько журналов и каталог летней распродажи фирмы "Итон", в котором первые восемь страниц занимала реклама купальников. В нашем поселке их много не сбудешь.

Дороти и Рут все еще оставались подругами, хотя после замужества Рут их дружба была уже не та, что раньше. В тот год Сесил вновь отправился на Великие Озера, пообещав, когда вернется, построить новый красивый дом с окном во всю стену. Пока же Рут продолжала жить с родителями и пестовала своего малыша, которого называли Уэйн¹. Обычно по утрам с ребенком на руках она заходила в лавку поговорить с Дороти или с другими покупателями. Рут хвасталась, что в свои шесть месяцев Уэйн носит ползунки, которые впору лишь полуторагодовалым детям. Дороти слушала, кивала, но мыслями была где-то далеко. Она уже столько простояла за прилавком, что ей казалось, будто она знает, что надо тому или иному покупателю, прежде чем он раскроет рот. Но стихи она все еще писала.

А Дэн все сокрушался, что очень трудно стало торговать теперь, когда закрылся единственный завод в поселке, хотя его дело почти не пострадало, потому что местное население получало страховки по безработице, пособия для много-

¹Фамилия известного американского киноактера.

детных семей и пенсии. Больше всего его беспокоило то, что множество крепких мужчин живет на пособие по безработице. В свои молодые годы он из гордости ни за что не пошел бы на это.

— В мои времена мы нанимались на Никерсонс в Северный Сидни, или шли валить лес в Бэджер, или в армию записывались, — вспоминал он. — Если ты молод и здоров, а деньги ни за что получаешь, добром это не кончится.

Когда однажды туманным днем Дороти сказала, что уезжает из дому, меня это не очень удивило.

— Меня берут на работу в Корнер-Брук с первого сентября, — сообщила она мне, сияя от счастья, и показала письмо из больницы, в котором говорилось, что ее принимают на курсы санитарок.

— Отцу это, конечно, не по нраву, а я — на седьмом небе от счастья!

Лерой с печальным видом стоял рядом.

— Мы будем скучать без тебя, Дороти. И я, и Лерой.

— Обещаю писать каждую неделю, а Лерою — отдельно.

Мы чуть-чуть повеселели.

— Корнер-Брук — большой город, и поначалу тебе, наверно, будет нелегко одной.

— Прямо сплю и вижу этот город, — сказала она, как будто речь шла не о заштатном Корнер-Бруке, а о каком-нибудь экзотическом городе, скажем Венеции или Багдаде. — Я ведь сроду никуда не ездила. Да нет, не буду я скучать по дому! — добавила она, подумав. — Это раньше я без дома не могла, а теперь ничего меня здесь не держит. Сейчас в поселке все по-другому. Мамаша говорит, что я забиваю себе голову всякой чепухой, но я-то знаю, что говорю.

Однако получилось так, что мы уехали из поселка раньше Дороти. Нелегко было нам принять такое решение, но ведь теперешний поселок и для нас перестал быть родным домом. Балина превратилась в город со всеми присущими ему пороками и проблемами. А к осени ситуация грозила еще больше осложниться, поскольку решено в принудительном порядке переселить к нам около двухсот жителей из соседнего поселка Гранд-Анс. Лишь немногим из этих переселенцев, лишенных исконного рыбного промысла, удастся начать в нашем поселке новую жизнь, промысляя рыбу не в море, а по-прежнему в реках и озерах. Их переезд еще больше усугубит боль израненного сердца Балины — их бывшего соседа.

А тем временем работы по строительству долгожданного телевизионного передатчика продолжались, и, хотя прием телевизионных программ можно было ожидать не раньше чем через несколько месяцев, тем не менее во многих кухнях появились пока еще не работающие телевизоры.

Прибыла бригада для разметки трассы десяти-мильного шоссе, проложенного в необжитых районах, — оно должно было войти в систему трансканадской шоссеиной магистрали.

Куда ни глянешь — всюду заметны черты прогресса, со всех сторон наступающего на поселок, жители которого, в отличие от нас, совершенно не способны были оказывать ему сопротивление.

И вот в один прекрасный августовский день, когда западный ветер разогнал туман, мы приготовились отчалить на нашей маленькой шхуне. Мы хотели уехать так же, как и прибыли сюда, — своим ходом. Капитан торопил с отплытием — хорошая погода стоит не вечно. Мы взяли курс на запад.

К шхуне, стоящей на якоре, подплыли на лод-

ке трое: Дэн Куэйл-старший, Дэн Куэйл-младший и Эзра Роуз решили попрощаться с нами. Громких речей не было. Лодка качалась на волнах вблизи нашего борта, все трое с интересом наблюдали, как Фарли возится с якорем. Очевидно, якорь зацепился за что-то, и, как ни тянул и ни дергал Фарли якорную цепь, как ни пытался с помощью багра освободить якорь, ничего не получалось. Наконец Фарли разделся и прыгнул в ледяную воду, решив, что так ему удастся поскорее освободить цепь от опутавших ее на дне корней. Мужчины взирали на все это с изумлением. Никто из них плавать не умел и никогда бы не рискнул нырнуть в холодную воду.

— Теперь вам суждено счастливое плавание, — сказал Дэн-старший после того, как Фарли переоделся в сухое. — Если с самого начала блин комом, дальше все идет как по маслу.

— Скучать мы по вас будем! — от души сказал Эзра, когда наша шхуна начала потихоньку удаляться от их лодки.

— Кого жаль больше всего? Самых непутевых!

Все трое дружно рассмеялись и стали махать нам, а шхуна уже входила в узкую часть бухты.

Я встала у румпеля, и мы двинулись навстречу седому океану. Пока Фарли ставил парус, я старалась обходить полузатонувшие деревья. И вот уже мы идем мимо высокого берега, поросшего морошкой и колышущейся зеленой травой. Я решительно направила шхуну прямо к бирюзовой глади океана. А потом сделала то, чего никогда не следует делать: обернулась назад, чтобы в последний раз взглянуть на белый домик, который отныне перестал быть нашим домом. И я увидела: на вершине гряды стоят дети и машут нам: Дороти и рядом с ней Лерой, Сьюзи с братишкой Дэнни на руках и Рут, прижимающая к груди Уэйна. И застенчивая Джеки тоже

была там, как всегда, она держалась немного в стороне от остальных.

Я принялась изо всех сил махать им в ответ, пока маленькие фигурки не скрылись из глаз. Только тогда я повернулась и стала смотреть вперед. Волны все яростнее бились о борт, соленые брызги хлестали мне в лицо и смешивались со слезами.

Клер Моуэт

Люди с далекого берега

ИБ № 3619

Редактор **Финогенова М. А.**
Художник **Мольнар М. Ф.**
Художественный редактор **Анно А. И.**
Технический редактор **Гунина В. Н.**
Корректор **Пунга Р. Х.**

Сдано в набор 27.10.86. Подписано в печать 4.03.87.
Формат 70x90/32. Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-
Роман. Печать офсет. Усл. печ. л. 11,12. Усл. кр.-отт. 22,82.
Уч.-изд. л. 12,93. Тираж 50000 экз. Заказ № 1199. Це-
на 1 р. 40 к. Изд. № 3068.

Издательство "Радуга" Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119859, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет
на Можайском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. Можайск,
143200, ул. Мира, 93.

Гр. 40 к.

